

Без Творчества
Нет Сохранения

Без Творчасці
Няма Захавання

There's No Saving
Without Creation

ctrl
+ S

Европейское
Наследие

Альманах программ
Европейского Гуманитарного Университета
«Европейское наследие» и
«Развитие культурного наследия»

ctrl

Европейское
наследие

+S

ЕВРОПЕЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ

Рекомендовано

Академическим департаментом гуманитарных наук и искусств
Европейского гуманитарного университета
(протокол № 37Н-16 от 15 ноября 2021 г.)

Рецензенты

Семенчук А. А., кандидат исторических наук,
доцент Кафедры туризма и культурного наследия
Гродненского государственного университета им. Янки Купалы;
Соркина И. В., кандидат исторических наук, доцент,
независимый исследователь.

Научный редактор

Стурейко С. А., доктор гуманитарных наук,
доцент Департамента гуманитарных наук и искусств ЕГУ

Данное издание осуществлено благодаря гранту
Центрального агентства управления проектами Министерства
иностраннных дел Литвы
(проект № P2021-VB-BA-02 «Идеи и инструменты для европейского
наследия Беларуси»).

CTRL+S. Европейское наследие. Науч. ред. С. А. Стурейко. – Вильнюс: Ciklonas, 2022. – 166 с.

Сборник программ ЕГУ «Европейское наследие» и «Развитие культурного наследия» посвящен теме «Европейское наследие». Академические статьи соседствуют здесь с интервью, а также обзорами новейших событий. Цель публикации – показ европейской перспективы культурного наследия Беларуси, как в смысле его исторической предопределенности, так и через рассмотрение современных практик работы с артефактами прошлого. Название сборника «CTRL+S» – компьютерная команда «сохранить» – это попытка вырваться за пределы смысловых клише, найти новый язык для работы с наследием, не игнорирующий реальность XXI века.

Издание предназначено исследователям, студентам, а также всем интересующимся проблематикой сохранения культурного наследия.

ISBN 978-609-8122-93-0

© Европейский гуманитарный университет, 2022

Содержание

- 5 От научного редактора

Европейское наследие как интеллектуальная традиция

- Томас Венцлова 11 «Традиция не всегда человечна,
а реальность не всегда бесчеловечна»
- Анатолий Михайлов 19 Европейское наследие как источник
кризиса и как надежда
- Алексей Махнач 29 Европейское наследие «между прошлым
и будущим...»
- Степан Стурейко 39 Наследие как дискурсивный конфликт,
заимствование и ритуал

Европейское наследие как основа идентичности

- Яцек Пурхла 51 «У прошлого есть будущее!»
- Сяргей Харэўскі, Сцяпан Стурэйка 59 Еўрапейская спадчына Беларусі.
Спраба вызначэння месцаў і аб'ектаў
- Раса Чепайтене 71 Изменения мемориальной культуры:
европейский фактор в исторической политике
стран Западной и Центрально-Восточной Европы
- Илья Сульжицкий 81 Категории «темный туризм» и «танатотуризм»
в современных исследованиях культурного
наследия

Европейское наследие как практика

- Светлана Кондратьева 91 От молчаливого присутствия к главным ролям:
креативные практики работы с наследием
как стратегия соучастия
- Маргарита Петерсон 101 Феномен и актуализация наследия
социалистического модернизма в Литве

- Юлия Карпенкова 109 Новая концептуализация цифровой интерпретации наследия: от расширения возможностей классических техник до нового уровня коммуникации
- Дарья Бикмансурова 117 (раз)архивировать: художественные практики обращения к архивам. Введение к исследованию

Европейское наследие как эксперимент

- Григорий Хейфец, Майя Кацнельсон 125 Виртуальная реконструкция Слонимской синагоги: как мы это сделали?
- Олег Виниченко 135 Наследие и конфликт: европейские идеи и инструменты работы с культурными ценностями. Летняя школа
- Георгий Баранец 143 Перспективы сохранения архитектурно-градостроительного комплекса проспекта Независимости в Минске
- Аляксандр Калбаска 153 Пра (лічбавую) перспектыву для беларускіх музеяў
- 159 Европейское наследие в работах студентов программы ЕГУ «Визуальный дизайн»

От научного редактора

Протесты против массовых фальсификаций президентских выборов в Беларуси в августе 2020 года и последовавшее brutальное подавление всеобщего несогласия с их объявленными результатами стали невероятным потрясением для белорусского общества. Это потрясение вызвало цепочку значимых изменений в общественной жизни, одним из которых стал проснувшийся интерес к историческому прошлому и национальной культуре. По сути, сегодня мы наблюдаем перезагрузку белорусской государственности. Какой ей быть завтра, зависит от того, как мы ототрефлекслируем нашу идентичность и наше место в пространстве и времени.

Все это наделяет публичную дискуссию о белорусской истории и культуре особой важностью. И именно разговор о наследии, на наш взгляд, составляет костяк этого обсуждения. Ведь наследие – это не старые камни. Это – смыслы, которыми мы их наделяем. Они сообщают не столько о прошлом, сколько о настоящем и, что главное, проектируют наше будущее.

В этом сборнике нам показалось особенно важным актуализировать европейскую перспективу белорусской культуры и наследия, а также начать публичное осмысление самой концепции Европейского наследия и инструментов работы с ним.

Европейское наследие рассматривается здесь в контексте трех взаимосвязанных аспектов:

- как интеллектуальная традиция, ставшая фундаментом развития общественных и экономических отношений в Европе, а также основой европейской городской культуры;
- как средство построения наднациональной политической идентичности – одного из фундаментов Европейского Союза, реализующееся в таких программах, как «European Heritage Label», «House of Europe», Культурные пути Совета Европы и другие;
- наконец, в качестве совокупности лучших подходов и практик работы с культурным наследием, выработанных в ведущих странах Европы и конвертированных в академические программы, а также национальные и международные правовые акты.

Беларусь – единственное государство на европейском континенте, не являющееся членом Совета Европы и потому не участвующее во множестве европейских программ и инициатив в поддержку культурного наследия. Несмотря на это, у нас существует к ним стабильный интерес, о чем свидетельствует хотя бы многолетнее проведение в Беларуси Дней европейского наследия. Разбираться со всеми этими инструментами и практиками важно также в связи с предвидимой нормализацией ситуации и поворотом белорусской политики в сторону европейской интеграции. Здесь нам может помочь осмысление опыта других постсоветских стран, в первую очередь Литвы, с которой Беларусь в течение многих веков принадлежала к единому политическому и культурному пространству.

Будучи оптимистами, мы тем не менее отдаем себе отчет в сложности и противоречивости европейского наследия, которое часто служит инструментом разъединения. Мы обсуждаем, что в европейской традиции способствует ее нынешнему кризисному состоянию, а что в рамках насущного переосмысления может действовать укреплению Европы. Эти вопросы особенно важны в гуманитарном университете, ведь мы несем ответственность за новое поколение европейцев.

В 2018 году в ЕГУ стартовала новая бакалаврская программа «Европейское наследие», дополненная магистерской программой «Развитие культурного наследия». Нашей целью было создание экспериментальных программ, направленных на поиск нового языка гуманитарного знания и на переосмысление ключевых феноменов европейской традиции, развитие представлений и образов работы с наследием и культурой. Все это – на основании широкой базы международных контактов Университета, позволяющей привлекать интеллектуалов, экспертов и менеджеров, представителей креативных индустрий, а также разнообразных социальных партнеров для формирования лучшей в регионе образовательной программы в данном направлении.

Несмотря на то, что мы молоды, вокруг программы уже сформировался круг дискутирующих единомышленников. Поэтому настоящий сборник представляет собой своеобразную промежуточную фиксацию того, о чем мы ежедневно думаем и что обсуждаем как со студентами, так и вовне Университета.

Его название «CTRL+S» – компьютерная команда «сохранить» – это попытка вырваться за пределы смысловых клише, найти новый язык для работы с прошлым, не игнорирующий реальность XXI века. Кроме того, невозможно ничего сохранить, не создавая нового и не внося изменений.

В первом разделе «Европейское наследие как интеллектуальная традиция» собраны материалы, посвященные феномену европейской традиции и ее роли в гуманитарном образовании, а также динамичности общественных представлений о наследии.

Второй раздел «Европейское наследие как основа идентичности» представляет собой попытку порассуждать о значении прошлого в нашей жизни, о том, как оно манит, заставляет нас спорить, ужасаться, но вместе с тем и задает определенные импульсы для развития.

Третий раздел «Европейское наследие как практика» – это фиксация современных трендов в работе с культурными ценностями, расширяющих привычный инструментарий. Здесь много внимания уделено современному искусству, дизайну, а также цифровым технологиям.

Наконец, четвертый раздел «Европейское наследие как эксперимент» объединяет материалы о событиях и процессах в области наследия, к которым мы либо оказались причастны, либо о которых обязательно хотим вам рассказать.

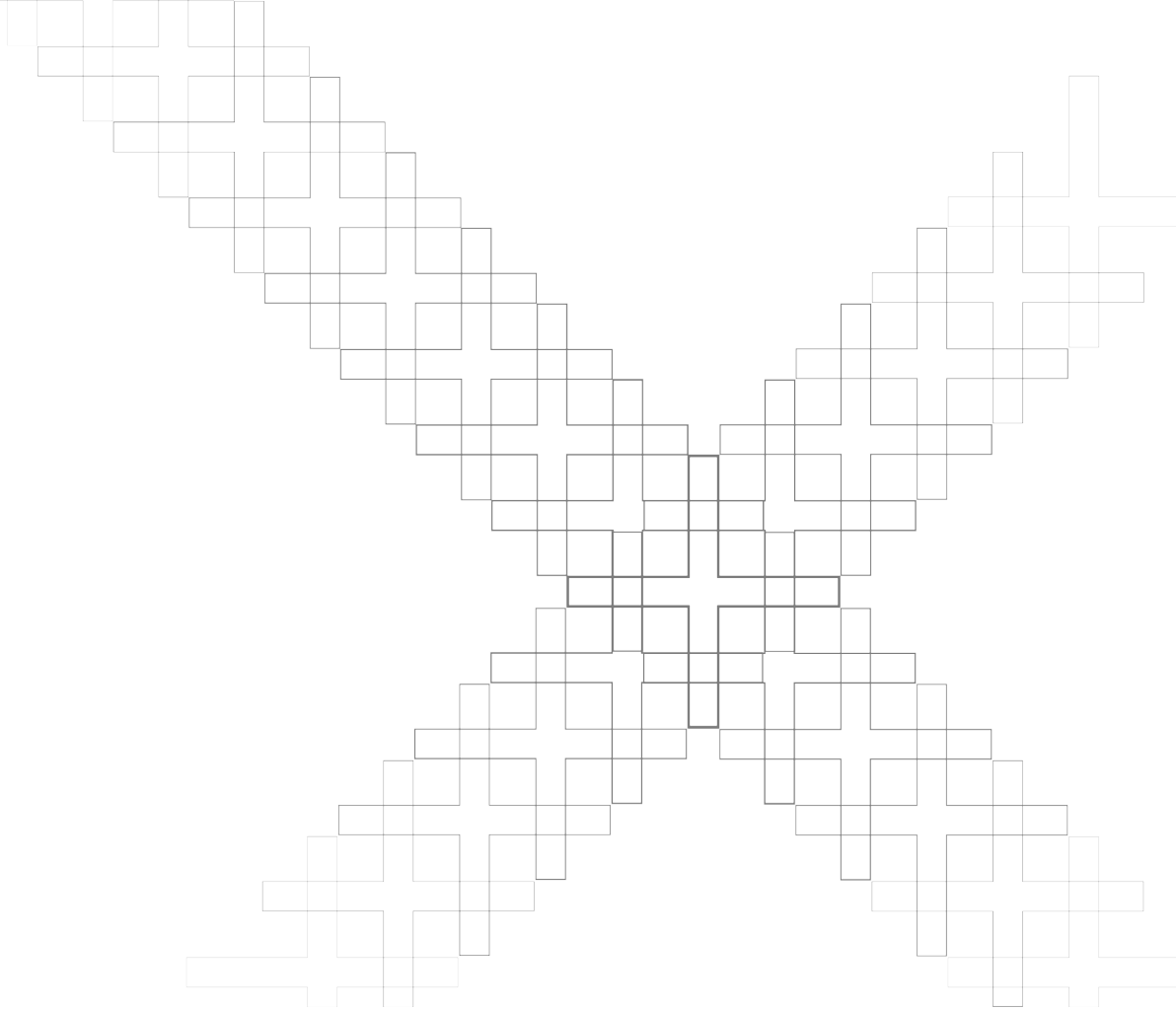
Да, сборник получился достаточно неоднородным. Здесь соседствуют академические статьи, интервью с важными для нас персонами из сферы наследия, обзоры новейших событий, а также свободное рассуждение о феноменах наследия и европейской традиции.

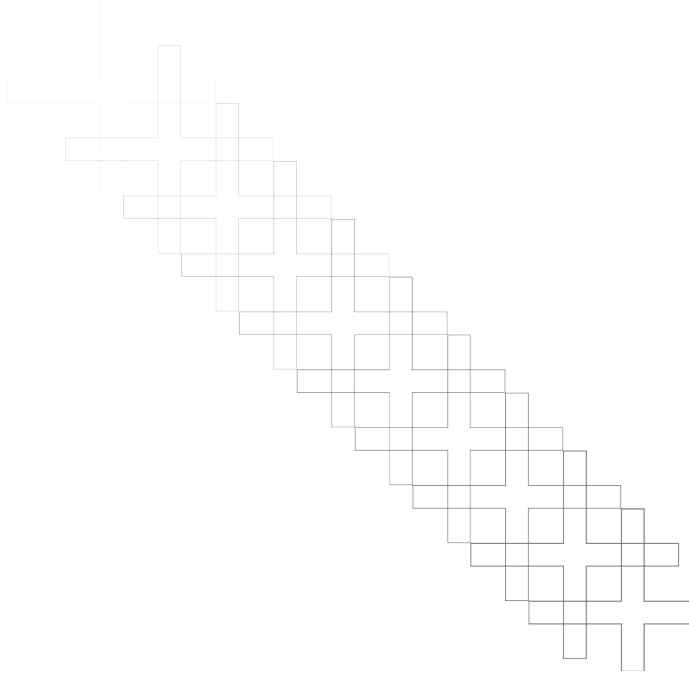
Особенно немаловажно, что сборник стал точкой сборки как экспертных взглядов, так и материалов исследовательских проектов наших студентов, которыми мы по-настоящему гордимся.

Надеемся, что сборник получит периодическое продолжение и станет регулярно пополняемым архивом нашей программы.

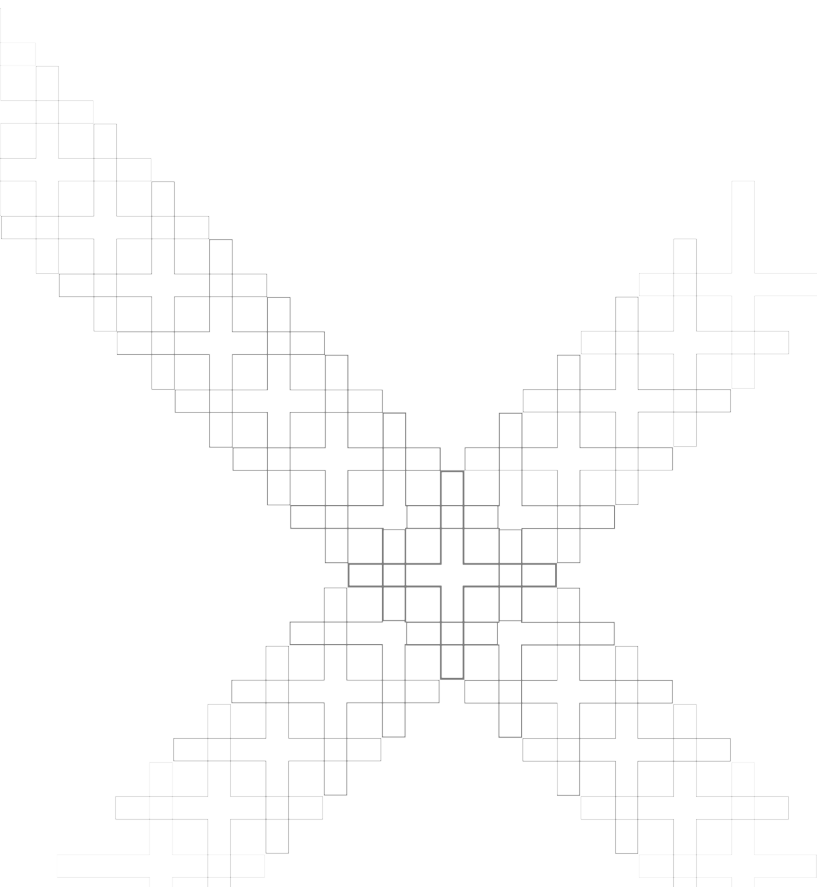
Степан Стурейко

Европейское наследие
как ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ

Томас Венцлова

**Традиция не всегда человечна,
а реальность не всегда бесчеловечна**

Tomas Venclova

Tradition is not always human,
and reality is not always inhuman

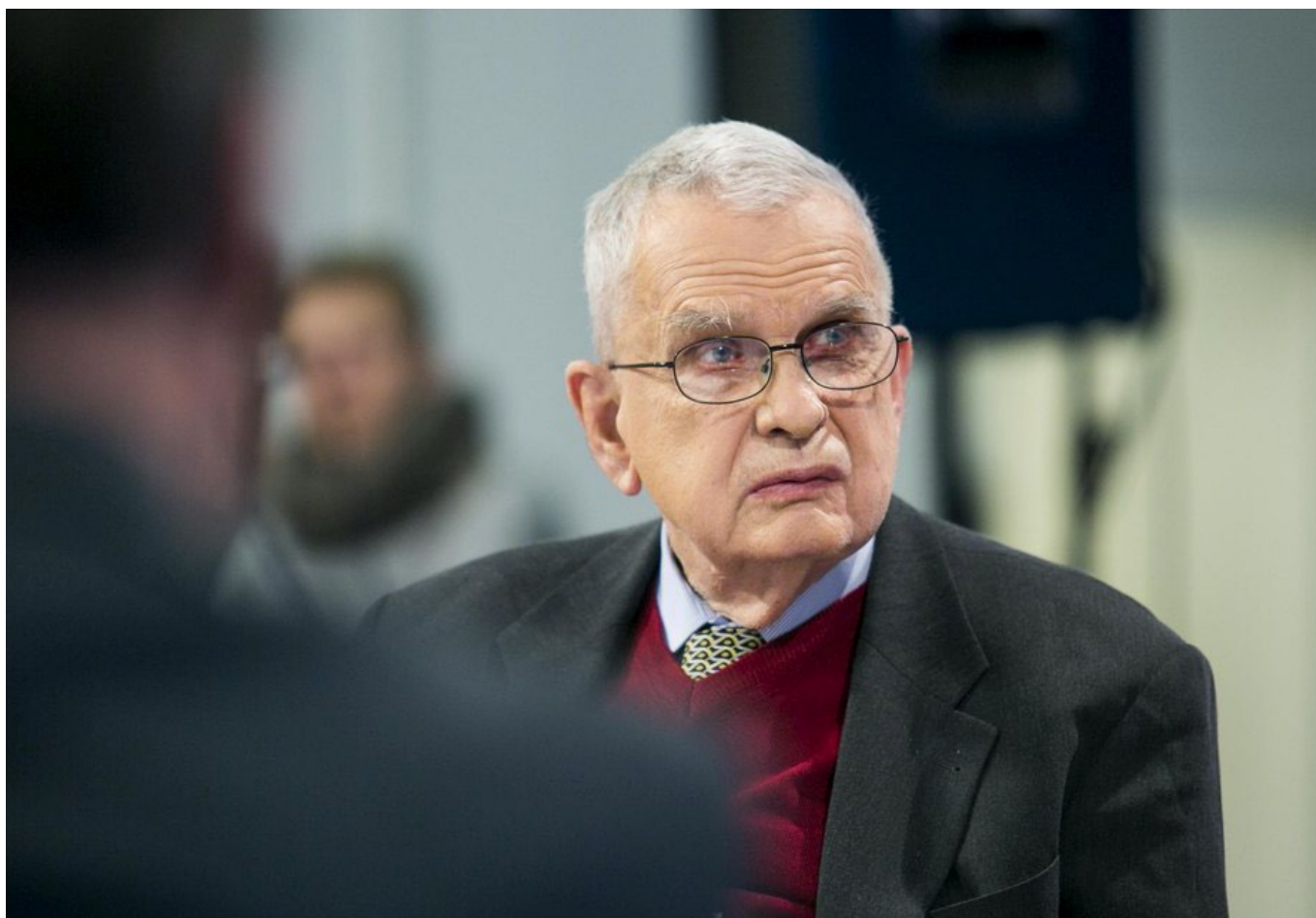

Фото Tomas Vinickas

An interview with a renowned poet and professor Tomas Venclova is dedicated to the searches of the human in the European heritage and tradition, able to break the darkness of present times. Art and literature could be something that helps us to survive. At the same time, we must be aware of the danger of quick solutions and false expectations. As those creating the culture and forthcoming heritage, we bear responsibility for the future of humanity. A conversation was prepared by students of the EHU BA program «European Heritage» Liyana Kakhanouskaya and Liubou Mytskikh.

Попытки понимания современной реальности и положения человека внутри неё нередко погружают нас в туман, в чувство неуверенности и беспомощности. Одним из способов развеять «дым» и найти в пространстве является обращение к вневременному. Не менее важным предстает поиск чего-то «живого» в том, что сейчас кажется статичным, окружающим нас в повседневности; а также умение вступить в общение с тем, что сумеет показать, что нечто в этом мире ещё не случилось, но случается; не сотворено, но творится.

Оживление вечного происходит в нас благодаря людям, которые служат человечности во времена, вовсе не кажущиеся для этого благоприятными. Одним из таких людей является Томас Венцлова – выдающийся литовский поэт, переводчик, эссеист, профессор-эмерит Йельского университета. Мы решили обратиться к нему с вопросами об историческом положении культуры, об измерении европейского наследия, поиске трагедии и возможностях её преодоления. А также – о гармонии, дисгармонии, надеждах и силе быть человеком.

Господин Венцлова, в чем, на Ваш взгляд, сейчас живет европейское наследие? Оно продолжает воспроизводить себя из великих событий прошлого? Исчерпается ли эта традиция? Или же культура продолжит созидать себя?

Европейское наследие основано, вероятно, на трех началах. Можно сказать, стоит на трех китах.

Во-первых, это греко-римская традиция, давшая нам понятие о демократии и праве (впрочем, предоставившая и примеры жесткой тирании – того, что в общественной жизни недопустимо).

Во-вторых, это христианство: его учение следует понимать как освободительный импульс, спонтанный зов совести, прежде всего как эмпатию, то есть, любовь, уважение, доверие к другому человеку, умение чувствовать его «изнутри». Увы, в наши годы христианство часто срывается с властью и пропитывается мирскими интересами, подменяется запретами и ритуалами, культом так называемых «традиционных ценностей» – под ними понимаются предрассудки вплоть до расизма и гомофобии. Это явно противоречит свободе, бесстрашию и открытости первоначального христианства.

Третий «кит» больше всего связан с Ренессансом и Просвещением. Это умение критически относиться к себе, пересматривать прежние точки зрения, учитывать чужой опыт (этого не хватает, например, исламской цивилизации – надо думать, пока что, ибо она моложе по крайней мере на шестьсот лет).

Думаю, эти черты европейского наследия далеко не исчерпали свой положительный потенциал.

Какими возможностями для Вас обладает обращение к наследию и традиции во времена, когда социальная реальность строится на принципе «расчеловечивания»? Может ли наследие помочь человеку справиться с «нечеловеческим» в минуты, когда оно продолжает совершаться?

Традиция не всегда человечна, а реальность не всегда бесчеловечна. Но когда реальность «расчеловечивается», мы не можем говорить: «Это меня не касается». В такой ситуации, несомненно, мускулы души укрепляет обращение к гармонии – Фра Анжелико, Вермееру, Баху, Пушкину, а то и к острой дисгармоничности – Босху, экспрессионистам, Стравинскому, позднему Манделштаму. Все это дает ощущение, что дело человечества не безнадежно.

Как оставаться культурным человеком, не переставать видеть духовные ценности, позволять себе восхищаться поэзией, ходить в оперу, когда ты погружён в политику? Когда каждый день ты просыпаешься с осознанием того, что рядом с тобой существует чистое зло?

Понятие «чистого зла», пожалуй, не христианское, а манихейское. Манихейство – учение первых веков нашей эры, исходившее из иранской религии, зороастризма. Оно дало отзвуки и в Западной Европе (катары, альбигойцы), и на славянских Балканах (богомилы). Приверженцы этого учения считают, что зло – мировая сила, равносильная добру и неуничтожимая. Христианство полагает, что зло – отсутствие или недостача добра: в конечном счете оно есть пустота. Мир лежит во зле, в том числе политическом, но может быть улучшен и преобразован хотя бы отчасти (а в конце времен – полностью). Искусство обостряет ощущение зла (прежде всего, что очень важно, зла в самом читателе, слушателе или зрителе) и тем самым может помочь преображению мира.

Христианское европейское наследие должно быть включено в диалог о понимании мира, времени, человека и существования в целом. Однако после трагических событий XX века обращение к нему стало будто второстепенным делом. Замечались ли Вами несоответствия в обращении к смыслам и ценностям христианской европейской традиции? Каким образом это обращение сможет вернуть свой сакральный характер? И сможет ли в наше время?

Стремление общаться с таинственным в наше время нередко приводит к разнообразным учениям New Age (Блаватская, Рерих, Кастанеда, неоязычество и так далее). Я подозреваю, что New Age

в сильнейшей степени пронизан шарлатанством и пустословием – даже если порой натывается на что-то верное, то натывается случайно. Исключение можно сделать для классического буддизма – это серьезная попытка решать вопросы человеческого бытия.

Но христианство, по-моему, лучше отвечает повседневным потребностям и важнейшим потребностям совести. Хотя бы потому, что считает земной мир не иллюзией, а даром, который надлежит беречь и улучшать. Беда современного – впрочем, и более раннего – христианства в другом. «Воцерковленность» иногда (хотя, конечно, не обязательно) приводит к психологии Тартюфа – ханжеству, лицемерию, стремлению обличать и исключать, то есть, к ненависти, глубоко чуждой христианскому духу. Общение с сакральным должно сочетаться с открытостью, а не закрытостью, со свободой, а не с порабощением.

Существенно понятие «этического слуха», и этот слух надо развивать – в пределе до абсолютного. Есть люди, которым абсолютный этический слух дан изначально, это святые. История показала, что они присутствуют в любые времена и в любых условиях.

Как вы думаете, то массовое, и, возможно, несильно наполненное и осознанное, что сегодня составляет культуру, – останется ли оно в истории? Станет ли его образ следующим европейским наследием? Или же наследие строится на чём-то более глубоком и откровенном?

Массовую и «высокую» культуру не следует строго противопоставлять. Они всегда перекрещиваются и взаимно влияют друг на друга. Причем и в той, и в другой немало мусора: с одной стороны – это пошлость, с другой – неплодотворная «высоколобость». Массовая культура есть нынешний фольклор, который, как известно, в истории остается или хотя бы оставляет след. Нелишне вспомнить культ фольклора в национальных культурах XIX и XX веков. Что-то, конечно, стирается и вытесняется новыми модами, но возвращается в виде «ретро».

Многое в «высокой» культуре, видимо, исчерпало себя – так, живопись и скульптура заменяется инсталляциями и так далее. Но благодаря репродукциям, записям и переизданиям культура всех стран и времен стала доступна более чем когда-либо. Её нам хватит. При этом мы платим за относительно комфортное существование не только отмиранием традиционных форм, но и некоторой всеядностью, неразборчивостью, эклектизмом.

Для меня остается важной категория вкуса, понятие ремесла, идея гармонии. Дисгармоничность, шок действуют кратковременно и относительно, хотя иногда очень сильно.

Культурное воспитание, наследие, литература, поэзия, живопись – все возвращает интерес к миру. Как быть человеку, которому ничего не интересно? Связываете ли вы искусство с определенным умением жить?

С одной стороны, вряд ли есть люди, которым решительно ничто не интересно. С другой стороны, искусством интересуется далеко не каждый, и в этом нет ничего страшного – в обществе должны быть различия, ведущие к напряжениям, а напряжения нужны для эволюции. Но искусство, конечно, учит жить разнообразнее и гармоничнее, существовать как бы на нескольких уровнях. Оно тренирует мозг и помогает пробуждать эмпатию.

Что вы можете посоветовать человеку, выращенному вне европейской культуры или вообще вне культуры, но устремившегося к ней? Способен ли он на полноценный диалог с культурой или его первоначальная среда оставляет в нем неизгладимый след?

Если человек устремится к культуре, то он ей более или менее научится – найдет учителей, переживет диалог с культурой, который может дать своеобразные, необычные – тем самым часто ценные – результаты. Отталкивание от первоначальной среды в таких случаях бывает очень сильным, порою даже преувеличенно сильным. Это и есть ее след.

Сейчас, обращаясь к повседневной речи, можно заметить, что главные общечеловеческие понятия невольно заменяются нами на что-то невзрачное и не требующее большой ответственности. «Счастье» теперь заменяется на «удовольствие», «трагедия» на «печаль», «любовь» на «пользу», «свобода» на «комфорт» и «безопасность», «красота» на «интерес». Такая трансформация в языке указывает на наш страх обращения к величине самого простого. Коснулась ли данная боязнь, на Ваш взгляд, простоты нашего понимания европейских ценностей?

Не всегда высокий словарь означает большую простоту и большую ответственность. В отходе от выпяченных понятий может присутствовать и скромность, отказ от претензий, ирония к себе, то, что в английском языке называется understatement. Но Вы правы в том, что мы живем в потребительском обществе – скажем так, Литва уже живет, а Беларусь и Россия далеко не совсем. Именно такого общества мы, в общем, хотели – инстинкт к потреблению очень силен, он, пожалуй, даже сильнее стремления к независимости и свободе (впрочем, они связаны). А потребительское общество ведет

к «уплощению» психики в духе романа Олдоса Хаксли ПРЕКРАСНЫЙ НОВЫЙ МИР. Это вряд ли хорошо – скорее опасно. В том же направлении действует информационная революция, в сердцевине которой мы сейчас находимся и поэтому не всегда ее понимаем.

Следует найти некоторое равновесие между новым миром и прежним. Думаю, оно придет, ибо человек очень устойчив и меняется медленно. Интересным симптомом нового равновесия мне кажется то, что немалая часть современной элиты переходит от режима «онлайн», смартфонов, социальных сетей и кибернетических игр к режиму «оффлайн», непосредственному общению, то есть как бы возвращается от «фастфуда» к домашней еде и ресторанам.

Замечали ли Вы когда-то, что поэтическое обращение к традиции и наследию оказывало влияние на новое «дыхание» традиции, видение в ней чего-то «живого»? Каким образом служение языку через поэзию помогает душе человека вступить в живое общение с историей?

Каждый поэт знает, что его работа может обновить, приблизить к нам многовековые топосы, мифологические мотивы, архетипы, исторические воспоминания. В более общем случае это называется деавтоматизацией. Российские формалисты (Шкловский) тут предлагали хороший термин «остранение».

В наше время оказывается всё ещё невыносимо трудно отыскать понимание трагического наследия XX века, объяснить феномен Освенцима и ГУЛАГа, и даже просто принять факт произошедшего. При этом, мы всё ещё переживаем некоторые «осколки» тех событий, на примере политических репрессий в Беларуси. Какие духовные качества необходимо отыскать в себе, прежде чем начать работу над поиском понимания трагедии, её истоков, мотивов и последствий? Как обратить внимание на то, что в корне не обладает оптимизмом?

Поиски трагедии надо начать с себя, а не с других. Понимание трагедии – это понимание, что человечество при всех различиях обладает глубоким единством, которое нельзя нарушать. То есть, нужен не-национализм, не-расизм, не-классовое чутье. Нужно отвергнуть идею «справедливой расплаты» и мести. Что бы ни натворил Муаммар Каддафи, смерть его была вряд ли менее ужасной, чем его злодеяния. Расплата справедливой не бывает и оснований для оптимизма не дает. Необходимо не противопоставление и разъединение, а все та же эмпатия. Злодею надо просто закрыть возможность наносить вред, а не воздавать ему «око за око». В этом, по-моему, заключается высшее мужество.

На Ваш взгляд, способно ли «общение» с культурой, традицией и наследием обладать потенциалом для разрешения социальных конфликтов? Возможно ли в нем отыскать исток мира во время войны, споров и нелюбви?

Бродский сказал во время своих нобелевских торжеств, что человек, прочитавший классиков (насколько помню, он упоминал Диккенса, Пруста, Баратынского), менее склонен ко злу, чем тот, кто этого не сделал. На него напали, справедливо указав, что многие эсэсовцы (да и чекисты) были вполне начитаны, и это им не мешало творить злодеяния. Но, по-моему, если культура, традиция и наследие остановят хотя бы одну руку, мешают хотя бы одному человеку влиться в ряд преступников – а это возможно – это несомненно лучше, чем ничего.

Интервью подготовлено студентками бакалаврской программы ЕГУ «Европейское наследие» Лианой Кохановской и Любовью Мыцких.

Любовь Мыцких   Диана Кохановская

Анатолий Михайлов

академик, выдающийся белорусский ученый и философ, работающий в области феноменологии, герменевтики и философии образования. В 1966 году получил степень доктора философии в Йенском университете им. Фридриха Шиллера. Является членом Европейской академии наук и искусств, а также Национальной академии наук Беларуси. Инициатор создания ЕГУ и его первый Ректор с 1992 по 2014 год.

Фото Mindaugas Mikulėnas

Европейское наследие как источник кризиса и как надежда

Анатолий Михайлов

European Heritage as a Source of Crisis and as a Hope

The article of the founder of European Humanities University, Academic Anatoli Mikhailau, is dedicated to the problem of our responsibility in the face of the newest European crisis. While academics are multiplying the explanation theories, the European Humanities University is still challenged by the need to prepare a new generation capable of saving Europe. Cultural heritage and European intellectual tradition are a source of the problem and simultaneously a lifeline. Its use is in our hands.

Еще не так давно, не многим более двух десятилетий назад, мир встречал новый XXI век, ознаменовавший наступление третьего тысячелетия. Ожидания, вызванные приближением такой знаковой даты, были связаны на европейском континенте со стремлением преодолеть трагический опыт XX столетия, оплаченный десятками миллионов невинных человеческих жизней.

И следует отметить, что основания для этих ожиданий выглядели более чем достаточными. Позади осталась холодная война, на протяжении многих лет сопровождавшаяся рискованной конфронтацией двух мировых систем; произошло объединение Германии; разрушились вековые скрепы колониализма; на руинах распавшегося Советского Союза во вновь образованных государствах возникли ожидания позитивных социальных преобразований. Впечатляющие технологические достижения внушали уверенность в том, что мир находится на пороге нового этапа своего прогрессивного развития...

Прошло всего два десятилетия – исторически незначительный срок, и мы с сожалением вынуждены признать очередную утопичность наших надежд. Слово «кризис» в последнее время становится все более привычным для обозначения происходящего в мире: экологический кризис, кризисные явления в современных международных отношениях, финансовый и экономический кризис, кризис демократии, тревожный рост экстремизма и возрождение авторитаризма, кризис системы здравоохранения, кризис традиционных ценностей, кризис образования... Стоит ли говорить, что все это находится в разительном контрасте с недавними ожиданиями? Можно ли было представить в последней четверти XX века появление резонансных книг с такими апокалиптическими названиями как, например, *Конец Запада Дэвида Марканда* [1] или *Странная смерть Европы Дугласа Мюррея* [2]?

Как бы ни было прискорбно, приходится признать, что европейский континент с его более чем двух с половиной тысячелетней традицией сталкивается в наши дни с невиданными до сих пор глобальными вызовами, по отношению к которым наше мышление и основанные на нем прежние способы взаимодействия с этим миром уже не работают.

Но столь ли неожиданно происходящее в наше время на европейском континенте и в мире в целом?

В 1919 году Поль Валери публикует по следам недавно закончившейся разрушительной Первой мировой войны полный драматизма документ под названием *Кризис духа*: «Мы, цивилизации, – теперь мы знаем, что мы смертны. Мы слышали рассказы о лицах, бесследно исчезнувших, об империях, пошедших ко дну со всем своим человечеством и техникой, опустившихся в непроницаемую глубь столетий, со своими божествами и законами, со своими академиями и науками, чистыми и прикладными, со своими грамматиками, своими словарями, своими классиками,

своими романтиками и символистами, своими критиками и критиками критиков... Мы различали сквозь толщу истории призраки огромных судов, осевших под грузом богатств и ума... Но эти крушения, в сущности, нас не задевали.

Элам, Ниневия, Вавилон были прекрасными именами, и полный распад их миров был для нас столь же мало значим, как и само их существование. Но Франция, Англия, Россия... Это тоже можно бы счесть прекрасными именами... И вот ныне мы видим, что бездна истории достаточно вместительна для всех. Мы чувствуем, что цивилизация наделена такой же хрупкостью, как жизнь» [3, 105]. «Необычайный трепет, – продолжает Валери, – пробежал по мозгу Европы. Всеми своими мыслительными узлами она почувствовала, что уже не узнает себя более, что перестала на себя походить, что ей грозит потеря самосознания. Того самосознания, которое было приобретено веками выстраданных злосчастий, тысячами людей первейшей значимости, обстоятельствами географическими, этническими, историческими, каковых не исчислить» [3, 106].

Ответы европейского духа на эти кризисные явления, как полагает поэт и мыслитель, не были адекватны вызовам: «В том же умственном разброде, под давлением того же страха цивилизованная Европа увидела быстрое возрождение бесчисленных обликов своей мысли: догм, философий, противоречивых идеалов, трех сотен способов объяснить мир, тысячи и одного оттенков христианства, двух дюжин позитивизмов – весь спектр интеллектуального света раскинулся своими несовместимыми цветами, озаряя странным и противоречивым лучом агонию европейской души» [3, 107].

С этим анализом кризисного состояния века были созвучны и идеи Освальда Шпенглера, который в своей книге *Закат Европы* (1922) (более уместный перевод названия «*Der Untergang des Abendlandes*» – «Упадок

Рене Магритт
«Репродуцирование
запрещено»
1937

или закат Западной цивилизации») подводит итоги развития всего происходившего на европейском континенте, начиная с эпохи Античности. По мнению Шпенглера, мы имеем дело с истощением и измельчением культуры, некогда представлявшей собой систему жизненных ориентаций европейского человека.

Речь не просто о констатации процесса, симптомы которого были предвосхищены еще в XIX веке, постепенно приходившем к осознанию иллюзорности социальных идеалов эпохи Просвещения и по сей день в существенной мере определяющих характер нашего мышления. Попытки обозначить шаткость фундаментальных принципов этого мышления, которое во все большей степени проявляло свою несостоятельность по отношению к реальности, были обозначены в различных течениях европейского романтизма, а позднее в трудах Шопенгауэра, Кьеркегора, Ницше, Бергсона и Дильтея. Они приняли особенно радикальные формы в литературе, поэзии, музыке и живописи. Достаточно вспомнить имена Эдгара По, Бодлера, Малларме, Достоевского, Вагнера, Ван Гога и многих других – тех, кто, как правило, не воспринимается в качестве наделенных правом выступать от имени «знания».

Осмысление кризиса нашло отражение и в рамках диалога западной и русской традиций культуры в то время, когда между ними еще существовало продуктивное взаимодействие, то взаимодействие, которое в XIX веке казалось способным заложить основы для столь необходимого европейскому континенту духа продуктивного сотрудничества.

Так, например, Д. Мережковский начинает свою статью с примечательным названием Грядущий хам (1906) с цитаты А. Герцена из его сборника Концы и начала: «Мещанство победит и должно победить. Да, любезный друг, пора прийти к спокойному и смиренному сознанию, что мещанство – окончательная форма западной цивилизации». «Трудно

заподозрить Герцена в нелюбви к Европе, – отмечает Мережковский. – Ведь это именно один из тех русских людей, у которых, по выражению Достоевского, «две родины: наша Русь и Европа». Может быть, он и сам не знал, кого любит больше – Россию или Европу» [4, 350]. При этом Герцен продолжает свою мысль, ссылаясь на «одного из благороднейших представителей европейской культуры, на одного из ее «рыцарей без страха и упрека», на Дж. Ст. Милля: «Мещанство – это та самодержавная толпа сплоченной посредственности (*conglomerated mediocrity*) Ст. Милля, которая всем владеет. Толпа без невежества, но и без образования... Милль видит, что все около него пошлеет, мельчает; с отчаянием смотрит на подавляющие массы какой-то паюсной икры, сжатой из мириад мещанской мелкоты... Он вовсе не преувеличивал, говоря о суживании ума, энергии, о стертости личностей, о постоянном мельчании жизни, о постоянном исключении из нее общечеловеческих интересов, о сведении ее на интересы торговой конторы и мещанского благосостояния». Мережковский отмечает, что Герцен соглашается с Миллем: «Если в Европе не произойдет какой-нибудь неожиданный переворот, который возродит человеческую личность и даст ей силу победить мещанство, то, несмотря на свои благородные antecedенты и свое христианство, Европа сделается Китаем» [4, 351].

Мы хорошо знаем, что кризисные этапы всегда сопутствуют развитию общества. Однако существуют кризисы особого масштаба. В европейской истории можно выделить несколько событий, радикально изменивших облик континента. Это распад греческого полиса, крушение Римской империи, радикальные преобразования в сфере христианства и становление эпохи Просвещения.

При этом всякий раз кризису сопутствовала трансформация фундаментальных устано-

вок европейского человека, находивших выражение в определяющих жизнеобразующих принципах. «Античная жизнь была космоцентрична, средневековая – теоцентрична, жизнь Нового времени – антропоцентрична», – отмечает по этому поводу Хосе Ортега-и-Гассет [5, 385].

По мнению Ортеги-и-Гассета, одним из самых драматичных для Европы был XV век: «Самый сложный и загадочный из всей европейской истории вплоть до наших дней... век исторического кризиса, единственного кризиса в полном смысле слова, какой только переживали народы Запада», более катастрофического, чем тот, в котором погибла античная культура [5, 377].

Ортега-и-Гассет описывает этот век как век утраты человеком почвы под ногами: «Человек XV века заблудился в самом себе, то есть он выпал из одной системы верований и пока не утвердился в другой» [5, 378]. Именно в этом он усматривает его сходство с кризисом, переживаемым современным миром.

Эпоха кризиса всегда характеризуется двойственностью: с одной стороны, цепкостью прежнего образа жизни и его представлений, а с другой – прорастанием элементов новой жизни, которые дестабилизируют истощившую себя прежнюю.

«Одним из величайших несчастий нашего времени, с которым сталкиваются народы Запада, – отмечает Ортега-и-Гассет, – является то, что по отношению к конфликтам они оказываются вооруженными совершенно устаревшим набором понятий по поводу того, что такое общество, индивид, обычаи, право, справедливость, революция и т. п. Известная доля дезориентации нашего времени коренится в диспропорции между совершенством наших представлений по поводу физических феноменов и скандальной отсталостью «наук о морали». Большая часть наших государственных деятелей, профессоров, уважаемых

физиков и писателей имеют представление об этих понятиях, сопоставимое с представлениями провинциального парикмахера» [6, 50–51].

Испанский мыслитель видит «главную трагедию цивилизации» в «разрыве между уровнем современных проблем и уровнем мышления», предсказывая, что этот разрыв будет расти. «На сегодня крах терпит сам человек, уже неспособный поспевать за своей цивилизацией». Его поражает, что «люди вполне культурные», приступают «к политическим и социальным вопросам... с таким набором допотопных понятий, какой годился в дело двести лет назад для смягчения трудностей в двести раз легче» [7, 329].

Гуманитарное образование
перед лицом вызовов

В этой непростой ситуации возникает вопрос: как быть нам, осознающим, что сама природа нашего существования в мире не представляет собой неизменную субстанцию и не является вневременной, независимой от конкретных исторических обстоятельств? Наоборот, она являет собой неизбежный удел быть «наследниками» (Ортега-и-Гассет), и тем самым осуществить столь насущное для нас приобщение к традиции. Этот вопрос представляет отнюдь не чисто академический интерес, он – необходимое условие нашего собственного становления, «формирования человеческого в человеке». Для нас, «заброшенных» в этот мир (М. Хайдеггер), особенно находящихся в регионе, который только подступает к проблеме осмысления содержания традиции, при этом в обстоятельствах, значительно менее благоприятных, чем это имеет место там, где она существует на протяжении многих столетий, этот вопрос имеет форму экзистенциального вызова. В связи с этим возникает следующий

вопрос: *что* в этой традиции способствует ее нынешнему кризисному состоянию, а *что* в рамках насущного переосмысления может быть возрождено и содействовать ее выживанию?

Этот вопрос приобретает особую актуальность для гуманитарного образования, в очередной раз сталкивающегося с серьезнейшими вызовами. Образования, которое все еще слишком часто предпочитает трансляцию готового и фиксированного «знания». На серьезную опасность абстрактного приобщения к традиции обращал внимание еще Ницше в своем эссе О пользе и вреде истории для жизни. «Современный человек, – пишет он, – вынужден под конец всюду таскать с собой невероятное количество неудобоваримых камней знаний... Знание, поглощаемое в избытке не для утоления голода и даже сверх потребности, перестает действовать в качестве мотива, преобразующего и побуждающего проявиться вовне, и остается скрытым в недрах некоего хаотического внутреннего мира, который современный человек со странной гордостью считает свойственной ему лично «духовностью» [8, 180]. Такое знание, по его мнению, не является «живым». Оно «не может вовсе считаться настоящей культурой, и не претворяется в культуру-решимость», не реализует себя в поступке, является «не более как безразличной условностью, жалким подражанием или даже грубой гримасой». Ницше обращает внимание на то, что доминирующее абстрактное приобщение к культуре лежит в основании тщательно скрываемой тайны современного образования, благодаря которому «мы нагружаем и перегружаем себя чужими эпохами, нравами, искусствами, философскими учениями, религиями, знаниями, ... становимся ходячими энциклопедиями» [8, 181].

Это то безжизненное «знание», о котором так хорошо писал М. Гершензон в пись-

Рене Магритт
«Голконда»
1953

ме В. Иванову более ста лет назад: «Я знаю слишком много, и этот груз меня тяготит. Это знание не я добыл в живом опыте; оно общее и чужое, от пращуров и предков; оно соблазном доказательности проникло в мой ум и наполнило его. И потому, что оно общее, сверхлично-доказанное, его бесспорность леденит мне душу. Несметные знания, как миллионы неразрываемых нитей, опутали меня кругом, все безликие, все непреложные, неизбежные до ужаса. И на что они мне? Огромное большинство их мне вовсе не нужно. В любви и страдании мне их не надо, не ими я в роковых ошибках и нечаянных достижениях медленно постигаю мое назначение, и в смертный час я конечно не вспомню о них. Но, как мусор, они засоряют мой ум, они тут во всякий миг жизни и пыльной завесой стоят между мною и моей радостью, моей болью, каждым моим помыслом. От этого несметного безличного знания, от усвоенных памятью бесчисленных умозрений, истин, гипотез, правил мышления и нравственных законов, от всего этого груза накопленных умственных богатств, которыми каждый из нас нагружен, – то изнеможение, которое снедает нас» [9, 16].

Передо мной сборник статей выдающегося австрийского писателя Элиаса Канетти, автора широко известной книги *Масса и власть*. Название этого сборника – *DAS GEWISSEN DER WORTE* имеет символическую значимость для нашего тревожного времени. В сборнике, наряду с другими весьма интересными статьями, мое внимание привлекло мюнхенское выступление автора в январе 1976 года – «Призвание поэта». В нем Канетти проясняет смысл названия сборника, приводя в пример высказывание некоего неизвестного автора, датированное 23 августа 1939 года, за неделю до начала Второй мировой войны: «Однако теперь уже поздно. Если бы я был настоящим поэтом, я должен был бы быть в состоянии предотвратить войну» [10, 274].

Канетти отмечает, что первоначально эти слова его смутили не только непомерным бременем ответственности, но и тем, что, как ему казалось, такая задача вообще не имеет ничего общего с поэтическим творчеством. С течением времени, однако, к нему постепенно пришло понимание подлинного смысла высказывания. Его автор предъясвляет обвинение самому себе по поводу угрожающего развития событий на европейском континенте, к которому он, казалось бы, менее всего причастен. В противовес громкой политической трескотне (*Großsprecherei*), предшествовавшей и способствовавшей катастрофе, он признается, что не сумел найти нужные слова, которые смогли бы ее предотвратить. Это означает, что если массированное злоупотребление словами предшествовало и способствовало возникновению войны, то должны были быть найдены и слова для ее предотвращения. На примере творчества поэта, отношение которого к слову всегда является особенно трепетным, Канетти обращает внимание на то, что нам необходимо возродить отношение к словам с предельным чувством проявления совести (*das Gewissen*) по отношению к их использованию.

На эту же проблему утраты ответственности по отношению к Слову обращает внимание и Сергей Булгаков в книге *Философия имени*: «Опасность пустословия и легкословия существует для нас в познании, в высказывании; опасность заблуждения – в соединении слов и мыслей. И та, и другая опасность, точнее, болезнь речи и мысли, в данном состоянии человека совершенно неизлечимая, должна быть понята в онтологических своих условиях...» [11, 126].

В связи с этим возникает вопрос: возможно ли в наши дни обращаться к осмыслению того, что мы называем «европейским наследием», посредством простого распространения и умножения всего существующего в его

застывших понятийных формах, пребывая при этом в состоянии безмятежной уверенности в существовании теории, на которую мы можем полагаться, предпочитая игнорировать происходящее вокруг?

Разумеется, осознание глубины и параметров нынешнего кризиса не должно являться поводом для очередных сетований и усугубления настроений отчаяния. Нам не избежать признания, что кризис есть то, что должно побуждать нас к мобилизации сил для его преодоления, ибо там, «где возрастает опасность, возникает и надежда на спасение» (Ф. Гельдерлин). Об этом же свидетельствует и мрачное пожелание одного из героев романа Альбера Камю Чума, который в ситуации охватившего город стихийного бедствия, в ответ на вопрос «А что, по-вашему, нам нужно?» говорит: «Землетрясение, вот что! Да посылнее» [12, 131]. «Стихийное бедствие, – продолжает Камю, – и на самом деле вещь довольно обычная, но верится в него с трудом, даже когда оно обрушится на вашу голову. В мире всегда была чума, всегда была война. И однако ж, и чума, и война как правило заставляли людей врасплох» [12, 118].

В ситуации, когда оказалась утраченной прежняя система смысловых координат, определяемая христианством, а философия, бывшая некогда целостным способом обращения к жизни, превратившись в «профессорскую философию профессоров философии» (А. Шопенгауэр), распалась на отдельные мало согласуемые между собой направления и течения, большинство из которых являются «эпигонскими по своему характеру» (Х. Арндт), вызов, с которым мы сталкиваемся, заключается в наших неизбежных усилиях по восстановлению состояния человеческого

мышления, которое когда-то обозначалось как *poëisis*, и которое выражает бытие человека в мире в его целостности, вне искажения духом абстрактной рациональности, приведшей западную интеллектуальную традицию к глубокому кризису. Этот кризис все еще не в полной мере осознается и по сей день и даже усугубляется, когда с очередным энтузиазмом самоуверенное знание, все более утрачивающее свою энергию и живительную силу, переводится в его утратившем силу состоянии в цифровой режим, рискуя тем самым стать еще более безжизненным.

В этом случае ответ на задаваемый в конце прошлого века Петером Слотердайком вопрос о возможности того, проснется ли Европа [13], зависит только от наших собственных усилий.

Использованная литература

- [1] Marquand, David. *The End of the West: The Once and Future Europe*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011. 224 p.
- [2] Murray, Douglas. *The Strange Death of Europe: Immigration, Identity, Islam*. Bloomsbury Continuum, 2017. 384 p.
- [3] Валери, Поль. *Об искусстве*. Москва: Искусство, 1976. 623 с.
- [4] Мережковский Д. С. *Грядущий хам // В тихом омуте*. Москва: Советский писатель, 1991. 489 с.
- [5] Ортега-и-Гассет, Х. *Вокруг Галилея // Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды*. Москва: Весь Мир, 1997. 700 с.
- [6] Ortega y Gasset, José. *Toward a Philosophy of History*. New York: W. W. Norton and Company, 1941. 273 p.
- [7] Ортега-и-Гассет, Х. *Восстание масс*. Москва: Искусство, 1991. 588 с.
- [8] Ницше, Ф. *Сочинения в двух томах. Т. 1*. Москва: Мысль, 1990. 830 с.
- [9] Вячеслав Иванов и М. О. Гершензон. *Переписка из двух углов*. Петербург: Алконост, 1921. 66 с.
- [10] Canetti, Elias. *Das Gewissen der Worte. Essays*. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 2005. 288 S.
- [11] Булгаков, С. Н. *Философия имени*. Санкт-Петербург: Наука, 1998. 446 с.
- [12] Камю, А. *Посторонний. Чума. Падение. Рассказы и эссе*. Москва: Радуга, 1989. 461 с.
- [13] Sloterdijk, Peter. *Falls Europa erwacht*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1994. 67 S.

Алексей Махнач

руководитель Академического департамента гуманитарных наук и искусств ЕГУ, кандидат исторических наук, доцент. Занимается развитием экспериментальных гуманитарных образовательных технологий. Создатель бакалаврской программы ЕГУ «Европейское наследие». Сфера исследовательских интересов: археология, культурная антропология, свободные науки и искусства.

Фото Mindaugas Mikulėnas

Европейское наследие «между прошлым и будущим...»

Алексей Махнач

European Heritage «Between the Past and the Future...»

The article of the head of the EHU Department of Humanities and Arts Prof. Aliaksei Makhnach is devoted to the conceptualization of European heritage and European intellectual tradition and its use as a core content of the liberal arts programs in EHU. The heritage itself is a triangle consisting of the valuable artefact, tradition and a human, able to read and perceive the culture. The main concern of humanities education is of course the human and his understanding, seen not as a merely cognitive ability, but as a practical ability to act. This is why we use experimental formats of educational process, first of all a project approach and an emotional immersion in the cultural environment of major European cities: Vilnius, Florence, St. Petersburg and Athens.

Прологом к этому тексту могла бы послужить притча Франца Кафки Он, к которой Ханна Арендт обращается в предисловии к работе Между прошлым и будущим: восемь упражнений в политической мысли [2]. Не следуя буквально ее интерпретации, скажу, что в любой дискуссии о любом наследии ключевым для меня останется не оно, а именно «Он».

Но где, в каких дискуссиях о наследии сегодня можно найти «Его»? И Ханна Арендт, и Франц Кафка уже давно признаны как «Они» в рамках европейской интеллектуальной традиции. А что делать здесь и сейчас нам, чтобы появились следующие «Он», «Она» и «Они», без которых любой разговор о европейском наследии будет лишь разговором о «руинах»?..

Идея создания Европейского Гуманитарного Университета в 1992 году была связана с необходимостью преодоления длительной интеллектуальной изоляции Беларуси. Очевидной необходимостью стало обращение к европейской интеллектуальной традиции и ценностям европейской культуры как общего

Питер Брейгель Старший
«Падение Икара»
1558

цивилизационного пространства, к которому, несомненно, принадлежали и страны Восточной Европы. Понимание необходимости трансформации содержания образования в конце XX века в Беларуси породило надежду на то, что ценности европейской культуры станут точкой отсчета грядущих преобразований. Именно эта идея послужила основанием для присвоения университету названия «европейский» и была поддержана значительным количеством европейских стран. Университет с начала его деятельности стремился содействовать формированию поколения с иным типом мышления в области экономики, общественной жизни и культуры, способного увести Беларусь от наследия тоталитаризма к открытому обществу, основанному на ценностях европейской цивилизации [8, 83]. Речь шла не о теоретических поисках «европейскости», а о том, как практически имплементировать эту «европейскость» в совершенно чуждое ей образовательное пространство.

Ключевым вопросом, актуальным по сей день, остается вопрос содержания образования, формирующего *иной*, расположенный к практической реализации образ мышления. Речь идет о содержании, подталкивающем человека к тому, чтобы стать автором в широком смысле этого слова. Это должны быть люди, обладающие качествами, на которые указывает Аристотель в 6-й книге Никомаховой этики, люди, способные не просто действовать, но действовать на основе творческой мысли.

Опасность заключается в том, что то, что называется образованием в области гуманитарных и социальных наук, зачастую опирается на теоретические идеи, вызывающие восторг новизной формулировок, но совершенно не пригодные для применения на практике. При этом необходимо добавить, что теоретики в сфере гуманитарных и социальных наук намного безобиднее тех, кто решил экспериментальным путем доказать правильность своих теорий. XX век полон

примеров таких гуманитарных «экспериментов» и «доказательств».

Именно прошлый век продемонстрировал любопытные варианты понимания термина «гуманитарный», исключаящие друг друга. С одной стороны, о «гуманитарном» можно говорить как о потенциальной возможности человека реализовать себя, ориентируясь на выдающиеся достижения человеческой творческой мысли. Однако человек постоянно вовлекается в череду «гуманитарных катастроф», каждая из которых по качеству и глубине оказывается сильнее предыдущей и требует особой «гуманитарной помощи» для ее преодоления. Тесное переплетение этих пониманий становится неизбежным.

Открытия и прорывы в сфере естественных наук все чаще рассматриваются как необходимые предпосылки в поиске других пригодных для жизни планет. Вполне возможно, человечеству удалось бы избежать необходимости задумываться над такими вариантами развития, используя оно прорывы в сфере гуманитарных и социальных наук для осмысления гуманитарных катастроф и для их практического предотвращения. Вероятно, это можно назвать пессимизмом, основанным на переживании и переосмыслении XX века. Но как быть, если пока речь идет скорее о «вечном возвращении» Ницше? «Слепые ведут слепых», как на картине Брейгеля, а мучения Прометея оказываются напрасными?

С этим непосредственно связана еще одна «вечная проблема» гуманитарного образования: самые «прекрасные» идеи должны быть не только произнесены, но и услышаны. На картине Питера Брейгеля Падение Икара практически отсутствуют главные герои этого мифа. На Дедала указывает только взгляд пастуха, а на поверхности воды видны лишь ноги Икара. Мало кого из представленных на картине персонажей волнует происходящее, сам момент трагедии. Ключевым же является вопрос о том, как Дедал, грандиозный созда-

тель множества невероятных вещей, в том числе и крыльев, не смог найти тот язык, которым объяснил бы единственному сыну, как ими правильно пользоваться. Инструкций, данных им, оказалось недостаточно. Какой же особой силой должен был обладать язык Дедала, чтобы Икар его услышал? И какой силы должен быть крик утопающего Икара, чтобы другие персонажи картины бросились ему на помощь?

Создать в Беларуси университет, способный обнаружить силу языка, позволяющего привлечь внимание к существующим и вероятным угрозам для человека и человечества, оказалось чрезвычайно сложно, практически невозможно. Определенным провалом идеи «европейскости» университета стало его перемещение из Минска в Вильнюс после закрытия в 2004 году. Более чем за полтора десятка лет выживания в Литве в статусе *university in exile* его «европейскость» стала восприниматься многими как географическая привязка в границах Европейского союза или как соответствие критериям Болонского процесса, регулирующего европейское образовательное пространство.

«Европейскость» в названии почти утратила первоначальный смысл. Та же участь постигла и «humanities». Гуманитарные науки достигли понимания того, что представляет из себя та или иная отдельная научная дисциплина с соответствующим понятийным аппаратом, методами и концепциями. При этом они же не только не способствовали, но и значительно усугубили представление о природе или феномене конкретного человека. «Humanities» в смысле, который в него вкладывается в гуманитарном университете, предполагает способность конкретного человека понимать себя. При этом под самим пониманием необходимо подразумевать не способность мышления усваивать абстрактное содержание, а практическую способность человека, действие. В свою очередь, аутентичность человека – это не набор врожденных талантов, а способность их обнаружить и распорядиться ими. И это не абстрактное пожелание в рамках процесса гуманитарного образования, а онтологическая потребность или обреченность.

Попыткой изменить существующее положение дел стала бакалаврская программа «Европейское наследие», на которую была возложена миссия конкретизации изначального содержания университета, способствующего формированию мышления в рамках европейской традиции.

Не стоит питать иллюзии относительно того, что мир европейской цивилизации является содержательной панацеей для тех, кто надеется с ее помощью трансформировать собственную реальность. Эта цивилизация в самом деле несла в себе импульс, благодаря которому было создано очень многое. Вместе с тем, немало из того, что было явлено европейской цивилизацией, требует осторожного отношения и внимательного переосмысления. Интеллектуальная традиция является тем самым важным инструментом селекции того, что в европейской традиции еще обладает энергией, необходимой не только для противодействия обветшанию мира, но и для дальнейшего развития.

Важным в понимании интеллектуальной традиции является не только преемственность идей и способов их мышления, но и обеспечение непрерывности их исторического наследования. Так, идея Европы, начавшаяся с мифа о Зевсе и похищении дочери финикийского царя, строится сегодня вокруг потенциальной возможности прекращения существования Европы как политического союза [5, 135]. Одним из итогов радикальных политических трансформаций станет девальвация самой идеи европейской традиции, воплощённой в ее носителях. Возникает вопрос, возможно ли, что традиция, породившая такие явления как демократия, христианство, право, гуманизм, перспективу в искусстве и т. д., утратит преемственность, способность к воспроизводству и завершится? В эссе Ханны Арендт Кризис образования отмечается, что мир, к которому не проявляют интереса, ветшает и разрушается [2, 284–285]. Утрата поколениями XX–XXI веков способности со-

относить себя с традицией, создавшей современный европейский мир, лишь ускорит этот процесс.

Нужно признать, что постановка вопроса о завершении Европы не нова. Она является одним из «проклятых» вопросов, к которым вынуждено обращается каждое поколение мыслителей. Итогом предыдущих подобных осмыслений стала монография Освальда Шпенглера *Закат Европы*, второй том которой вышел в 1922 году, сто лет назад.

Путей выхода из кризиса не много, как и желающих их обозначить. В одном из интервью современный итальянский философ Джорджо Агамбен констатирует, что «Европа может стать нашим будущим, только если мы объясним себе, что в первую очередь она – наше прошлое. И сейчас это прошлое чем дальше, тем больше демонтируется [...] Очевидно, что перед нами уже не просто экономические проблемы, но угроза существованию Европы как целого [...]. Ведь единственное место, в котором оживает прошлое, – наше настоящее. А если настоящее уже не воспринимает собственное прошлое как нечто живое, то и университеты, и музеи под вопросом. Очевидно, что в Европе наших дней в действие пришли силы, которые пытаются манипулировать нашей идентичностью, разрубая пуповину, связывающую нас с прошлым. Все различия теперь разравниваются одним катком» [8].

Агамбен считает, что «политическая единица» под названием Европа может возникнуть, только опираясь на это прошлое: «Именно по этой причине нынешний кризис кажется мне столь опасным. Нам следовало бы представлять наше единство прежде всего с опорой на все наши различия. Но вместо этого европейские государства, школы и университеты подвергаются разорению и закрытию, хотя это те самые институты, на которых держится культура, которые хранят живую связь прошлого и настоящего. Подрыв образованности идет бок о бок с растущей

музеефикацией прошлого. Мы видим, как это начинается во многих городах, превращающихся в исторические зоны, так что местные жители вынуждены чувствовать себя туристами в собственном жизненном мире» [8].

С точки зрения феномена европейского наследия и формирующей его европейской традиции крайне важно понимать природу самого человека – носителя этой традиции и создателя того, что еще только станет в ее рамках наследием. Традиция находит воплощение в очень конкретных людях, авторах конкретных объектов, называемых европейским наследием. Ситуация интересна тем, что утрата любого из компонентов этого круга «традиция – человек – наследие» приведет к угрозе существованию остальных. Актуальным становится вопрос о том, что именно сегодня находится в самом рискованном положении – наследие, традиция или человек? Иными словами, что именно необходимо *сохранять* в первую очередь: объекты наследия, традицию, в рамках которой они имеют ценность, или человека, способного видеть потенциал этой традиции и продолжать ее?

Мы исходим из грубого понимания термина «натальность» Ханна Арентс – а именно, отличительной способности человека создавать нечто принципиально новое [1, 16]. Однако новое возможно лишь тогда, когда человек понимает и знает то, что было создано прежде него. Наследие, таким образом, выступает чуть ли не единственным ориентиром в том, на что человек потенциально способен. И тут очень важно подчеркнуть, что речь не об имитации, а о необходимости превзойти уже созданное. Наследие само по себе является той планкой, которую необходимо преодолеть. Только то, что преодолено, становится наследием. На этом пути самым важным является момент отталкивания воображения от почвы, на которой мы стоим. Прекрасным примером тому является замысел жителей Флоренции построить храм, окончание строительства которого не смогут увидеть ни их дети, ни их

внуки, ни внуки внуков. Но что делать, когда такой почвы, как у рожденных во Флоренции, у нас под ногами нет?

Несомненно, сегодня преобладает понимание наследия как некоего количества материальных и нематериальных объектов, требующих неких манипуляций, в первую очередь сохранения. При этом образовательные программы по наследию, существующие в странах Европейского Союза, несмотря на междисциплинарность, созданы с ориентацией на конкретные науки. Консервация и реставрация объектов наследия осуществляется в сфере технических наук. Культурные ландшафты предполагают интенсивное привлечение наук о природе. Туризм и наследие ориентированы на экономику и менеджмент. Политика памяти рассматривается в рамках социальных наук. В формировании законодательства о наследии активное участие принимают юридические науки. Без сомнения, в гуманитарном университете может иметь место любая их комбинация. Однако возникает иная проблема: что является центром такой образовательной программы – человек, потому что университет гуманитарный, или наследие, если речь идет о программе по наследию?

В рамках существующих программ по наследию человек получает навыки, чтобы совершать с ним всякого рода манипуляции. Но в рамках гуманитарного университета мы должны допустить мысль о том, что, наоборот, наследие обладает способностью совершать манипуляции с человеком. Самой еретической идеей может быть мысль о том, что сегодня потребность сохранять наследие гораздо менее актуальна, чем необходимость сохранить человека, напоминая ему о том, кто он, о его наследии.

Во введении к книге Между прошлым и будущим: восемь упражнений в политической мысли Ханна Арентс сравнивает традицию с потерянным сокровищем, которое предстоит обнаружить. Эту традицию не

следует понимать, как историю Европы с набором дат или как архитектурное наследие, которое необходимо использовать и сохранять, а как что-то, что может вызвать в нас переживания; что-то, что может стать почвой и дать необходимую для созидания энергию.

Эта европейская традиция по-прежнему обладает мощным творческим потенциалом, однако ситуация усложняется тем, что она охватывает период более чем 2500 лет. Не представляется возможным переосмыслить все, что называется европейским наследием. Еще сложнее выделить в нем ориентиры для дальнейшего формирования и сохранения традиции. Не добавляет оптимизма и количество текстов, созданных в этой области, изобилующих абстрактными идеями и концепциями.

Определенным решением этой проблемы стало обращение к европейскому наследию как к конкретному топосу – месту, являюще-

муся одновременно олицетворением того, что можно назвать европейской традицией и ее результатом, выраженным в конкретном наследии. Примерами таких топосов стали Вильнюс, Санкт-Петербург, Флоренция и Афины.

Идея интеграции европейской традиции через топосы послужила общим фундаментом для трех программ бакалавриата Департамента гуманитарных наук и искусств ЕГУ: «Европейское наследие», «Визуальный дизайн» и «Театральное искусство и актерская игра». Эти программы помогают понять, что такое европейская традиция, проявившая себя в этих городах.

Настоящий диалог с этими местами неизбежно требует «личного» толкования традиции, что должно привести к «переживанию» (*Erlebnis*). Это такое жизненно важное «переживание», проистекающее из нашего отношения к миру, которое нельзя

Питер Брейгель Старший
«Вавилонская башня»
1563

рационализировать и выразить посредством абстрактных концептуальных инструментов. Произведения искусства и наследие помогают нам найти индивидуальный язык, нашу интерпретацию. Живое взаимодействие с искусством и наследием не только дает нам общее представление о европейской традиции, но и меняет наш образ мышления.

Европейская традиция в этих городах проявилась в способности талантливых людей взаимодействовать друг с другом через искусство. Это были Афины времен Сократа, Платона и Аристотеля; Флоренция Сандро Боттичелли, Леонардо да Винчи и Микеланджело; Санкт-Петербург Александра Пушкина, Николая Гоголя, Федора Достоевского и Льва Толстого; Вильнюс Чеслава Милоша, Томаса Венцловы и Иосифа Бродского. В каждый из исторических периодов города привлекали людей, искавших возможность реализовать свой потенциал, получить образование, погрузиться в европейскую традицию и переосмыслить ее, найдя в ней свое место. Эти места не утратили своей гениальности по сей день.

Выбранная нами логика программы предполагает «археологическое погружение» в традицию, формирование понимания того, что предшествовало и что создавало тот или иной пласт наследия.

На первом курсе студенты выходят из дверей учебного корпуса нашего университета в Вильнюсе и пытаются понять, что из себя представляет выражение европейской традиции в наследии Вильнюса. Упор делается на современность и потенциал наследия. На втором курсе у них есть возможность окунуться в традицию Санкт-Петербурга. Это не просто изучение наследия города, это погружение в интеллектуальную традицию эпохи Просвещения. На третьем курсе студенты знакомятся с эпохой Возрождения на примере Флоренции. Четвертый курс посвящен началу европейской традиции на примере Афин. Античность – самый первый, самый плодотворный

пласт европейской традиции, оказавший значительное влияние на формирование Возрождения и Просвещения, необходимый для создания содержательных ориентиров эпохи, в которой сегодня находимся мы.

Важно подчеркнуть, что выбранные для программы города-топосы уникальны не только теми артефактами, которые были в них созданы и сохранены, но и той энергией, которая позволяла человеку не просто быть носителем традиции, но и продолжать ее. Мы ищем любую возможность для столкновения человека с энергией конкретного места, с тем, что античные авторы называли *genius loci*. Природе этого явления как культурному феномену посвящена Квебекская декларация по сохранению духа места [3]. У студентов, впервые сталкивающихся с *genius loci* этих четырех городов, появляется возможность задать себе вопрос о том, каким должно быть их образование, чтобы не просто соотносить себя с европейской традицией, но и попытаться оставить в ней свой след.

Каждая такая встреча с европейским наследием становится событием. Речь не только об эмоциональном переживании, но и о новом формате учебного процесса, в рамках которого и преподаватели, и студенты смогут создавать не только свои собственные события, но и ориентироваться на те, которые являются актуальными для европейского культурного пространства. Например, в 2023 году предстоит празднование 700-летия Вильнюса, к 2022 году идет подготовка проекта, посвященного 100-летию открытия Говардом Картером гробницы Тутанхамона. 2020 год стал годом 500-летия переезда Франциска Скорины из Праги в Вильнюс. В 2019 году студенты привезли из Флоренции работы, посвященные Синдрому Стендаля [6]. По их следам родился проект, посвященный картине Анри Матисса *ТАНЕЦ*, для которого Санкт-Петербургский Эрмитаж позволил нам несколько дней утром до появления посетителей снимать в своих залах.

В этом году студенты обратились к фигуре Михаила Агинского, оставившего след в Вильнюсе, Санкт-Петербурге и похороненного во Флоренции. По итогам поездки в Санкт-Петербург были подготовлены проекты о «европейском образовании» Владимира Маяковского, а также проект, посвященный 80-летию Иосифа Бродского.

Еще одним важным моментом является то, что выбранные нами большие европейские города обладают целым рядом показательных примеров реализуемых в них сегодня проектов, а также инструментов, помогающих в решении трудностей, связанных с наследием.

Проектная работа также дала возможность минимизировать ряд проблем в сфере гуманитарного образования, например, имитацию процесса получения знаний. Работа в проекте всегда предполагает результат, формирующий портфолио студента. От качества этого портфолио будет зависеть успех трудоустройства выпускника по окончании университета. К тому же командная работа дает возможность получить практические навыки лидера, исследователя, маркетолога, коммуникатора.

Таким образом, мы не ограничиваемся задачей подготовить студента, который будет только сохранять или использовать наследие. Мы готовим человека к тому, чтобы он своим проектом, связанным с наследием в том или ином городе, мог создать событие, которое само по себе будет соответствовать пониманию феномена *genius loci* и привлекать внимание других к наследию.

В заключение еще раз подчеркнем, что привычные понятия могут трансформироваться в тех или иных контекстах. Погружение понятия «европейское наследие» в пространство гуманитарного университета поставило

целый ряд вопросов о соотношении европейской традиции, европейского наследия и роли человека, одновременно являющегося и носителем традиции, и потенциальным автором того, что следующие поколения будут оценивать как наследие. Синтез этих трех феноменов является основой процесса образования, построенного вокруг идеи *genius loci* топосов Вильнюса, Санкт-Петербурга, Флоренции и Афин. Это позволяет студентам программы «Европейское наследие» становиться одновременно носителями европейской традиции, авторами своих собственных проектов, и тем самым реализовать свое индивидуальное призвание быть человеком.

Использованная литература

- [1] Аредт, Ханна. *Vita activa, или о деятельной жизни*. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 437 с.
- [2] Аренд, Ханна. *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли*. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2014. 416 с.
- [3] Квебекская декларация по сохранению духа места. Принята в Квебеке, Канада, 4 октября 2008 г. // http://icomos-spb.ru/component/joomdoc/2008_%20%20%20%20.pdf/download (02.06.2020).
- [4] Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (02.06.2020).
- [5] Крастев И. *После Европы*. Москва: Дело, 2018. 144 с.
- [6] Синдром Стендаля: интервью студентов ЕГУ с профессором Грациеллой Магерини // <https://en.ehu.lt/news/stendhal-syndrome-students-interview> (02.06.2020).
- [7] Gregory S. Prince Jr. *Teach Them to Challenge Authority: Educating for Healthy Societies*. Continuum, 2008. 256 p.
- [8] Джорджо Агамбен. *Латинская империя как живая Европа* // <http://gefeter.ru/archive/8892> (11.10.2021).

Степан Стурейко

Фото Анны Дапшевичюте

историк, культурный антрополог, доцент Европейского Гуманитарного Университета и председатель правления Белорусского комитета ИКОМОС (Международный совет по памятникам и достопримечательным местам). Занимается теорией культурного наследия, новой музеологией, развитием сообществ наследия. Автор трех монографий и около 40 академических статей.

Наследие как дискурсивный конфликт, заимствование и ритуал

Степан Стуреико

Heritage as a Discursive Conflict, Adoption and Ritual

The article of EHU Associate Professor and Chair of ICOMOS-Belarus National Committee PhD Stsiapan Stureika covers a number of theoretical aspects which came out of the author's own observations during participation in the 41st World Heritage Committee session and some other projects on cultural heritage governance and preservation in Belarus. The core idea of the text is that the study of heritage communication opens a door towards a gradually deeper understanding of the heritage phenomena itself and also gives a key to its proper governance. As experts participate in a global exchange of heritage ideas, they must be conscious and reflective on how these ideas are circulating and how production chains in the cultural heritage field function.

Культурное наследие – это не старые камни, а смыслы, которые мы в них вкладываем. К такому убеждению о существовании наследия приходят многие эксперты [1; 2], в том числе и автор данного текста. В отсутствии смысла камни остаются камнями, а старые обряды – в лучшем случае фольклорными элементами. Отход от того, чтобы выдвигать сохранение «объективной» материальности на первый план, смещение фокуса экспертного обсуждения с «памятника» на «наследие» позволяет иначе работать с культурными ценностями, видеть в них потенциал развития [3]. Нет, никто не говорит об отказе от «традиционного» сохранения. Просто теперь его цель видится иначе – имеющей отношение не столько к прошлому или будущему, сколько к современности. Этот поворот является следствием критической рефлексии, которой была подвергнута индустрия наследия в эпоху его продолжающегося бума.

Данный текст написан с позиции практикующего исследователя, ежедневно сталкивающегося с ограничениями и ищущего выход из алогизмов и замкнутых кругов

Панорама зала на 41-й сессии Комитета
Всемирного наследия в Кракове.
Таблички обозначают страны-участницы.
Фото автора

действующей системы. Я буду отстаивать здесь два тезиса: 1) наследие – не артефакты, а разворачивающиеся вокруг них процессы; 2) эти динамичные процессы требуют новой критической оптики не только для их описания, но и для перенастройки.

Наследие предлагается рассматривать в качестве динамичной коммуникативной системы, вовсе не завязанной на материальности или фольклоре. Эту систему можно мысленно представить в виде прозрачной сферы, стенки которой состоят из акторов и паутины их взаимодействий в отношении объектов или элементов, которые кто-то зачем-то помещает внутрь ее. Этими элементами может быть буквально все: старые костелы, концентрационные лагеря, фабрики, ландшафты, обряды, кулинарные рецепты, умирающие языки, английский газон и многое другое. В эпоху бума наследия что угодно может оказаться в центре внимания туристов, музейщиков, реставраторов и чиновников (т. е. в центре сферы). Но это «что угодно» катализирует отношения, подкрашивает сферу в новые оттенки, в общем, меняет ее каждый раз уникальным образом. В этом тексте я попробую поразмышлять над конструкцией и свойствами нашей белорусской и, шире, восточноевропейской сферы, а также рассмотреть ее динамику.

Акторы и дискурсивные столкновения

Акторы коммуникации являются ключевыми элементами всей системы, однако неправильно было бы изображать их в виде излучающих послания точек. Менеджеры, музейщики, реставраторы, общественные активисты, историки, чиновники и т. д. – все они действуют в соответствии с корпоративными профессиональными идеалами, профессиональной дисциплинарной оптикой и институциональными целями. Перечисленные чрезвычайно важные вещи рождают производные понятийные системы и стили мышления, образующие целые дискурсивные поля, кратко пересекающиеся в моментах дискуссий о судьбе

конкретных памятников или общих правил работы с наследием, на конференциях или в журналистских расследованиях. Кооперация между ними в реальной жизни за пределами этих дискуссий весьма ограничена даже без учета того, что и сами они далеко не монолитны.

Барьеры начинаются еще с получения профессионального образования, наращиваются посредством обрастания рабочими связями, и, в конце концов, окончательно укрепляются постоянной коммуникацией в рамках герметичных систем. И только смена выполняемых ролей (что случается крайне редко) позволяет сменить перспективу и увидеть иное. В противном случае чужие «поля» кажутся чуждыми, если не сказать враждебными, настолько, что разговор между акторами может потребовать присутствия переводчика с русского на русский (у меня был и такой опыт).

Столкновения этих дискурсивных полей можно наблюдать постоянно. Приведу здесь две самые запомнившиеся мне истории.

В октябре 2016 года меня выбрали в качестве эксперта программы ЕС для стран Восточного партнерства «Культура и креативность» с заданием написать отчет о состоянии сектора культурного наследия в Беларуси. Не получив специальных инструкций, я решил писать о том, как в Беларуси реализуются социальный, экономический и культурный потенциалы наследия. За время двух полных сессий я собрал около 30 интервью с реставраторами, музейщиками, чиновниками и общественными деятелями и совершил несколько визитов в различные институции, работающие с наследием не только в Минске, но и в Гродно, Бресте, Несвиже и Мстиславле. То, что способ мышления интервьюируемых о наследии серьезно отличался от моего, было очевидно с самого начала. Однако я впервые сделал еще одно интересное наблюдение. Если кратко, оказалось, что профессионалы из различных областей используют одни и те же концепты – например, «устойчивый туризм», «вовлечение сообществ» и даже «нематериальное наследие» – не только весьма

различным образом, но и достаточно далеко от того, как эти же концепты трактуются в профессиональной литературе и в международных конвенциях.

Следующее столкновение было зафиксировано, когда меня направили в Краков в качестве члена официальной белорусской делегации на 41-ю Сессию Комитета Всемирного наследия (2–12 июля 2017 года). За десять дней сессии мне пришлось не только ознакомиться со множеством документов, подготовленных ведущими экспертами ЮНЕСКО, но и быть свидетелем многочисленных дискуссий (порой очень-очень горячих) в залах Краковского конгресс-центра. В конце концов стало очевидным, что национальные делегации, обсуждая темы сохранения, трактуют саму концепцию «Всемирного наследия» весьма по-разному и, кстати, также довольно differently от того, что, казалось бы, ясно написано в Конвенции 1978 года.

Для некоторых стран статус всемирного наследия их объектов является преимущественно средством развития туризма, для других – инструментом политической борьбы, для стран Африки и Океании – средством привлечения к себе гуманитарного внимания, для европейских – инструментом управления и развития реставрационных подходов. Логичным продолжением разных трактовок стали и различные подходы к сохранению наследия, к пониманию того, что приносит ему пользу, а что вредит. Тогда я задумался над тем, как такое вроде бы единое понятие стало

настолько многозначным?.. Каким был сам путь мультипликации значений, какие акторы направляли эту эволюцию и почему они обратились к именно таким трактовкам?

При этом возможность нахождения консенсуса или какой-либо устойчивой иерархии, порядка взаимодействия между всеми акторами весьма иллюзорна. Достаточно посмотреть на историю сохранения наследия в любой стране, чтобы увидеть, что она сплошь состоит из перетягиваний одеяла, борьбы за лидирующую роль в принятии решений и перекладывания ответственности за провалы. Все это находит отражение не просто в риторике, но и в терминологических спорах, производными от которых являются законодательные определения, университетские учебники и другие «инстанции объективности».

В общеевропейском смысле мы сейчас становимся свидетелями очередного витка этой борьбы, вызванной тенденцией к демократизации и повышению инклюзивности общества. Прекрасная иллюстрация – дебаты о новом определении термина «музей» в международном ИКОМе [4]. Если совсем кратко: музей – это хранилище ценных артефактов или коммуникативная площадка? Со стороны это может показаться даже забавным: музейные профессионалы сами не понимают, где работают?

На деле обратной стороной демократизации наследия становится ослабление роли традиционных акторов. Сообщества с помо-

стью так называемых «новых экспертов» претендуют на то, что теперь сами могут определять, что есть наследие, принимать решения по управлению им и иногда даже расставаться с ним без того, чтобы незамедлительно быть обвиненными в совершении преступления.

Еще один сдвиг: наследие из монопольной зоны ответственности историков, археологов и реставраторов все больше переходит (или давно уже перешло, а мы просто никак не можем с этим смириться?) в зону ответственности менеджеров, экономистов, бизнесменов и

т. д. Наследие из объекта научного интереса превратилось в популярный аттракцион, в продукт консьюмеризма. Теперь помещение любого объекта в описанную выше сферу – не акт искусствоведческого открытия, а лишь отработанная коммуникативная технология.

Так или иначе, нас обязательно ждут еще новые столкновения и дискуссии. Актеры займут новые позиции и продолжат конкурировать друг с другом. Текущие сдвиги вряд ли необратимы.

Постмодернистское здание гостиницы Inntel Amsterdam Zaandamn, открытое в 2010 году, включает в себя фасады около 70-ти традиционных зданий этого региона Голландии.
Фото David van der Mark

Миграция опорных идей

Актеры наследия формируют свой дискурс и коммуницируют в среде, насыщенной глобальными концептуальными идеями, весьма сильно влияющими на то, как реагирует сфера наследия на очередные объекты. Существует определенная миграция идей наследия, в развитии которых Западная Европа, может, и утратила статус абсолютного лидера, но в целом все еще занимается скорее их производством, чем импортом. В Беларуси же сфера культурного наследия практически полностью зиждется на идеях и концептах, разработанных вдали от нас.

Таковыми импортированными понятиями, на примере которых лучше всего видна описанная динамика, являются «Всемирное наследие ЮНЕСКО», «сообщество наследия», «нематериальное наследие», «культурный ландшафт».

К сожалению, мы пока не производим собственных идей и не придаем им концептуально-инструментального наполнения. В то же время надо понимать, что используемые нами идеи и концепты, прежде чем быть инструментализированными, прошли долгий путь эволюции.

От интеллектуальных абстракций или удачных управленческих находок для решения текущих проблем через академическую и профессиональную дискуссию, через накопленный опыт применения эти идеи выкристаллизовывались в книгах, научных и практических проектах. Наиболее очевидными центрами их производства выступали ЮНЕСКО, ИКОМОС, ИККРОМ, ИКОМ. Далее эти идеи распространялись поверх географических границ, переосмысливались в национальных контекстах, переводились на языки международных хартий и местных законов, а затем адаптировались для применения рядовыми исполнителями на низовом уровне.

Таким образом западные концепции культурного наследия экспортируются и опреде-

ленным образом приживаются вне Европы, вписываются в локальные социальные, культурные и политические контексты.

Но как именно трансформируются эти идеи, по каким законам? Можно предположить, что любая новая идея наследия может быть успешной вовне, лишь если локальные элиты находят для нее подходящую интерпретацию. Наследие само по себе уже является бесконечным ресурсом легитимации. Современный концепт культурного наследия родился в стремительно национализирующейся Европе XIX века в качестве доказательства исторического пути нации и самого ее территориального существования [5].

Поэтому успех любой новой идеи зависит от того, насколько эффективно и удобно она может быть использована элитами в качестве еще одного инструмента внутренней и/или политической легитимизации, например, за счет опоры своих действий на широко признаваемые правила (абстрактное международное одобрение). Роль этой внешней легитимизации трудно переоценить. Однако все вышеперечисленное также нельзя сводить к узко понимаемой манипуляции, к бездумному использованию (хотя случается и такое). Скорее, речь идет о стратегиях присвоения чужого интеллектуального потенциала во имя поддержки старых и нахождения новых направлений развития.

Это – некая игра в переодевание, попытка проводить свои смыслы, легитимируя их через обращение к авторитетному (международному, экспертному) мнению.

Роль внешней легитимации в Беларуси сложно переоценить. Очень часто на разнообразных встречах, где обсуждаются важные вопросы, касающиеся не только наследия, приглашают зарубежного гостя (значимого чужого), чтобы разнообразными манипулятивными способами подтолкнуть его сказать то, что надо приглашающей стороне.

Поэтому буквально понимать белорусскую и восточно-европейскую риторику,

отсылающую к упомянутым ключевым понятиям, не стоит. «Говорят Манчестер, подразумевают Ливерпуль». Нужен постоянный перевод с международного на местный, нужна дешифровка смыслов.

Распространение этих идей интересно было бы сопоставить с разворачивающимися социально-экономическими и культурными процессами, в рамках которых возникает осознанная необходимость обращения к наследию. Конечно, ведь не только воля элит, но и социально-экономический базис определяет надстройку. Это марксистский подход к наследию, но давайте посмотрим на постсоветскую реальность в сравнении с западной.

Рождение институтов охраны наследия в Великобритании и других странах Западной Европы в XIX веке – это акт управления, осуществляемый в ответ на общественный запрос. В основе охраны лежало нечто невиданное для западного мира, а именно – ущемление прав собственности на недвижимость ради выгод современного националстроительства.

Напротив, отсутствие частной собственности на недвижимость в Советском Союзе делало управление наследием весьма эффективным и не требовало дополнительных инструментов. Поэтому его охрана имела иную природу, завязанную скорее на политическое и символическое значения. Отсюда следует неизбывный примат государства, а также иерархичность и тотальное доминирование властного дискурса.

Рассмотрим трансформацию еще нескольких ключевых идей.

Всемирное наследие ЮНЕСКО «у них» – это способ выделить наиболее достойные образцы культуры человечества для того, чтобы снабдить их сохранение своеобразной «подушкой безопасности». По своей сути это фактически мультипликация национальных принципов управления на международном уровне. Причем, как и в случае с правами собственности, следствием внесения объекта во Всемирный список является его «де-

национализация». Объект больше не может трактоваться исключительно в национальных категориях, он наделяется универсальной выдающейся ценностью. Управление им больше не суверенно.

Однако в случае со сравнительно молодыми национализмами это работает несколько иначе. Для развивающихся государств давно наметился своеобразный «стандарт» – иметь в списке ЮНЕСКО не менее трех объектов. Но странам свойственно множиться. До 1991 года Советский Союз был представлен в списке киевской Святой Софией и Киево-Печерской лаврой, Беловежской пущей, Санкт-Петербургом, Кижамы, Московским Кремлем и Хивой. После 1991 года достойной репрезентации захотела каждая из 15-ти новых стран. Наличие объектов в списке смещается в плоскость политического престижа. Как следствие, этим все больше занимаются министерства иностранных дел, дипломаты, а не историки или деятели культуры. Кроме того, присутствие в списке повышает туристический потенциал, а, следовательно, приносит еще одну, экономическую, подоплеку его расширения. Теперь быть Всемирным наследием означает принести деньги в госбюджет.

Следующее понятие – нематериальное наследие. Посвященная ему Конвенция ЮНЕСКО 2003 года имеет в своей основе задачу не столько сохранения, сколько обеспечения защиты культурных прав сообществ. По сути, нематериальное наследие – первое наследие, которому позволяет исчезнуть, если сообщество перестает признавать его ценность. Статус нематериального наследия – это способ оградить сообщества, не защищенные другими правами, от размывания. Отсюда распространяемый в международных сборниках лучших практик упор на самоорганизацию, отсюда релятивность проявлений нематериальной культуры, отношение к ним как к живым, эволюционирующим элементам. Цель охраны – обеспечение преемственности [6].

В Беларуси признанное на официальном уровне нематериальное наследие – преимущественно моноэтническое (белорусское), традиционное, сельское. Это тот самый фольклор, если надо, возрождаемый, оберегаемый извне районными чиновниками, заинтересованными в выполнении доведенных показателей и воспринимающими исчезновение элементов как показатель собственной неэффективности. Цель их охранной деятельности – не обеспечение естественной преемственности, а консервация, этнизация и популяризация обрядов. Сообщества при таком подходе превращаются в пассивных носителей традиции. Хотят ли они, чтобы их защищали и охраняли, – большой вопрос.

Еще один важнейший концепт – «сообщество наследия», продвигаемый конвенцией Фаро 2005 года (Рамочная конвенция Совета Европы о значении культурного наследия для общества). О его заимствовании в Беларуси на официальном уровне речь вообще не идет. Какие тут права на наследие, если с обеспечением базовых прав человека у нас проблемы. Эта концепция отдана на откуп негосударственным инициативам, которые, в свою очередь, пытаются использовать его для легитимации собственного протеста, впрочем, пока безуспешно.

Деревянное наследие «у них» – способ заявить о себе в ЮНЕСКО за неимением традиций каменной архитектуры, у нас оно же – объект интереса городских движений (градозащитников), инструмент их борьбы за «право на город». Индустриальное наследие на Западе – способ дать импульс стагнирующим деиндустриализированным городам, превратить их жителей из безработных неудачников в носителей трудовых традиций, повысив таким образом качество жизни. У нас это – атрибут хипстерской культуры, способ обосновать повышенную арендную ставку.

Карго-культ в области наследия проявляется и в концепции наследия архитектурного модернизма, абсолютно интернациональной

по своей сути. В Восточной Европе она разворачивается через привязку к известным местным архитекторам вкупе с отторжением прочего, не менее значимого, того, что трудно вписать в национальный нарратив и канон (сравните превознесение ценности сносимого здания БелЭкспо в Минске с трактовкой Гродненского драмтеатра как градостроительной ошибки). А что уж говорить про реставрационные методики, про сценарии культурных проектов и тематику исследований. Заимствуется все! Все наделяется собственным смыслом, сравнение которого с оригинальным порождает порой эффект комичности.

Остается лишь мечтать и усердно работать, создавать питательную интеллектуальную среду для того, чтобы и у нас возникало что-то, достойное экспорта. Хотя это и невероятно трудно ввиду того, что будет описано в следующем разделе.

Наследие как ритуал

Сохранение как таковое, а также избранный способ сохранения представляют собой, как правило, осознанное решение. Но решение для чего? Наследие – это определенный троп, используемый для выхода из затруднительной ситуации через введение в него мобилизующего ценного или символического легитиматора. Но может ли этот троп жить своей жизнью? Наблюдения показывают, что вполне, превращаясь в коммуникативный ритуал сам по себе.

Как низкая крестьянская культура построена на традиции и повторении (зачастую повторении впечатливших ее носителей образцов высокой элитарной культуры), так и система охраны наследия в Восточной Европе сплошь состоит из таких ритуализированных повторений. Это пирамида повторений, в которой нижестоящие уровни повторяют образцы с постоянной редуцией – банализацией и примитивизацией. В такой культуре ритуала

отсутствие рефлексии и утечка смысла прекрасно компенсируются устойчивостью модели.

Существует несколько путей попадания объектов в описанную выше сферу наследия, и далеко не все из них осмысленны. На низовом уровне сфера инкорпорирует объекты, исходя не из потребности, а потому что просто не может иначе, это всего лишь ее способ самовоспроизводства. Для этого процесса существует даже специальный термин – херитажизация или актуализация наследия.

Современная охрана наследия подразделяет артефакты на мусор и ценности, по сути, вынося им вердикт. Но каким образом историки и краеведы понимают, что можно безжалостно снести, а что представляет ценность и что стоит оплакивать? Если мы говорим о наследии тоталитаризма, то памятники Ленину им хочется снести, а вот Куропаты, напротив, – непременно сохранить. Любое здание старше 70 лет «машинально» вносится ими в охранные списки. Музеефикация – автоматическая, «по умолчанию» судьба старых памятников.

Путь херитажизации можно разбить на стадии риторических поворотов, претендующих на то, чтобы изменить общественное отношение и запрограммировать определенный набор действий. Это путь от «не мусор, а ценность» к «законсервировать в первозданном виде».

Под видом академических исследований наследия у нас до сих пор доминирует его адвокатирование. Нет ни одного примера, когда результатом стала бы констатация отсутствия ценности. А значит, в веберовском смысле это вовсе не исследования, а лишь некая ритуальная коммуникативная стадия.

Историки, увлеченные определенной темой, зачастую убеждены, что их любимые объекты – самые значительные, что они недооценены общественностью, а если бы были

оценены по достоинству, то потребовали бы к себе большего внимания и больших ресурсов на сохранение. Здесь к риторике обязательно подключается морально-этическая компонента. При этом в ход пускаются любые аргументы, подрывающие иные, помимо консервационно-реставрационных, сценарии модернизации, уничтожаются альтернативные варианты судьбы объекта.

Обсуждая ценности, мы занимаемся актуализацией, создаем наследие, направляя втягивающую воронку на самые неожиданные артефакты и явления нашей жизни. Что делают с наследием? Сохраняют, реставрируют и музеефицируют. Во всех этих процессах ритуального, особенно на уровне риторики, гораздо больше, нежели содержательного.

Можно сказать, что сфера наследия сама постепенно начинает генерировать объект, оставляя все меньше исходного артефакта и замещая аутентичку собственными конструктами. Профессиональные акторы наследия неплохо осведомлены о том, насколько неизбежна и неумолима материальная трансформация охраняемых объектов, но это совершенно не мешает им в публичном поле делать вид, будто ничего подобного не происходит, и даже открыто противостоять изменениям.

Так постепенно складывается ситуация, когда в структуре наследия любого исторического центра гораздо больше мифологии и интерпретации, нежели реальной аутентички, которая нам уже практически не доступна. Перед нами реплики и политически мотивированные интерпретации на заданную тему, симулякры, архетипы наследия. Восстановление Варшавы и других ключевых объектов, принятие Рижской хартии могут служить показательными примерами. Кроме того, существует феномен коммодификации, туристического приспособления, а также джентрификации, которые усиливают репутацию наследия. Тем не менее, наследие в

Восточной Европе для собственной легитимации постоянно рядится в одежды западных идей об аутентичности и научной реставрации.

Любая реставрация – это ритуальная попытка «сделать как было» при всей невозможности последнего. А как работает критика реставрации? В ней также присутствует определенная ритуальность. Сначала реставрационный проект приветствуется как спасение. Проект призывается, заманивается в ловушку, но как только решение принято и начата реализация, за этим следует его неминуемое риторическое уничтожение, вплоть до низведения в ранг преступления и отстаивания позиции, что «лучше бы ничего не делать, чем так». Здесь проявляется соприкосновение трех факторов: претензии градозащитников на участие в принятии решений, особенности освещения в медиа любых проблем, текущая внутривластная дискуссия в широком смысле. При этом, в случае, если градозащитнику самому удастся войти в круг лиц, принимающих решения, его склонность к компромиссам резко повышается.

Также необходимо понимать, что любые договоренности по поводу наследия не выдерживают проверку временем. Изменяются участники, представления и обстоятельства, а значит, невозможно договориться раз и навсегда. Объекты прирастают новыми коммуникативными слоями, но из этой сферы наследия им уже не вырваться.

Заключение. Какое наследие настоящее?

Действующая система охраны памятников неповоротлива и одномерна, построена на презумпции сохранения и выполнении церемониала. При этом критическое рассмотрение системы позволяет увидеть ее ритуализированность, построенную в т. ч. на нормирован-

ных риторических практиках. В Беларуси она сама могла бы показаться застывшим артефактом и памятником самой себе, если бы не наблюдаемый поворот во внешнем мире, связанный с бумом наследия. Данный поворот ввел в действие множество глобальных акторов, показавших относительность казавшихся прежде незыблемых риторических максим.

Сфера наследия при этом функционирует на разных уровнях по собственным законам, она динамична, у нее есть свои опорные точки и внутренняя логика. Все это переводит фокус нашего внимания с изучения статичности на изучение процессов.

Если принять основной тезис данного текста о том, что наследие – это не аутентичные артефакты, но складывающаяся вокруг них коммуникация, тогда интерес представляют не шаблонные ритуализированные форматы сохранения, а сам процесс возникновения вопросов и поиска ответов, нестандартные решения и развитие сюжетов наследия. Значит, искать и обсуждать имеет смысл именно динамику коммуникации. Только она и является тем живым, что определяет настоящее наследие.

И даже больше: если память понимается не как нечто, контейнированное в материальных артефактах, а как процесс коммуникации, наследие не обязательно должно иметь стабильную материальную структуру. Скорее материальный артефакт – лишь один из элементов сложной системы. И только восстановленное заново, мимикрирующее и утратившее всякую связь с аутентичностью, но тем не менее являющееся подлинным воплощением наших ценностей, представлений о золотом веке и о том, как строить современную жизнь, – представляет собой чистое, истинное наследие: исторические центры Варшавы, Франкфурта-на-Майне, Минская ратуша...

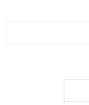
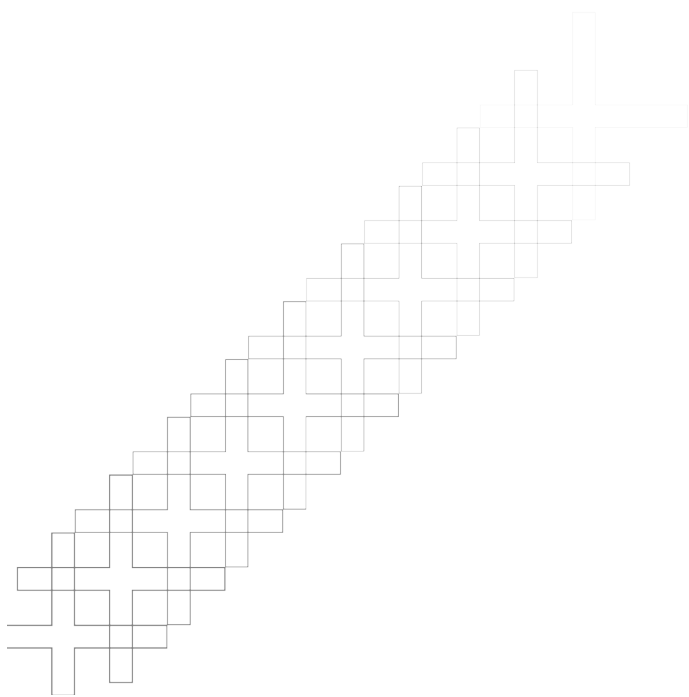
Поскольку невозможно окончательно сохранить и «раз и навсегда» отреставрировать

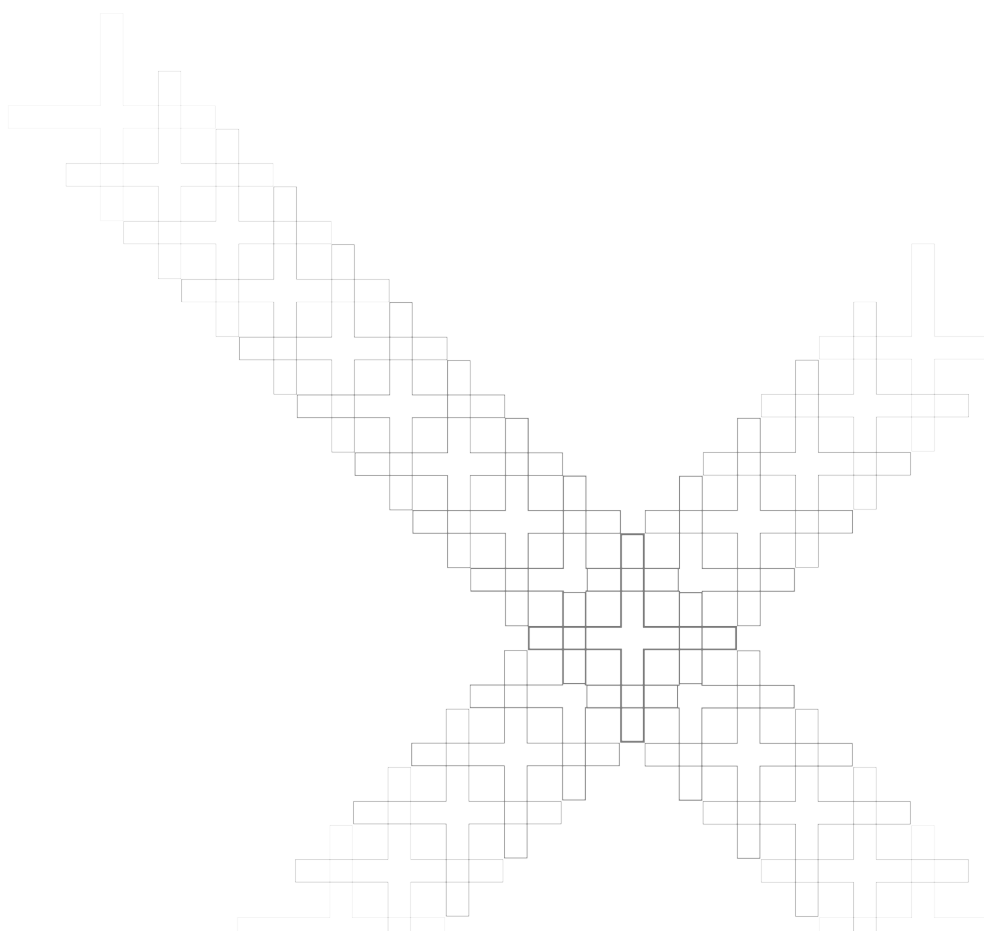
объекты наследия, вместо ритуального противостояния изменениям гораздо более продуктивным было бы признание их значимости. Именно такой процессный и коммуникативный подход видится выходом из тупика привычных схем охраны-популяризации и дает шанс на то, чтобы опять привлечь в эту сферу должный интеллектуальный ресурс, которого там, к сожалению, почти не осталось. Это необходимо, чтобы сделать наследие чем-то, что опять, как в XIX веке, сопряжено с развитием общества, а не просто поставляет ретро-картинки для украшения интерьера современности.

Использованная литература

- [1] Smith, Laurajane. *Uses of Heritage*. Routledge, 2006. 368 p.
- [2] Ashworth, Gregory. From history to heritage: from heritage to identity: in search of concepts and models // *Building a New Heritage: Tourism, Culture and Identity in the New Europe*. Ed. by Ashworth G.J. and Larkham P.J. London: Routledge, 1994. P. 13–30.
- [3] *Cultural Heritage Counts for Europe (Full report)*. Krakow: CHCfE Consortium, International Cultural Centre, 2015. 297 p.
- [4] Haynes, Suyin. Why a Plan to Redefine the Meaning of 'Museum' Is Stirring Up Controversy (09.09.2019) // *Time*, <https://time.com/5670807/museums-definition-debate/> (12.10.2021).
- [5] Poulot, Dominique. The Birth of Heritage: 'le moment Guizot' // *Oxford Art Journal*, Vol. 11, No. 2, 1988. P. 40–56.
- [6] Harrison, Rodney. *Heritage: Critical Approaches*. Routledge, 2013. 268 p.

Европейское наследие
как **ОСНОВА ИДЕНТИЧНОСТИ**

Яцек Пурхла
У прошлого есть будущее!

Jacek Purchla
The Past has a Future!

An interview with Prof. Dr. Jacek Purchla, a founder and for 27 years Director of International Cultural Centre in Krakow highlights some key issues of heritage-related agenda in modern Europe.

Prof. Purchla shares his memories about the 41th World Heritage Committee Session in Krakow which he was conducting as a Chair of Polish UNESCO Commission. He also speaks about social, economic, cultural and environmental potentials of cultural heritage as well as the danger of its over politicization. The talk was conducted by EHU Dr. Stsiapan Stureika.

Профессор Яцек Пурхла – историк искусства и экономист, одна из ключевых личностей современного Кракова. Человек, посвятивший всю жизнь не только сохранению его культурного наследия, но и развитию представлений о нем, изменению самого способа мышления о прошлом. Он основал и в течение 27 лет возглавлял Международный центр культуры (МЦК), в течение 5 лет был председателем польского Комитета по делам ЮНЕСКО. Всего, чем он занимался, просто не перечислить. Мы решили поговорить с ним о проблемах европейского наследия: об актуальных угрозах, трендах и, в конце концов, о его будущем.

Над чем Вы сейчас работаете? Какие самые важные проекты у Вас на столе?

Если говорить о самом важном в жизни: полгода назад я стал дедушкой! А если серьезно, то я всегда играю на нескольких инструментах одновременно. В МЦК у нас постоянно разрабатывается сразу несколько важных тем.

Во-первых, это взаимоотношения между культурой и экономическим и общественным измерением наследия. Сейчас мы в МЦК завершаем международный проект, посвященный управлению наследием исторических городов в контексте европейских мега-событий (НОМЕЕ – Heritage Opportunities/threats within Mega-Events in Europe). В Экономическом университете Кракова на кафедре, которой я руковожу, для издательства Routledge готовится объемный труд о трансформации, переживаемой Краковом после распада социалистического лагеря. Это попытка междисциплинарного исследования изменений города в посткоммунистических условиях.

Во-вторых, «диссонансное» или неудобное наследие, которое само по себе является проблемой. Это касается также и посткоммунистического наследия. В настоящий момент в МЦК готовится сложная выставка, посвященная наследию Третьего Рейха в Кракове.

Также завершается трехлетняя работа по изданию Большой энциклопедии Кракова, которая насчитывает около 6 000 научных статей. Кроме того, в качестве руководителя Совета Ягеллонского университета я сотрудничаю с ректором в отстаивании автономии университета. Поэтому на недостаток занятий жаловаться не приходится.

Зачастую первое, о чем мы в ЕГУ говорим со студентами, изучающими наследие, – его продолжающийся бум. Все больше объектов, артефактов и нематериальных элементов считаются достойными сохранения. Как Вы думаете, куда все это движется? Будет ли объем наследия возрастать, и как нам быть в такой ситуации?

Мы живем в период внезапных и многоплановых изменений, и это также означает революцию в нашем отношении к прошлому. Это отношение ранее ограничивалось термином «исторический памятник». Понятие «культурное наследие» переживает захватывающую трансформацию, длящуюся уже несколько десятилетий. Оно все больше расширяется, но и все больше конкретизируется, взять хотя бы упомянутое диссонансное наследие. Повышается роль нематериального наследия. Раньше нас интересовало прежде всего то, как сохранить объекты. Но теперь не менее важна наша память, ежедневно реинтерпретирующая прошлое, и использующая его в современных целях. И тут открываются неограниченные возможности.

Причем в работе с наследием, в отличие от работы с памятниками, ключевую роль играет уже не узкая каста экспертов-менторов, как я их называю – капелланов. Мы все в игре! Нравится нам или нет, на нашей идентичности играют политики, СМИ, просветители и педагоги и, конечно, мы сами. Сегодня наследие – это *soft power*, инструмент политической борьбы, если не сказать – войны. Такую войну ведут не с помощью танков и бомбардировщиков, нет – это битва за головы, за нашу идентичность и память. Но тут, конечно, нужно разграничить херитологию, как междисциплинарную научную дисциплину и ежедневную политическую эксплуатацию наследия.

Какие Вы видите сегодня главные международные тенденции в сохранении наследия? Какие идеи и проекты наиболее востребованы и, соответственно, получают наибольшую поддержку?

По образованию я и историк искусства, и экономист (это была моя первая специализация). 40 лет назад, когда я объединил эти две разные области академических знаний, это воспринималось как курьез. Все, что составляло предмет охраны памятников, было оторвано как от современности, так и от экономического развития. Наибольшие достижения польских реставраторов – та же невероятная реконструкция уничтоженной Варшавы – были результатом политических, если не сказать идеологических, решений, принятых в страшное время сталинизма. Коммунисты хотели, по сути, купить себе народную поддержку, легитимироваться.

Так вот, теперь в Экономическом университете Кракова я руковожу кафедрой ЮНЕСКО «Исследования наследия и города» (UNESCO Chair for Heritage and Urban Studies). Там мы занимаемся всем, что касается наследия как источника развития. То есть, мы рассматриваем наследие не как балласт, проблему, а как ресурс. В масштабе Европы он огромен! Мы продемонстрировали это в иссле-

довании «Cultural Heritage Counts for Europe», выполненном в 2015 году по заказу Европейской комиссии).¹ А в июне 2021 года Совет Европы принял документ, в котором четко обозначено, что отношение стран-членов ЕС к культурному наследию как к источнику развития также в экологическом и социальном направлении соответствует приоритетным целям Евросоюза. Вот что определяет спрос на исследования, которые впоследствии включаются в европейскую политику.

Мы долгое время боролись за то, чтобы культурное наследие вообще было в повестке дня, чтобы оно находилось не только в сфере внимания Комиссара по культуре, но попало и в сферу интересов Комиссара, отвечающего за региональное развитие. И вот теперь это случилось! Причем это касается не только туризма, но и других немаловажных аспектов. По моему мнению, у наследия большое будущее.

Второе направление, о котором я уже упоминал, касается политики памяти, исторической политики, борьбы за идентичность, за умы и сердца людей. Здесь проявляется вопрос нематериального наследия и всего, что касается мест памяти. Я имел честь быть одним из экспертов первого поколения, реализующих программу «Знак европейского наследия» (European Heritage Label). Это прекрасная идея, хотя ее по-разному понимают. Она заключается в том, чтобы идентифицировать во всех странах Евросоюза места и объекты, говорящие нам о европейской интеграции. То есть не такие, которые сообщают о конфликтах, а наоборот, те, которыми мы можем вместе гордиться. Это европейский аналог наиболее успешного проекта ЮНЕСКО – Списка Всемирного наследия, в котором сейчас больше 1 100 номинаций на территории 165 стран. Это фантастика!

Третье направление – необходимость актуализации Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года, потому что за 50 лет мир ушел далеко вперед. И здесь самое главное – включение в работу с наследием гражданского общества. 50 лет назад ЮНЕСКО, как межправительственная организация, могла позволить себе принять конвенцию, подписываемую только правительствами. Но сегодня мы знаем, что ни одно, даже самое богатое государство, не в состоянии сохранять наследие только официальными инструментами. Ключевой вопрос все равно – сознательность общества и образование в сфере наследия. На эту тему ведется множество дискуссий. Когда я в 2016–17 годах был председателем Комитета Всемирного наследия, могу похвастаться, что впервые в Кракове состоялась дискуссия с представителями гражданского общества. Это был перелом, потому что даже с точки зрения регламента было непросто организовать такие дебаты. Однако в результате появилась резолюция о том, что гражданское общество – это фундамент всего процесса наследия.

Так что, по моему мнению, вот три основные тенденции: разработка роли наследия как ресурса для общественного развития, работа с интерпретацией наследия и повышение роли гражданского общества.

¹ Cultural Heritage Counts for Europe (Full report). Krakow: CHCfE Consortium, International Cultural Centre, 2015. 297 p.

В 2017 году мне посчастливилось присутствовать в Кракове на 41-й сессии Комитета Всемирного наследия, которую Вы вели. Все 10 дней я слушал, наблюдал, впитывал, и это было, вероятно, одно из самых ярких событий моей жизни. Но также одним из впечатлений было то, что вся эта концепция «Всемирное наследие» несколько исчерпала себя. Так много подходов! Люди, говорящие будто бы об одном и том же – о сохранении конкретных архитектурных объектов – имеют в виду очень разные вещи. А каково было Ваше впечатление от происходящего, и что Вы чувствовали в конце, помимо усталости?

Я был очень рад, что вообще удалось довести до конца эту сессию, потому что она, как никакая другая, поставила под угрозу Конвенцию 1972 года и наше глобальное мышление о культурном наследии. Угрозой я называю ситуацию, когда некоторые страны – да что там, много стран! – используют Список и наследие как таковое в собственных узко понимаемых политических целях. В нашем случае конфликт между Израилем и Палестиной грозил срывом всего мероприятия. Его формальная причина в том, что Палестина, не являясь членом ООН, но будучи в ЮНЕСКО, демонстрировала свою суверенность и свое международное присутствие посредством Списка. Была создана экстренная номинация о включении в Список города Хеврона, которую мы должны были рассмотреть безотлагательно. Израилю следовало бы радоваться, поскольку это священное место иудаизма. Однако та номинация показала масштаб конфликта между памятью и идентичностью арабского мира и евреями.

Это был не единственный конфликт. Неожиданностью для меня стал спор между Японией и Корейской республикой. Кажалось бы, номинации должны утверждать универсальные ценности, объединять. Речь шла, однако, о номинации японских индустриальных объектов (некоторые до сих пор работают), созданных во времена эпохи Мейдзи руками корейских рабов. Опять конфликт памяти!

Но в основном, повторюсь, нам удалось убедительно показать, что Конвенция 1972 года спустя 50 лет требует ревизии, смены акцентов, требует открытия по направлению к гражданскому обществу. Может, прозвучит наивно, но это тоже способ деполитизации. Как именно это сделать – не знаю, но все же мир уже взял на себя ответственность за объекты в 165 странах.

Должен добавить, что раньше я тоже относился критически к внесению в Список объектов, не равных по значению Египетским пирамидам или Афинскому акрополю. Однако теперь осознал, насколько важна роль Списка в смысле просвещения, ведь он пропагандирует и поддерживает так называемую «передовую практику», то есть переносит на все континенты европейские идеалы работы с наследием.

А как бы Вы прокомментировали очевидный правый поворот в европейской политике и вообще ее поляризацию, в частности в Польше, в отношении работы с наследием? Как это отражается на наследии?

К сожалению, отражается. Поэтому я и разделял в нашем разговоре научный подход к наследию и игру с прошлым, ведущуюся политиками как слева, так и справа. Но, конечно, Вы правы, что этим прежде всего занимаются партии национальные, если не сказать националистические, особенно в посткоммунистических странах. Они разыгрывают карту патриотизма, политизируют охрану наследия, превращая ее в борьбу за память. Идет отождествление наследия, порой чрезмерное, с нашей суверенностью. Это хорошо заметно в странах Центральной Европы, где границы государств в XX веке перемещались намного быстрее границ культурных. Здесь вопрос «Почему твой друг – это мой враг?» является одним из фундаментальных. Не хочу называть конкретные страны. В сущности, в каждой стране есть проблемы, связанные с историей, памятью и наследием.

Когда я Вас слушаю, возникает двойственное чувство. С одной стороны, если кто-то желает, чтобы его большой проект в области наследия получил политическую, а значит и материальную поддержку, он должен включать в него это политическое измерение. Но одновременно мы все время говорим об угрозе политизации. Как же быть?

Это очень хороший вопрос! В первую очередь, это вопрос разработки модели государственного финансирования науки и культуры в демократическом правовом государстве. В Польше за 30 лет такая эффективная модель не появилась. Я пережил 20 министров культуры, но ни один из них не занимался этой темой. Лозунг, который я продвигаю с 1990-х годов – повышение роли общества и уменьшение роли государства в вопросах финансирования! – не был реализован даже самыми демократическими министрами.

У нас также есть случаи, когда мы получаем отказы в государственном финансировании, в которых очевидна политическая подоплека. У нас нет цензуры, но есть конъюнктура. Тем не менее, удастся реализовать даже такие проекты, как исследование наследия Третьего Рейха в Кракове. В этом состоит наша свобода. Свобода делать свои проекты есть и у вас, хоть, может быть, теперь и не в самой Беларуси.

Мои коллеги в Германии находятся в иной ситуации. Когда совместно с Центральным институтом истории искусств в Мюнхене мы обсуждали финансирование нашего проекта, я спросил многолетнего директора института: «Как часто ты вынужден звонить министру? Как часто у вас происходят встречи по поводу бюджета

организации?». Он не понял вопроса! Отделение политики от декларируемых ценностей научной работы является фундаментом здорового демократического государства и государственного финансирования.

Вы очень много работаете с наследием стран Вышеградской четверки. Список реализованных проектов МЦК для этого региона просто невероятный. Однако, помимо этой конфигурации стран, Польша участвует еще и в продвижении культурного наследия региона бывшей Речи Посполитой. Это также Беларусь, Литва, Украина. Могли бы Вы сравнить эти два направления?

Надеюсь, что это просто вопрос, а не политическая провокация! Должен сказать, что оба направления одинаково важны. Но работа на них принципиально отличается по очевидным причинам. Если речь о Вышеградской группе, то это три латинских королевства, которые много позаимствовали из Рима – Чехия, Венгрия и Польша. Многие видят в них продолжателей традиций Габсбургской империи. В 1991 году лидеры этих стран (тогда это была еще Чехословакия) были историческими личностями, сыгравшими огромную роль в борьбе с коммунизмом. Йозеф Анталл, Вацлав Гавел, не говоря уже о Лехе Валенсе, стали отцами-основателями Вышеградской группы. Эти страны вышли из социалистического лагеря подготовленными наилучшим образом по причине их исторического пути, в том числе потому, что в межвоенное время они уже были суверенными. Вскоре появилась Словакия. Эти страны совершили быстрый совместный и солидарный переход в НАТО и Евросоюз.

Однако, несмотря на политическую общность, наладить культурное сотрудничество было трудно. Причина уже упоминалась: «Почему твой друг – это мой враг?». На самом деле мы не очень хорошо знали друг друга. Еще существовали границы. Так вот, это взаимное познание составляло огромную ценность нашего сотрудничества в течении 30-ти лет. Я очень рад, что с польской стороны это сотрудничество поддерживает Краков.

А вот в совместных действиях в рамках бывшей Речи Посполитой есть некоторые трудности. Самая большая из них, по крайней мере так считаю я и многие мои друзья, – это то, что польские участники диалога воспринимаются как руководители, смотрящие сверху. Это наша внутренняя проблема. Несколько месяцев тому назад мы ее обсуждали здесь в МЦК, во время подготовки белорусского номера альманаха HERITO. Нам было важно, чтобы сами белорусы были его авторами и были в этом суверенны. Чтобы не было так, что поляки издают сентиментальный журнал, в котором рассказывают о Мицкевиче, Костюшко и Гродно.

В 1990-х годах мы проводили совместные конференции и с трудом добивались, чтобы они проходили на двух языках: русском,

как региональном, и польском, как языке принимающей стороны. Парадокс состоял в том, что все участники хотели говорить только по-польски! Это было сигналом со стороны ученых из Литвы, Беларуси и Украины, что они чувствуют связь с бывшей Речью Посполитой.

Однако слишком сильно разделяет нас новейшая история, особенно в вопросе польско-украинских отношений. Еще в 1990-х годах я подвергался открытой, если не сказать агрессивной критике со стороны поляков, изгнанных в свое время из Львова и живущих в Кракове в связи с польско-украинскими мероприятиями. Теперь, через 30 лет, ситуация выглядит совершенно иначе.

Ну и последний вопрос. В нашем университете разработаны две программы по культурному наследию: магистерская и бакалаврская. Проблема заключается в том, как привлечь талантливую молодежь. Все хотят изучать медиа, дизайн, IT. А наследие... это ведь так интересно, но... Что мы должны сообщить новым студентам, чтобы они по какой-то причине захотели изучать наследие? Как их привлечь?

Это наша общая задача. Но только я уже не испытываю иллюзий. Да, девиз, который я использую со времен Европейского года культурного наследия в 2018 году – «У прошлого есть будущее!». Однако несколько лет назад во время одной поездки я обратил внимание на заголовок на первой странице в уважаемой американской или английской газете, которую читал мой сосед. Заголовок гласил: «Выглядеть старым становится ненормально». Да, все хотят быть молодыми, красивыми, богатыми. Так что с этим связан первый психологический барьер к изучению наследия. Но все же более серьезная проблема состоит в том, что наши университеты слишком замкнуты. С одной стороны, ректоры декларируют развитие междисциплинарности. Но действительность противоположна. Говорю это как заведующий кафедрой и председатель Совета старейшего и лучшего, согласно рейтингам, университета в Польше. Мы очень замкнуты. А херитология – мультидисциплинарна. Она требует содействия разных наук: не только истории искусства и экономики, но и социологии, антропологии, политических наук, управления и многих других. На восток от бывшего железного занавеса практически нет университетов, которые смогли бы реализовать такую модель. В Экономическом университете в Кракове у нас нет возможности создать факультет по изучению наследия. Не потому, что нет спроса. Просто нет системных бюрократических условий, которые бы сделали это возможным. Думаю, я уже не доживу.

Но если вам это удастся, значит у вас большое будущее!

Сяргей Харэўскі

мастацтвазнаўца, культуролаг, гісторык архітэктуры. Скончыў Санкт-Пецярбургскі акадэмічны інстытут жывапісу, скульптуры і архітэктуры імя І. Я. Рэпіна. Цяпер – выкладчык ЕГУ. Навуковыя зацікаўленасці: Беларусь у кантэксце гісторыі Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, гісторыя мастацтва і архітэктуры Беларусі, станаўленне гарадской цывілізацыі ў Беларусі.

Фота Аляксандра Матафонава

Еўрапейская спадчына Беларусі Спроба вызначэння месцаў і аб'ектаў

Сяргей Харэўскі, Сцяпан Стурэйка

European Heritage of Belarus An Attempt to Identify Sites and Monuments

An initiative European Heritage Label is run by the European Commission and currently includes 48 sites across Europe as its milestones, symbolising European ideals, values, history and integration. Unfortunately, Belarus is absent from this list. The article is an attempt to create the very first and very subjective list of Belarusian sites worth including into the European program. Among them are the archaeological heritage sites of Minsk surroundings, a XII ct. orthodox church in Polack, Kreva village, legendary Niasviž, Belarusian synagogues and some other sites.

Больш чым 15 гадоў у Еўрапейскім Гуманітарным Універсітэце існуюць праграмы, звязаныя з вывучэннем спадчыны. Вырасла цэлая гэнерацыя нашых выпускнікоў, якія і цяпер прафесійна працуюць у гэтай галіне або як навукоўцы, або як практыкі; у няўрадавых арганізацыях ці турыстычнай сферы. Раней гэтыя праграмы былі скіраваны на вывучэнне найперш Беларусі і Літвы. Цяпер, у выніку трансфармацыяў, маем бакалаўрскую праграму «Еўрапейская спадчына». З аднаго боку, дысцыплінарныя і тэматычныя абсягі праграмы моцна пашырыліся, з іншага ж, яны сталі больш прадметныя, скіраваныя на фармаванне менавіта практычных кампетэнцыяў у сферы як захавання, так і выкарыстання культурнай спадчыны.

Чым ёсць у дадзеным кантэксце еўрапейскасць? Перадусім, яна палягае на акцэнтаванні ўніверсалізма ідэяў і дасягненняў духоўнай і матэрыяльнай цывілізацыі Еўропы і Міжземнамор'я, што дасёння перадвызначаюць яе як вонкава, гэтак і сутнасна. Урэшце, менавіта ў Еўропе былі сфармуляваныя тыя прынцыпы аховы спадчыны, якія выкарыстоўваюць у цэлым свеце. Дарэчы, і сістэма ўніверсітэцкай адукацыі – таксама еўрапейскі здабытак.

«Еўрапейскасць» культурнай спадчыны можна вызначаць рознымі спосабамі. Сам панятак «спадчына», інстытуты аховы і рэстаўрацыі, як мы іх ведаем, народжаныя менавіта на еўрапейскім кантыненте. Такое адказнае стаўленне да мінулага, пастаяннае вызначэнне сябе праз прыналежнасць да традыцыі, да гістарычнага асяроддзя – выключна еўрапейская «фішка». Ва ўсіх іншых частках свету праца са спадчынай тым больш развітая, чым інтэнсіўней туды прыходзілі Заходнія ідэі культуры.

Яшчэ нам падабаецца думаць пра еўрапейскую спадчыну як пра сукупнасць лепшых падыходаў да яе захавання, інтэрпрэтацыі і аднаўлення. Лепшыя яны тым, што ў іх закладваецца пэўны набор каштоўнасцей устаноў: адказнае стаўленне да культуры, прыняцце складанасці гістарычнага шляху і неабходнасці пераадолення канфліктаў. І вось так, актуалізуючы новую або забытую спадчыну, мы на самай справе думаем пра развіццё нашых гарадоў, вучымся выкарыстоўваць сацыяльны і эканамічны патэнцыял спадчыны.

У 2006 годзе спачатку як міжурадавая ініцыятыва, а з 2013 года ужо як афіцыйнае

мерапрыемства Еўрапейскага Саюза распачалася праграма «Знак Еўрапейскай Спадчыны» (European Heritage Label), накіраваны на тое, каб адзначыць аб'екты спадчыны, якія з'яўляюцца вехамі ў стварэнні сучаснай Еўропы. Ад часоў зараджэння цывілізацыі да Еўропы, якую мы бачым сёння, гэтыя аб'екты і мясціны вызначаюць і сімвалізуюць еўрапейскія ідэалы, каштоўнасці, гісторыю і інтэграцыю. На сённяшні дзень у спісе 48 мясцін і аб'ектаў з 24 краін. Агульная колькасць расце, але беларускіх аб'ектаў сярод іх пакуль няма.

Думаецца, што гэтая адсутнасць – не столькі праблема, колькі запрашэнне паразважаць пра патэнцыял культурнай спадчыны Беларусі ў кантэксце яе значнасці для Еўропы. У такім ракурсе інтэрпрэтацыя аб'ектаў спадчыны можа значна павысіць іх вартасць і інспіраваць большую рэгіянальную ды міжнародную цікавасць. Пры комплексным падыходзе яны могуць мець большую каштоўнасць, чым уяўляецца сёння.

Мы склалі свой вельмі суб'ектыўны спіс беларускіх мясцін, якія маглі б першачаргова прэтэндаваць на статус Еўрапейскай спадчыны. Запрашаем да дыскусіі!

Археалагічная спадчына ў ваколіцах Мінска

Калі мы глядзім на матэрыяльную і духоўную спадчыну Беларусі шырэй, чым на уласна нацыянальныя наратыўны ды спрабуем зазірнуць па-над межамі і эпохамі, то адкрываюцца новыя далягляды і кантэксты.

Сярод іншага, такой унікальнай лакацыяй на ўскрайку сталіцы Беларусі ёсць Банцараўшчына – стражытнае селішча і гарадзішча балтаў ранняга жалезнага веку. Яно захавалася ў амаль некранутым выглядзе. Гэтае абнесенае двума валамі селішча існавала тут ужо ад III стагоддзя да нашай эры. Спакваля яно ўмацоўвалася, пераўтвараючыся ў культывы цэнтр, ды праіснавала больш як тысячу гадоў! Назва ўрочышча, дзе колісь квітнеў гэты цэнтр, дала

назву і адной з найбуйнейшых у гісторыі ўсходняй Еўропы археалагічнай культуры – Банцараўскай, якая ахоплівала вялізарныя абшары не толькі ў самым цэнтры Беларусі, але і на сумежных тэрыторыях Літвы, Латвіі і Расеі, паміж вытокамі Дзвіны, Нёмана і Дняпра. Яе носбіты належылі да найбольш ранніх каланізацыйных балта-славянскіх плыняў на ўсходзе Еўропы і сталі папярэднікамі астатніх культураў рэгіёна.

Рэгенерцыя ландшафту тэрыторыі Банцараўшчыны і стварэнне там адмысловых экспазыцый, тэматычнага парку і віртуальных рэсурсаў маглі б стаць адным з самых значных і цікавых праектаў усяго рэгіёна балта-славянскага памежжа.

Полацк, Спаса-Праабражэнскі сабор
Наведванне места працы рэстаўратараў ману-
ментальнага жывапісу «пакуль лясы не знялі»
Фота Ігара Раханскага

Спаса-Еўфрасіннеўскі манастыр з саборам XII стагоддзя у Полацку

Не сакрэт, што да сярэдзіны XIII стагоддзя Полацк, размешчаны на шляху «з вараг у грэкі», быў яшчэ і галоўным гандлёвым партнёрам Ганзейскага саюза. Будаўніцтва ў ім багатага манастыра сведчыла не толькі аб адкрытасці беларускіх зямель, але і пра імклівы рост хрысціянства тут.

Мастацкае рашэнне Спаса-Праабражэнскага сабора XII стагоддзя сумяшчае грэцкую, візантыйскую і старажытнарускую традыцыі. Яго амаль тысячагадовая гісторыя адлюстроўвае суперніцтва двух лідзіруючых хрысціянскіх традыцый – праваслаўя і каталіцтва, якое завяршылася іх мірным суіснаваннем на сучасным этапе.

Усё гэта дазволіла ўключыць манастыр у Папярэдні спіс Сусветнай спадчыны.

У 2019 годзе Міністэрства культуры Беларусі пад эгідай Дзён Еўрапейскай спадчыны правяло ў манастыры канферэнцыю, якая аб'яднала рэстаўратараў некалькіх краін. Дарэчы, у саборы ўжо праведзена ўнікальная рэстаўрацыя, якая дазволіла не толькі раскрыць комплекс самых старажытных фрэсак, але і захаваць ды праэкспанаваць усе пазнейшыя роспісы. Цяпер навукоўцы думаюць, як засцерагчы раскрытыя фрэскі XII стагоддзя ад тэмпературна-вільготнаснага ўздзеяння. Ацэньваючы якасць ужо праведзеных работ і ўзровень прыцягнутых спецыялістаў, мы ўпэўненыя, што будзе знойдзена самае лепшае рашэнне.

Паўночная башня Крэўскага замка
пасля кансервацыі у 2020 годзе
Фота Віктара Палсцюка

Старажытнае мястэчка Крэва

Пра гісторыю Крэўскага замка напісана багата. Перадусім ён увайшоў у сусветную гісторыю фактам падпісання тут Крэўскай вуніі паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Польскім Каралеўствам, у выніку чаго паўстала найвялікшая ад часоў Рымскай імперыі дзяржава ў Еўропе.

Але само Крэва – гэта не толькі руіны замка, што ўжо маюць уласную вялікую гісторыю вывучэння ды рэстаўрацыі. У гэтым мястэчку, што згадваецца ў нямецкіх хроніках XIII стагоддзя, захоўваецца магутнае гарадзішча, што да пабудовы замку і было цэнтрам ранняга Крэва. Тут праходзіла мяжа паміж старажытнай Літвой ды Полацкай зямлёй. Таму з гледзішча сацыяльнай, этнічнай, культурнай гісторыі гэты археалагічны аб’ект надзвычай важны. Тут быў цэнтр з развітай вытворчасцю і шырокімі замежнымі сувязямі.

Недзе тут, на гарадзішчы, знаходзіўся і першы з ліку сямі каталіцкіх храмаў, паўсталых пасля хросту паганскай Літвы Ягайлам. Гэты факт стаў паваротным пунктам у гісторыі не толькі Беларусі і Літвы, але і наогул для лёсу хрысціянства на разлогах Усходняй Еўропы.

Само Крэва дасёння захавала стражытную планіровачную структуру і сведчанне колісь поліэтнічнага, поліканфесійнага грамадства – будынкі сінагогі і міквы, праваслаўная царква, касцёл, праваслаўныя, каталіцкія, юдэйскія і мусульманскія могілкі. Разам з помнікамі прыроды і культурным ландшафтам, усё Крэва – унікальны комплексны аб’ект спадчыны, ілюстрацыя да гісторыі гэтай часткі Еўропы ад ранніх стагоддзяў да Першай сусветнай вайны, калі мястэчка было на лініі фронту з 1915 да 1918 года. Дарэчы, ад той вайны тут захаваліся нямецкія бліндажы, рэшткі вузкакалейкі, акопы, варонкі ад снарадаў і вайсковыя пахаванні...

Рэстаўрацыя інтэр'ера капліцы Нясвіжскага Замка.
Творчая майстэрня «Басталія»
Фота Ігара Раханскага

Легендарны Нясвіж

Унікальнасць Нясвіжа не ў паасобных помніках розных эпох, а ў ансамблі будынкаў канца XVI стагоддзя і іх узаемасувязях. Менавіта як помнік горадабудаўніцтва з элементамі культурнага ландшафту і архітэктурнымі пярыямі той эпохі гэты горад мае выключную каштоўнасць у агульнаеўрапейскім кантэксце. Гэта прыклад наўпростага натхнення Італіяй, стылем барока для цэлага рэгіёна. Сёння гэты рэгіянальны барочны стыль з'яўляецца адной з найбольш каштоўных частак супольнай спадчыны Беларусі, Польшчы, Літвы ды Украіны.

Помнікі эпохі ранняга барока з'яўляюцца таксама красамоўным сведчаннем агульнаеўрапейскага шляху развіцця нашай цывілізацыі. Італьянскі дойдзік Бернардоні з памочнікамі прыбыў у Польшчу, а затым і ў

Беларусь, дзе, у Нясвіжы, пражыў трынаццаць гадоў. Адначасна з ім у Рэчы Паспалітай працавалі таксама італьянскія дойдзікі-езуіты. Для рэалізацыі новага тыпу планаў і будаўнічых канструкцый Бернардоні павінен быў цягам гадоў кіраваць будаўніцтвам і навучаць новым тэхналогіям тутэйшых майстроў. Такім чынам, ягоны уплыў відавочна большы, чым толькі аўтарства паасобных праектаў. Ягоны вучань Ян Франкевіч з Мінска стаў аўтарам праектаў першых барочных храмаў Вільні.

Таму вывучэнне і аднаўленне аб'ектаў Нясвіжа часоў Бернардоні разам з замкам, Фарным касцёлам і Ратушай далі б больш поўнае ўяўленне не толькі пра архітэктурную стылістыку эпохі, яе светапозірк, але і пра памкненне стварыць ідэальны горад.

Адрэстаўраваны роспіс XVIII стагоддзя ў Саборы святых апосталаў Пятра і Паўла у Мінску. Творчая майстэрня «Басталія»
Фота Фёдара Сарокі

Сабор святых апосталаў Пятра і Паўла ў Мінску

Праваслаўны храм, збудаваны ў канцы 1620-х гадоў. Адзін з самых старых будынкаў Мінска. Сабор згубіўся ў сучаснай мадэрнісцкай і постмадэрнісцкай забудове вуліцы Нямігі і, непрыкметны, звонку не выклікае асаблівых эмоцый. Думаем, што нават не ўсе мінчане там былі. Яго сакрэт унутры, і гэта – неверагодная рэстаўрацыя інтэр'ера. У 2017 годзе праца па рэстаўрацыі насценных роспісаў была адзначана дыпламам вядучай еўрапейскай арганізацыі ў галіне захавання культурнай спадчыны Europa Nostra. Гэта значыць, ёй можна ганарыцца і паказваць прафесійнаму рэстаўратару з любой краіны як эталон.

Справа ў тым, што за ўсю гісторыю на сцены храма былі нанесеныя тры пласты роспісаў. Шчыра кажучы, ні адзін не быў сусветным шэдэўрам. Але кожны з'яўляецца неаспрэчнай гістарычнай каштоўнасцю. Дык вось, рэстаўратары з творчага аб'яднання «Басталія» здолелі прыдумаць, як раскрыць і на месцы праэкспанаваць кожны з пластоў адначасова. Менавіта гэтая філігранная праца паставіла наш сціплы храм на сусветны ўзровень. Нам даводзілася чуць, як аб праведзенай рабоце распавядае яе кіраўнік – мастак-рэстаўратар Фёдар Сарока. Пад час яго экскурсіі з'явілася пачуццё нерэальнасці. Падумалася, вось так напэўна Джотта мог распавядаць пра роспіс сваёй капэлы Скравенні.

Крэпасць у Бабруйску
Фота Харальда Бібеля

Бабруйская крэпасць

Тэрыторыя Бабруйскай крэпасці – месца старажытнага горада і замка, што існаваў тут ад XIV стагоддзя. Гэта тэрыторыя захоўвае ў сабе велізарны патэнцыял для вывучэння і рэгенерацыі. Тут быў магдэбургскі горад, наўпрост знітаваны з гісторыяй вялікага рэгіёна. Ягоны тагачасны выгляд мы ведаем паводле гравюры галандскага мастака Абрахама ван Вестэрфельда. Цэнтрам Бабруйска быў фарны касцёл Пятра і Паўла, дзе знаходзіўся чудатворны абраз Панны Марыі. Яго пробашчам з’яўляўся Станіслаў Богуш-Сестранцэвіч – будучы мітрапаліт усёй каталіцкай царквы на абшарах Расійскай імперыі і арцыбіскуп Магілёўскі. Менавіта тут быў хрышчоны Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч – пачынальнік новай беларускай літаратуры і драматургіі.

Адным са стваральнікаў ансамбля фартэцыі стаў выбітны навуковец, гісторык, археолаг і архівіст Тэадор Нарбут, якога лічаць пачынальнікам літоўскай гістарыяграфіі, а таксама першым прафесійным даследчыкам балцкай міфалогіі.

Крэпасць, апрача відавочнай каштоўнасці ў якасці помніка фартыфікацыі XIX стагоддзя, таксама знітавана са шматлікімі падзеямі ваеннай гісторыі, ад кампаніі Напалеона 1812 года да падзеяў 1917, калі тут месціўся цэнтр Першага Чэхаславацкага запаснога палка, куды наведваўся Томаш Масарык, будучы першы прэзідэнт Чэхаславакіі, і нарэшце падзеяў 1918–1920 гадоў, калі крэпасць была спачатку цэнтрам Першага польскага корпуса, а затым месцам важнейшых баёў савецка-польскай вайны. Тэрыторыя крэпасці была і месцам трагічных падзей Другой сусветнай вайны...

З 1836 года тут дзейнічала метэаралагічная станцыя, а на пачатку XX стагоддзя месцілася адна з самых магутных у Еўропе радыё-тэлеграфічных станцый, дзе можна было атрымліваць сігналы з Парыжа ды Масквы. То бок былая крэпасць у Бабруйску – важная частка рэгіянальнай і еўрапейскай спадчыны!

Цытадэль – абарончая казарма, руіны Белага палаца, Інжынернага ўпраўленьня, Арсеналу, казармы памежнікаў, падмурак сталовай каманднага складу
Фота Wikimedia Commons

Стражытны Брэст і Брэсцкая крэпасць

Брэсцкая крэпасць – агульнавядомы брэнд Беларусі. Але таксама на тэрыторыі крэпасці некалі быў адзін з найстаражытнейшых і славутых гарадоў рэгіёну, першы, які ў 1390 годзе атрымаў Магдэбургскае права! Менавіта на гэтай тэрыторыі знаходзіцца ў неадаследаваных археалагічных пластах мураваны Мікалаеўскі сабор XIV стагоддзя, дзе была падпісана Брэсцкая царкоўная унія. Раскопкі сабора ніколі не праводзіліся. Там жа – першая на абшарах нашага рэгіёну мураваная сінагога XV стагоддзя, якая стала ўзорам для ўсіх іншых сінагог, а потым у 1812 годзе была перабудавана пад патрэбы крэпасці. Тамсама месціліся адзін з першых каталіцкіх храмаў ВКЛ – Касцёл Святога Крыжа і Святой Ганны (фара Вітаўта) ды першы кляштар аўгустынцаў; друкарня, першая на тэрыторыі Беларусі, дзе была выдадзена славутая брэсцкая Біблія, манетны двор. Тут шматкроць праводзіліся сеймы Вялікага Княства Літоўскага. Тут жылі дзесяткі славутых дзеячоў культуры і рэлігіі, чыя духоўная спадчына належыць многім народам. Тут адбываліся важныя падзеі, знітананыя з гісторыяй усёй Усходняй Еўропы.

Дасення тут застаюцца ў стане руін такія выдатныя помнікі архітэктуры, як кляштары бернардынцаў, іезуітаў, трынітарыяў, базыльянаў ды іншыя...

У перыяд будаўніцтва ў 1836–1842 гадах крэпасць можна аднесці да аднаго з самых дасканалых умацаванняў Еўропы. Яе гісторыя звязана з сумнымі падзеямі Другой сусветнай. Аднак мала хто ўсведамляе, што грандыёзны мемарыял «Брэсцкая крэпасць-герой» займае толькі 30% тэрыторыі крэпасці, а 70% амаль не выкарыстоўваецца. Але чаму? І як варта было б развіваць гэтую тэрыторыю з выкарыстаннем яе шырокага патэнцыялу?

Мясцовыя ўлады думаюць пра гэта, але і грамадскасць не застаецца ў баку. У горадзе дзейнічае выдатная арганізацыя Фонд развіцця Брэсцкай крэпасці, якая не толькі вывучае і папулярызуе спадчыну крэпасці, але і распрацавала канцэпцыю стварэння міжнароднага гісторыка-культурнага цэнтара, здольнага прыцягнуць да 2 мільёнаў наведвальнікаў штогод. А патэнцыял там вялізны: розныя пласты гісторыі, да таго ж асобныя крэпасныя ўмацаванні размешчаны на тэрыторыі Польшчы, што робіць крэпасць выдатным месцам для рэалізацыі транспамежных еўрапейскіх праектаў. Дарчы, у большасці краін Еўрасаюза 9 мая – гэта менавіта «Дзень Еўропы», які адзначаецца як дзень адзінства. Пагадзіцеся, Брэсцкая крэпасць – лепшае месца, каб падумаць пра важнасць міра.

Будынак Слонімскай
харальнай сінагогі
Фота Грыгорыя Хейфеца

Сінагогі Беларусі

Вы напэўна ніколі не думалі пра іх з гэтага боку, аднак суседства хрысціянскіх і іўдзейскіх храмаў – тыповая прыкмета еўрапейскіх гарадоў. На ўсход ад рысы аселасці такога не сустрэнеш. У рэгіёне ж былой Рэчы Паспалітай – амаль у кожным горадзе. Але ёсць праблема. У адсутнасць іўдзейскіх абшчын велізарная колькасць былых сінагог руйнуецца. Яны папросту закінутыя. І гэта будынкі ў самых цэнтрах нашых гарадоў! А між тым, сярод іх ёсць сапраўдныя пяліны: Слонім, Ашмяны, Ружаны, Быхаў. Ці вось яшчэ – у Віцебску месцяца руіны Вялікай Любавіцкай сінагогі, якую, верагодна, наведваў Марк Шагал. Усе гэтыя каштоўныя будынкі сёння на мяжы знікнення.

У 2018 годзе брытанская арганізацыя «Габрэйская спадчына Еўропы» вылучыла 19 еўрапейскіх сінагог, страта якіх будзе найбольш балючай. Першае месца заняла Слонінская сінагога. Недалёка ад яе ў спісе – Ашмянская. Абодвума аб'ектамі цяпер займаюцца, але рэстаўрацыі іх яшчэ не пачаліся. Беларускі камітэт ІКАМОС разам з ЕГУ дапамагае мясцовым ініцыятывам. Галоўнае – зрабіць сінагогі патрэбнымі жыхарам, актуалізаваць іх, ўпісаць у мясцовае жыццё. Тады яны зноў «зажывуць», бо само слова «сінагога» азначае не храм, а перадусім супольнасць, грамаду.

Мсціслаў, Кармяліцкі касцёл
Унебаўзяцця Панны Марыі
Фота Wikimedia Commons

Гістарычны Мсціслаў

Гэты невялікі горад на самым усходзе Беларусі часам называюць «горадам на мяжы Еўропы». Магілёўская вобласць не вельмі асацыюецца з гістарычнымі гарадамі, аднак захаванасць спадчыны Мсціслава здольная здзівіць: два сярэднявечных гарадзішча, два касцёлы, дзве царквы, старая цагляная і выдатная драўляная забудова на шматлікіх пагорках і далінах ствараюць адчуванне гармоніі. Храналагічны абшар разнастайных мсціслаўскіх аб'ектаў ахоплівае перыяд з XII па XIX стагоддзе. Таксама ў горадзе месціцца музей, у якім можна пабачыць унікальную берасцяную грамату пачатку XII стагоддзя. І ўсё ж мы ўключылі Мсціслаў у дадзены спіс не за ягоную прыгажосць, а за тое, што менавіта гэты горад быў абраны для ўдзелу ў праграме Савета Еўропы COMUS, прысвечанай распрацоўцы стратэгіі развіцця гістарычных гарадоў, арыентаваных на інтэрэсы мясцовых супольнасцяў. Гэта была спроба разам з жыхарамі вызначыць, якім быць гораду. І гэта вельмі добрая практыка, якую трэба было б распаўсюдзіць на іншыя гістарычныя гарады Беларусі, безадносна ўдзелу Еўрасаюза.

Раса Чепайтене

доктор гуманитарных наук, историк культуры, старший научный сотрудник Института Истории Литвы, профессор ЕГУ. Автор или соавтор 8 научных трудов, опубликовала более 100 статей в литовской и зарубежной академической прессе. Специализируется в исследованиях теоретических положений heritage studies и memory studies.

Изменения мемориальной культуры Европейский фактор в исторической политике стран Западной и Центрально-Восточной Европы

Раса Чепайтене

Changes in Memorial Culture The European Factor in the Historical Politics of Western and Central-Eastern European Countries

The article of EHU Professor Dr. Rasa Čepaitene debates historical and memorial politics of Western and Central-Eastern European countries, new members of the European Union since 2004. The author tries to be frank and objective, highlighting the circumstances of the formation and pointing out the shortcomings and internal problems of both different approaches to public history. Dr. Čepaitene draws a rather pessimistic conclusion about impossibility to harmonize them in a modern world. However, it is extremely important to save academic freedoms and possibilities for intellectual exchange.

События 1989–1991 годов – падение Берлинской стены, развал Советского Союза и окончание Холодной войны – стали основой не только для нового геополитического раздела мира, но и для появления в государствах Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) совершенно новой исторической политики (точнее сказать, политик). Главным обоснованием права на независимость стран бывшего «соцлагеря» стали идеи возвращения к национальным истокам, включая открытие запрещенной, скрываемой или искажаемой до того памяти об оккупациях, репрессиях и других преступлениях, совершенных государством против своих же граждан.

Первое десятилетие независимости ознаменовалось в регионе системными попытками избавления от остатков советского символического ландшафта и создания новых, написанных профессиональными историками, версий национальной истории. Параллельно происходило формирование собственной исторической политики. Первоначально радикальная переоценка советского прошлого и запуск юридических и административных механизмов декоммунизации в

странах ЦВЕ рассматривались как возвращение к «нормальному» состоянию развития и как верное средство от рецидивов тоталитаризма. Этот подход активно продвигался как местными элитами, стремящимися побыстрее вступить в ЕС и НАТО, так и самими европейскими институтами. Переписывая свою историю не только в ключе национальной перспективы, но и под нужды европеизации, центрально-восточные европейцы представляли себя как сообщества, исторически и культурно ориентированные на Западную цивилизацию и либеральную демократию, осуществлению которой препятствовали внешние завоеватели, особенно авторитарная Россия, стремящаяся заставить эти народы выбрать тупик исторического пути.

Противоречия между западной и центрально-восточной моделями исторической политики

В 2004 году во время расширения ЕС на Восток десять бывших постсоциалистических и постсоветских государств посчитали своим долгом попытаться разъяснить «старожилам» Евросоюза особенности своего исторического опыта, до того мало известного жителям Западной Европы. Этот опыт был в первую очередь связан со страданиями и потерями, полученными во время долгосрочной зависимости от Москвы. Таким образом, наследие коммунистических времен стало активно использоваться на международном уровне не только для обоснования права на «возвращение в Европу», но и для объяснения «проблем с развитием», а также для консолидации ЕС в борьбе с российским неоимпериализмом.

Между тем продолжающаяся до сих пор борьба с физическими и ментальными остатками эпохи коммунизма внутри самих стран ЦВЕ связана и с решением насущных внутриполитических проблем. Эта борьба активно используется в межпартийной конкуренции,

особенно при дискредитации политических оппонентов путем обвинения их в сотрудничестве с советскими спецслужбами. Разговорами о необходимости преодоления «советского наследия» отвлекают внимание граждан от коррупционных скандалов и социально-экономических последствий сложного перехода от советской к неолиберальной политико-экономической системе.

Резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) от 27 июня 1996 года стала фактически основой для программы декоммунизации нового региона ЕС, в рамках которой были разработаны рекомендации по проведению люстрации, реституции, реабилитации жертв советских репрессий, открытию архивов репрессивных органов и пр. [1]. Однако усилия интеллектуалов и политиков ЦВЕ по привлечению внимания представителей Западной Европы к теме массовых преступлений и социополитических последствий коммунистического режима быстро столкнулись с утвердившейся на Западе моделью исторической политики, опиравшейся на опыт преодоления последствий нацистской диктатуры.

Данная модель сформировалась в ФРГ, где в 1980-х годах были заложены основы для повсеместного внедрения нескольких идеологических постулатов, ставших неоспоримыми и потому распространенными на европейском и глобальном уровнях [2]. Первый из этих постулатов состоит в том, что Холокост является уникальным событием в истории человечества, по своему масштабу и трагичности не сравнимым ни с каким другим случаем этнических чисток или геноцидов прошлого. Согласно второму национал-социалистический период настолько негативно сказался на массовом сознании немцев, что его необходимо переформировать с основ, приняв концепцию постнационализма и того, что известный философ Ю. Хабермас назвал «конституционным патриотизмом». Он призывал отказаться от этнических категорий, от поддержки любого

проявления национализма, прямо отождествляемого с нацизмом, и опираться на универсальные ценности свободы и демократии.

Таким образом, немецкая модель исторической политики, трактующая преступления нацизма как «абсолютное зло», ставила ценностный акцент на моральном императиве «никогда больше» и на поддержании мира [3, 1]. В начале XXI века эта транснациональная модель памяти распространилась и стала доминировать даже в странах, которые, как США, не были непосредственно связаны с Холокостом.

В 1996 году президент ФРГ Р. Херцог предложил сделать 27 января (день, когда Красная Армия освободила Аушвиц) Днем памяти жертв Холокоста. В том же году он был признан ООН и с тех пор отмечается на международном уровне. В итоге День стал общеевропейской датой памяти, которую вступающие в ЕС страны обязались начиная с 2005 года включить в собственные списки памятных дней.

Образ Холокоста как основы общеевропейской памяти и величайшей трагедии в истории человечества, а также как самой ужасной коллективной жертвы и травмы, закрепленный в международных договорах, мемориальных законах, мемориалах и памятниках, образовательных программах и т. д., приобрел черты неприкосновенного канонизированного нарратива, любые сомнения в постулатах которого должны строго пресекаться, а их авторы наказываться.

Похожая канонизация Победы в Великой Отечественной Войне сложилась в СССР с брежневских времен и была унаследована Россией вместе с некоторыми другими постсоветскими странами. Это событие при В. Путине приобрело статус настоящего культа и легло в основу российской исторической политики.

Можно заметить, что, несмотря на некоторые семантические и коммеморативные различия, современные исторические поли-

тики ЕС и Российской Федерации имеют удивительно много общего. Они разделяют не только трактовку нацизма/фашизма как величайшего зла человечества (тем самым обходя вопрос о преступлениях сталинизма) [4], но и склонность к эмоциональному использованию риторических фигур «высшей степени» – суперлативов. Это позволяет нам говорить о суперлативной исторической политике, исключающей другие возможные перспективы видения прошлого. Тем временем криминальная суть сталинского тоталитаризма – политические преследования, ГУЛАГ, депортации и т. п. – не признаны и не осуждены современным российским государством на официальном уровне как преступные. В лучшем случае отношение к ним остается противоречивым.

Процесс внедрения модели, впоследствии названной космополитической, прежде всего в Германии, а затем и на общеевропейском и глобальном уровнях, неизбежно привел к противоречиям. Сближение западноевропейской и центрально-восточной моделей исторической политики в контексте евроинтеграции отнюдь не было гладким и легким. Объединение Европы, начало которого относится к 1950 году, воспринималось политическими и академическими элитами стран Западной Европы не только как распространение экономических благ и демократических свобод, но и в качестве лекарства от пагубных рецидивов немецкого (а впоследствии и любого другого) национализма. Это, как и склонность замалчивать преступления коммунизма, конечно, было непонятным и неприемлемым для представителей ЦВЕ, именно благодаря возрождению национальной идентичности приблизивших крах советского правления, во время которого национализм тоже считался проявлением нежелательной и враждебной идеологии и строго пресекался. Поэтому они прилагали особые усилия для исправления положения дел в структурах ЕС.

В некоторых случаях им это удалось. Например, резолюция ПАСЕ № 1481, принятая в 2006 году, констатировала, что, к сожалению, «не все случаи краха тоталитарных коммунистических режимов в Центральной и Восточной Европе сопровождались международным расследованием совершенных ими преступлений. Более того, авторы этих преступлений не были осуждены международным сообществом, как это было в случае с ужасными преступлениями национал-социализма (нацизма). Таким образом, понимание ответственности преступлений, совершенных тоталитарными коммунистическими режимами, осталось низким. В некоторых странах коммунистические партии действуют легально, даже если они и не дистанцировались от преступлений, совершенных в прошлом их предшественниками. Ассамблея убеждена, что знание истории является одним из предварительных условий для предотвращения подобных преступлений в будущем» [5]. В резолюции предусматривалось создание «международных организаций» для выявления, исследования и осуждения преступлений. Что еще более важно, она впервые на таком высоком уровне приравнивала нацистские и коммунистические преступления против человечества (это сравнение одной из первых было осуществлено Ханной Арендт в известной работе Истоки тоталитаризма).

Можно предположить, что попытки отождествления преступлений двух тоталитарных диктатур XX века, существовавших на европейском континенте, были основаны на стремлении к более успешной интеграции западной и восточной частей Европы. Предполагалось, что коллективные травмы центрально-восточных европейцев, пережитые во время коммунистического правления, должны быть признаны на общеевропейском уровне и стать частью ее истории. Но в то же время Западная Европа, считая свою модель исторической политики универсальной и верной, стремилась внедрить ее в национальные

нарративы стран ЦВЕ. Таким образом, предусматривалась радикальная трансформация существующей в посткоммунистическом регионе идентичности, основанной на национальных идеях.

Последние делали акцент на национальных потерях, страданиях и жертвах как нацистской, так и советской оккупаций, а также на роли антисоветского сопротивления, национальных героев – борцов за свободу. Особенно этот сюжет был актуален для стран Балтии и Украины, имеющих долгий период антисоветского сопротивления и ярко выраженную память о нем как об интегральной части национальных больших нарративов. Поэтому неслучайно, что в ходе дебатов о принятии общеевропейского закона, криминализирующего отрицание или тривиализацию еврейского геноцида и нацистских преступлений против человечности, состоявшихся в 2007 году в Европейском парламенте, представители стран Балтии предложили включить в него и пункт об аналогичной криминализации отрицания преступлений коммунистических режимов. Но это предложение не получило широкой поддержки [6, 231].

Попытки официального приравнивания нацистского и коммунистического режимов

В 2008 году около 40 политиков, общественных деятелей, исследователей истории и юристов, в основном из стран ЦВЕ, подготовили коллективный текст под названием «Преступления, совершенные тоталитарными режимами» [7], ставший основой для попыток дальнейшего выравнивания оценки двух тоталитарных систем. Он помог и в подготовке текста Пражской декларации о европейской совести и коммунизме 2008 года [8], в котором обращалось внимание на то, что Европа до сих пор слишком мало знает о преступлениях, совершенных коммунистическими режимами, не понимает их масштаб и последствия, что в итоге стано-

вится причиной определенных недоразумений и искажений в европейской политике памяти. Подписанты Пражской декларации требовали достичь общеевропейского соглашения, согласно которому нацистский и коммунистический тоталитарные режимы должны оцениваться одинаково негативно, а совершенные ими истребления невинных жителей и депортации целых народов и групп населения следует трактовать как преступления против человечности.

Пожалуй, самым важным достижением Пражской декларации стало то, что на ее основе на саммите премьер-министров Вышеградской группы в 2011 году в Праге ради «поддержки сотрудничества между национальными научно-исследовательскими институтами, специализирующимися в исследованиях истории тоталитаризма» была создана Европейская платформа памяти и совести. На середину 2021 года Платформа представляет собой сеть из 68 государственных и неправительственных организаций (63 члена и 5 кандидатов) из 23-х европейских и североамериканских стран.

Организация занимается в основном образовательной деятельностью, а также пытается создать международный судебный орган, специализирующийся на выявлении коммунистических преступлений и преследовании их исполнителей. Однако эти усилия пока не увенчались успехом. Тем временем, некоторые положения Декларации и Платформы, особенно приравнивающие коммунистические преступления к нацистским, вызвали возмущение и протест как со стороны России, так и в среде влиятельных еврейских организаций. Последние обвинили авторов Декларации в содействии идее «двойного геноцида» [9]. Например, представители Центра Симона Визенталя восприняли предложенную на общеевропейском уровне в качестве Дня памяти жертв коммунистических режимов дату подписания договора Молотова-Риббентропа 23 августа как попытку замены Дня памяти жертв Холокоста. После обвинений в зату-

шевывании Холокоста и поддержке теории «двойного геноцида» [10] Музей жертв геноцида в Вильнюсе в 2018 году вынужден был поменять название на Музей оккупации и борьбы за свободу (в экспозиции под «геноцидом» имелись в виду сталинские репрессии против жителей Литвы, что часто вводило в заблуждение его посетителей из других стран).

Таким образом, из-за массивного сопротивления программа уравнивания нацистских и советских преступлений приостановилась. Она перешла в ритуальные празднования памятных дат, международные политические и академические мероприятия, подписание новых деклараций, которые, к сожалению, мало способствуют практическим действиям. Тем не менее, деятельность Платформы можно рассматривать положительно. Ее появление узаконило саму идею приравнивания коммунизма к нацизму на уровне ЕС и позволило странам ЦВЕ представлять себя «двойными» жертвами тоталитарных режимов, на основании чего можно объяснить их социально-экономическую отсталость и трудности в евроинтеграции.

Такое амбивалентное положение привело к накоплению обид вследствие непризнания специфики опыта обществ ЦВЕ и к жалобам на использование двойных стандартов в разной интерпретации и оценке событий, связанных с памятью Второй мировой войны. Западные державы сначала оставили страны ЦВЕ на произвол Гитлеру, а затем Сталину, так и не признав в этом своей вины. Но теперь они охотно берутся за роль праведников и учат «правильному восприятию истории», игнорируя тем самым особенности наследия и ментальности посткоммунистических стран. Это особо заметно в попытках, опираясь на западные стандарты, обвинять эти страны или некоторых их политических деятелей в сотрудничестве с нацистами, т. е. в совершении прямых или косвенных геноцидальных преступлений против местного еврейского

Инсталляция «Пляж», появившаяся на Лукишской площади в Вильнюсе летом 2020 года
 Фото Ernesta Čičiurkaitė

населения, даже не имея на то четких обоснований. Наверное, самый известный пример – так называемые «польские концлагеря», термин, который стал активно использоваться как влиятельными еврейскими деятелями из Израиля и США, так и немецкими организациями или публичными интеллектуалами, заинтересованными в том, чтобы разделить коллективную вину. Это даже заставило официальную Варшаву ужесточить свои правовые нормы по отношению к такого рода интерпретации событий Второй мировой войны.

В то же время путинской пропагандой активно создается гнусный образ «бандеровцев-фашистов» как в отношении антисоветских борцов из ОУН-УПА, так и защитников Украины от российской агрессии в Донбассе. Параллельно ему возродились известные еще с советских времен пропагандистские клише о «прибалтийских фашистах» – пособниках гитлеровцев, о которых Россия часто напоминает в контексте отрицания факта оккупации стран Балтии, пытаясь очернить их репутацию в ЕС как якобы «профашистских», защищающих своих преступников, государств.

Примеры конфликтов в Литве

Хотя подобные случаи обвинений бывали и раньше, последовательное усиление этой тенденции в Литве стало заметнее с 2016 года, когда возникла дискуссия вокруг книги Руты Ванагайте Наши. После ее публичных заявлений о том, что один из основных вождей антисоветского подполья Адольфас Раманаускас-Ванагас, зверски замученный НКВД, якобы причастен к Холокосту, а также был завербован советскими спецслужбами (что вызвало бурную общественную реакцию), участились обвинения не только против самого Литовского государства, но и против некоторых политических деятелей – организаторов Июньского восстания 1941 года, а также известных представителей

антисоветского подполья. Эти обвинения, часто завуалированные под «вопросы» или «сомнения», предъявляются разными еврейскими организациями из Литвы, Израиля или США и часто подхватываются не только российским режимом, но и либеральной антипутинской интеллигенцией и некоторыми литовскими либеральными политиками и публичными интеллектуалами, такими как поэт Томас Венцлова или драматург Марюс Ивашкявичюс.

Волна обвинений, в основном оперативно опровергаемых историками, являющимися специалистами в данном вопросе, особо усилилась в 2018 году, объявленном литовским парламентом годом А. Раманаускаса-Ванагаса. В том же году были найдены и с государственными почестями перезахоронены его останки. Археологам и историкам из Центра исследования геноцида и резистенции жителей Литвы (ЦИГРЖЛ) удалось найти и другие могилы борцов сопротивления, публичные похороны которых не могли не вызвать недовольство со стороны России.

Самым громким случаем кампании по дискредитации национальных героев можно назвать историю с манипуляциями вокруг мемориальной доски на здании Библиотеки Академии Наук в Вильнюсе, открытой в 1996 году в честь офицера межвоенной литовской армии Йонаса Норейки (в антисоветском подполье носившем конспиративное имя Generolas Vėtra / Генерал Шторм) [11]. Он являлся членом как антинацистского (за что был арестован и отправлен в концлагерь Штутхоф), так и антисоветского вооруженного подполья (из-за чего был расстрелян в 1947 году). Ему предъявляются обвинения в организации нескольких гетто, поскольку в начале войны Временным правительством повстанцев, стремящимся воссоздать независимую Литовскую Республику, он был назначен на должность начальника Шяуляйского административного округа, в скором времени перешедшего под контроль немцев.

Мнение профессиональных историков и общественности в этом вопросе разделилось. Одни даже считают Норейку откровенным нацистом, помимо оказания помощи в основании гетто якобы собственноручно совершавшим экзекуции над еврейскими детьми. Другие находят доказательства того, что он, наоборот, был организатором подпольной сети по спасению евреев, а служба немцам была его прикрытием.

В эти историографические споры вмешались и политики, в частности, мэр Вильнюса, тайным приказом которого мемориальная доска была снята ночью в начале 2019 года. Это действие вызвало волну возмущения со стороны патриотически настроенных граждан, среди которых были и организации ветеранов антисоветского подполья, и известные диссиденты. Был проведен целый ряд акций протеста. В итоге на место снятой появилась новая доска.

Опыт литовских «культурных войн» последнего времени показывает, что публичные дебаты часто сопровождаются манипуляция-

ми общественным мнением и даже откровенной ложью, а принимающие в них участие общественные деятели в своей аргументации не стесняются опираться на анахронизмы и применять двойные стандарты, игнорируя или своеобразно интерпретируя одни исторические факты и заостря важность других. Оказалось, что расширяя поле ответственности за Холокост (в отношении не только лиц, участвовавших в убийствах, но и людей, имевших косвенные отношения к этим событиям), обвинители тем самым избегают вопроса об аналогичной ответственности советских репрессивных структур и их сотрудников. Таким образом, эти дискуссии показали, что космополитическая и националистическая модели исторической политики, по крайней мере в Литве, имеют взаимоисключающие цели и опираются на разные трактовки прошлого, что подпитывает ценностный конфликт и очень затрудняет поиск общественного консенсуса.

Заключение

В заключение можно отметить, что нынешняя историческая политика ЕС отличается двумя основными особенностями. Речь идет о повороте в сторону криминализации и виктимизации прошлого, т. е. о восприятии истории как цепочки преступлений и страданий, и о желании сообществ отождествлять себя с жертвами. Такое отношение связано с общеевропейской политикой коммеморации памяти Холокоста, практики которой часто заимствуются и приспосабливаются для увековечивания иных трагических событий – ГУЛАГа, других геноцидов и пр. Эти практики и заимствования создают важную матрицу современного восприятия прошлого – склонность к его трактовке и регламентации через призму юридических процедур или затвердевших и несменяемых интерпретаций, посредством которых накладывается запрет на распространение нежелательных идей, символов и политических движений. Нюрнбергский процесс, в ходе которого Международным военным трибуналом нацизм был признан и осужден в качестве преступной античеловеческой идеологии, приведшей к чрезвычайно серьезным преступлениям против человечности, стал поворотным моментом криминализации исторической политики [12].

Тем временем, опыт оккупаций и репрессий XX века сделал страны ЦВЕ чрезвычайно чувствительными к вопросу коллективной безопасности и сохранения национальной идентичности в контексте нивелирующей глобализации. Этому способствуют исторические большие нарративы, рассказывающие не только о жертвах, но и о героях – борцах за свободу. Поэтому принимаемые в этих странах мемориальные законы служат не только способом восстановления исторической справедливости, но и стратегическим элементом укрепления государственности и социальной стабильности. В начале XXI века этот фактор остается актуальным и даже усиливается, поскольку государства региона считают угрозой потери независимости актуальной.

Подобные страхи особенно характерны для стран Балтии и Украины. В Латвии и Литве принят ряд законов, осуждающих тоталитаризм и его пособников, запрещающих символику обоих тоталитарных режимов и криминализирующих отрицание совершенных ими преступлений. Похожим образом Украина, реагируя на повышение уровня агрессии со стороны России, приняла в 2015 году корпус антикоммунистических законов, что стало частью программы комплексной деккоммунизации страны.

Всем этим общественные дискуссии и юридические основания исторической политики стран ЦВЕ отличаются от аналогичных мемориальных законов и публичных дебатов старожилов ЕС, стремящихся прежде всего подчеркнуть вину и ответственность самих западных сообществ перед другими, когда-то ими захваченными и безжалостно эксплуатированными народами или социальными группами (это не только преступность Холокоста, но и моральное пятно колониализма, расизма, сексизма и гомофобии), что не всегда понятно и актуально для центрально-восточных европейцев.

Хотя некоторое время казалось, что модель политики восточных европейцев, ориентированная на страдания и борьбу своего народа и экзистенциальные угрозы, пережитые во время коммунистического режима, возобладает над западноевропейской моделью, ориентированной на признание собственной вины и коллективное покаяние, так не случилось. Усилия депутатов Европейского парламента из стран ЦВЕ добиться общеевропейского запрета на коммунистическую символику по аналогии с нацистской были отвергнуты дважды, в 2005 и в 2013 годах. Попытка принять Положение о наказаниях за отрицание или тривиализацию коммунистических преступлений также провалилась.

Таким образом, кратко представленные выше космополитические тенденции в сфере политики прошлого все сильнее распространяются на весь Европейский Союз. Но эта ситуация вызывает и ответную реакцию – поиск

«собственных» геноцидов (Украина, Казахстан) и «конкуренцию жертв».

Данные наднациональные тенденции политики прошлого вызывают вопросы и сомнения и другого порядка. Политики критикуют возрастающие ограничения свободы слова. Профессиональные историки опасаются, что склонность к юридическому урегулированию вопросов истории приведет к запрету на определенные исследовательские темы или интерпретации. Публичные интеллектуалы беспокоятся о растущей тенденции ретроспективной морализации истории. Укрепляется чувство раздражения по поводу того, что виктимизация и криминализация истории зашли слишком далеко.

Выявление пласта памяти пострадавших, обездоленных и униженных групп прошлого в европейском сообществе изначально сыграло положительную роль, но сейчас оно становится инструментом разного рода политических или идеологических манипуляций, массовой пропаганды, а также претекстом для ограничений свободы слова и даже введения цензуры. Другими словами, происходит инструментализация прошлого. Такое положение вещей повышает риск оставить в стороне универсальные ценности свободы и демократии, на которых и строилась Европейская цивилизация, уже не говоря о последствиях ограничений свободных академических исследований прошлого.

Использованная литература

- [1] Measures to dismantle the heritage of former communist totalitarian systems. Council of Europe Parliamentary Assembly Resolution No. 1096 (1996) // <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=16507> (12.10.2021).
- [2] Бергер Ш., Историческая политика и национал-социалистическое прошлое Германии 1949–1982 гг. // Историческая политика в XXI веке (ред. А. Миллер и М. Липман). Москва: НЛО, 2012. С. 33–60.
- [3] Assmann A., Shortt L. (eds.) *Memory and Political Change*. Palgrave Macmillan, 2012. 223 p.
- [4] Kuposov N. *Defending Stalinism by means of criminal law: Russia, 1995–2014* // *Law and memory: Towards legal governance of history* (ed. Belavusau U., Gliszczynska-Grabias A.). Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 293–309.
- [5] Need for international condemnation of crimes of totalitarian communist regimes. Council of Europe Parliamentary Assembly Resolution No. 1481 (2006) // <https://pace.coe.int/en/files/17403/html> (12.10.2021).
- [6] Rees A. *Managing the History of the Past in the Former Communist States* // *A European Memory? Contested Histories and Politics of Remembrance* (ed. Pakier M., Strath V.). Berghahn Books, 2010. P. 219–232.
- [7] *Crimes Committed by Totalitarian Regimes. Reports and Proceedings of the 8 April European Public Hearing organized by the Slovenian Presidency of the Council of the European Union (January-June 2008) and the European Commission* (ed. by P. Jambrek). Ljubljana, 2008. 316 p.
- [8] *Prague Declaration on European Conscience and Communism (2008)* // <https://www.praguedeclaration.eu/> (12.10.2021).
- [9] Cooper A. *Dropping International Holocaust Memorial Day Would Be World's Final Insult To Survivors; Would Spur New Wave of Anti-Semitism* // Simon Wiesenthal Center, <https://www.wiesenthal.com/about/news/dropping-international.html> (12.10.2021).
- [10] Nordland R. *Where the Genocide Museum Is (Mostly) Mum on the Fate of Jews* // *New-York Times*, <https://www.nytimes.com/2018/03/30/world/europe/lithuania-genocide-museum-jews.html> (12.10.2021).
- [11] Čepaitienė R., Škirpos K. J. *Noreikos „byla“ kultūrinį karų kontekste* // Dalius Stancikas, Kūju per Lietuvos istoriją. Vilnius: Valstybingumo studijų centras, 2020. P. 10–39.
- [12] Kuposov N. *Memory laws, memory wars: The politics of the past in Europe and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 321 p.

Илья Сульжицкий

кандидат социологических наук, исследователь в университете Грайфсвальда (Германия), исследователь в Европейском гуманитарном университете (Литва). Научные интересы: memory studies, Holocaust studies, культурсоциология, компьютерные социальные науки, теоретическая социология.

Фото Mariusz Michalik

Категории «темный туризм» и «танатотуризм» в современных исследованиях культурного наследия

Илья Сульжицкий

Categories of «Dark Tourism» and «Thanatotourism» in contemporary heritage studies

The article of the researcher of EHU Centrum for Belarusian and Regional Studies Ilya Sulzhickiy is devoted to explanation theories and research methodologies for «Dark tourism» notion. This notion, surrounded with lots of academic and practical approaches, is still underexamined and thus opens new perspectives for critical heritage studies. Another important aspect of the paper – problematization of a dominating European perspective on «Dark Tourism» and «thanatopsis» as cultural phenomena. The author calls for widening of research perspectives and using the methods of cultural anthropology and sociology for further studies.

Несмотря на то, что по замечанию Филипа Стоуна и Ричарда Шарпли, «людей издавна тянуло ... к местам, достопримечательностям или событиям, так или иначе связанным со смертью, страданием, насилием или катастрофой» [11], в XX веке эта тяга стала особенно заметной. Войны, геноцид, политические убийства, репрессии, концентрационные лагеря, случаи массовой насильственной гибели людей – все это значительно расширило «репертуар» предложений, удовлетворяющих столь необычные туристические запросы. Одна только Вторая мировая война оставила после себя память, не столько воспевающую военные подвиги, сколько предостерегающую от повторения истории: концентрационные лагеря и лагеря смерти, гетто, уничтоженные деревни и города. При этом появление большого количества «темных» мест и рост их популярности приводит к известному противоречию: объекты, создававшиеся с образовательными, воспитательными и коммеморативными целями все чаще становятся местами развлечения и коммерциализации.

Возможно, такое наследие как Аушвиц или Кигали не просто позволяет человеку взглянуть на темную сторону истории, но и преподносит очищенный, дистанцированный и, в каком-то смысле, комфортный опыт жизни и смерти в моменты исторических катастроф. Это помогает человеку вернуть чувство безопасности и убедиться в «нормальности» его собственной жизни.

Чтобы разобраться в такой трудной и неоднозначной теме, исследователи создают множество категорий, наиболее известными из которых стали «танатотуризм» и «темный туризм». Появление последних, помимо прочего, связано с необычным фокусом туристической активности, которая превращает репрезентацию и проживание ситуаций, связанных с массовым насилием и гибелью людей, в элемент досуга. При том, что количество публикаций на тему темного туризма продолжает расти [8], сам термин не получил однозначного определения, и о нем говорят как о «теоретически хрупком» [11].

В данной статье я намерен кратко обозначить различия между категориями «темный туризм» и «танатотуризм» и продемонстрировать сложности, с которыми могут столкнуться Heritage studies при работе в этой теоретической рамке.

Танатоопсис и танатотуризм

Впервые категория «темный туризм» была использована в 1996 году на страницах журнала INTERNATIONAL JOURNAL OF HERITAGE STUDIES. Идеи, высказанные Тони Ситоном, Джонном Ленноном и Малкольмом Фоули, до сих пор вдохновляют исследователей темного туризма по всему миру. При этом авторы не только заложили основания для дальнейшего изучения «темных» мест, но и предложили изначально отличающиеся друг от друга теоретические подходы, вокруг которых до сих пор ведутся дебаты. В то время, как Леннон и Фоули [5]

делали акцент на современных местах темного туризма и связывали этот феномен с наступлением постмодерна (с его тягой к зрелищности, развлечениям и перформативности), Ситон [9] пытался понять более универсальные мотивы и практики посещения «темных мест», характерные для европейской культуры. Вместо того чтобы говорить о темном туризме (термине достаточно размытом и неоднозначном), Ситон сосредоточился на предложенной им категории «танатоопсис». Согласно Ситону, танатоопсис – это феномен созерцания смерти, а также стимулы, побуждающие к этому. Более широкая трактовка связана не только с мотивами и поведением, но и с культурой. Танатоопсис объединяет все способы репрезентации смерти в конкретном сообществе: символы, ритуалы и материальные объекты, посредством которых индивиду передается идея смерти [9, 235].¹

Ситон утверждает, что танатоопсис уходит корнями в культуру средневековой Европы [9, 235–237]. По его мнению, один из ярких примеров танатоопсиса – это Макабр или Пляска смерти. Макабр является известным сюжетом в литературе и искусстве, получившим распространение в Европе X–XI веков. В центре сюжета находится Смерть, уводящая за собой людей вне зависимости от их возраста, социального статуса, пола или вероисповедания. Частые случаи массового голода, эпидемий, войн в совокупности с танатологическими и эсхатологическими воззрениями христианского вероучения заложили прочную основу для того, чтобы смерть стала неотъемлемой частью средневековой культуры.²

По замечанию Ситона, репрезентация смерти (часто насильственной и мучительной) стала важным элементом политического и религиозного дискурса средневековой Европы.³ Церковь использовала репрезентацию смерти и пыток как иллюстрацию наказаний за грехи или участия в ереси. Политики также прибегали к подобным методам. Система публичного наказания в средневековой

1 Ситон определяет «идею смерти» достаточно широко – это и идея собственной смерти, и смерти других, нормированной и ненормированной (вызывающей страх, отвращение или панику).

2 В период Позднего Средневековья идея смерти трансформируется: смерть становится не только неизбежной, но и мрачно-беспощадной. Этому опять же способствовали мор, голод, частые войны и религиозные гонения.

3 В качестве примера Ситон упоминает Книгу мучеников Фокса, в которой излагается история гонений на христиан и возникновения протестантизма. В книге подробно описывались пытки и смерть протестантских святых, что также рассматривается как пример танатоопсиса.

4 Нечистое – это оборотная сторона сакрального, связанная с его двойственностью. Является фундаментальным свойством культуры. Нечистое представляет собой гипостазированный и выраженный в символах коллективный опыт разрушения социального и символического порядка, обозначающийся в культуре как «зло»; несанкционированное нарушение границ между обыденным миром (индивидуальным) и миром священным (коллективным).

5 Согласно верованиям жителей острова Калимантан, человек должен быть похоронен два раза: в первом случае труп временно оставляют в специальном месте до тех пор, пока душа не отделится от тела. Только потом наступают «вторые» похороны.

6 Ситон ссылается на знаменитое эссе Томаса де Квинси «Убийство как одно из изящных искусств» в качестве образца, иллюстрирующего изменения представлений о смерти в эпоху романтизма. В центре внимания эссе уже не абсолютная смерть, нуждающаяся в ритуальном приручении, а соблазняющая и запретная светская смерть, убийство. С этим Ситон связывает важный сдвиг европейской культуры от ритуального обращения со смертью к потреблению смерти.

7 Согласно Ситону, Ватерлоо и Помпеи становятся одним из первых наиболее популярных мест темного туризма.

Европе служила своеобразной практикой танатоопсиса. Такие «мероприятия» собирали много зрителей, а способ наказания выполнял глубокую символическую и социальную функцию, отделяя знать от черни, преступников от еретиков [4].

Предполагая, что танатоопсис – явление преимущественно европейское, Ситон сохраняет академическую скромность. Ритуалы и сюжеты, такие или иначе связанные с созерцанием смерти, распространены в множестве культур. Классик социологии Эмиль Дюркгейм [3], изучая материалы о жизни австралийских аборигенов, пришел к выводу, что ориентированные на умирание ритуальные практики предоставляют собой частный случай целого класса действий по отношению к «нечистому»⁴. Об идеях смерти и души как необходимом элементе культуры писали классики антропологии Джеймс Фрейзер, Эдуард Тайлор, Арнольд ван Геннеп, Бронислав Малиновский, Альфред Радклифф-Браун и другие.

Существует даже «антропология смерти», создателем которой считается Роберт Герц. Согласно Герцу, ритуалы, связанные с погребением, являются неотъемлемой и важной частью культуры любого общества [2]. В то время как средневековая «Пляска смерти» остается скорее аллегорией, существуют ритуалы, в которых живые напрямую взаимодействуют с мертвыми. Такие обряды сохранились у народов Азии, Тихоокеанского региона, Африки, Северной и Южной Америки. К примеру, описанный Герцем обряд двойных похорон жителей острова Калимантан является любопытным воплощением идеи о границе между биологической и социальной смертью.⁵ Примечательно, что во время проведения ритуала разлагающийся труп намеренно выставляется на всеобщее обозрение чтобы «зафиксировать» момент перехода души. Другой яркий пример – обряд «Фамадихана» на острове Мадагаскар. Во время него мертвеца периодически достают из места за-

хоронения и всячески с ним взаимодействуют: разговаривают, танцуют (вот где настоящий Макабр!), и даже пьют.

Таким образом, танатоопсис в виде ритуальных практик созерцания и передачи идеи смерти не является исключительно европейским «изобретением», а присутствует во многих культурах и по сей день. Подобные обряды, по-видимому, служат социальной регламентации и «приручению» процесса умирания как такового. Как замечает Герц, смерть – это то немногое, что не находится во власти человека или общества. Наличие сложных и публичных похоронных церемоний – не только забота о своих ушедших членах, но и попытка вернуть контроль, санкционировать умирание постфактум.

Если поиск истоков танатоопсиса именно в европейской культуре все же подвергается серьезной критике со стороны (как минимум) богатой на примеры антропологии, то замечания Ситона относительно дальнейшего развития этого феномена заслуживают более пристального внимания. Во время изучения танатоопсиса эпохи Романтизма [9, 237–239] Ситон замечает переход от религиозной регламентации смерти в сторону частных развлечений.⁶ Уже в XVIII веке формируется запрос на острые переживания, связанные со смертью, ужасом, болезнью, мистикой и нечистым. Это коснулось и туризма. Как пишет Ситон, «в 1770–1830 годах в Европе широко развивались путешествия, включавшие танатооптические элементы» [9, 239]. Популярность посещения мест смерти известных людей, мест сражений, тюрем, исправительных домов, катакомб и мест казни стала расти.⁷

Таким образом, в основе танатоопсиса периода Романтизма лежит уже не аскетическое принятие неотвратимости смерти, а скорее влечение к сверхинтенсивным личным переживаниям. Эти изменения происходят на фоне развития науки и капитализма, разрушающих сформированную в средние века христианскую картину мира с ее особым

Туристы в нацистском
концентрационном лагере
Кадр из фильма Сергея Лозницы
«Аустерлиц» (2016)

отношением к смерти. Танатоопсис приобретает форму *танатотуризма* – светского созерцания смерти в развлекательных целях. Громкие места страдания и гибели людей становятся точкой притяжения для широкой публики.

В конечном счете Ситон предлагает рассматривать «темный туризм» как танатотуризм, а последний как разновидность танатоопсиса [9, 240–242]. Для Ситона танатотуризм в меньшей степени связан с характеристиками самого места. Это поведенческая категория, в основе которой лежит мотивация «созерцать смерть». Формы танатотуризма расположены между двух противоположностей. На одном полюсе находится чистое желание созерцать смерть, причем путешественник не знает умерших лично. На втором полюсе – эмпатическое созерцание смерти, когда умершие имели особую значимость.

Недоработка Ситона – смешение разнородных «темных» мест на основе танатооптических мотивов без внимания к различиям между потребительским танатотуризмом и более «духовным» опытом, в котором доминируют сложные мотивы: память, вера, эмпатия, катарсис и образование (при этом посетители могут не знать умерших лично). В его теории посещение Колизея, мест преступлений Джека-потрошителя и Аушвиц-Биркенау классифицируется одинаково [9, 241], что вызвало в дальнейшем серьезную критику.

Темный туризм и его современные интерпретации

Другая точка зрения на темный туризм, предложенная Ленноном и Фоули, акцентирует внимание на местах, связанных со смертью, а не на танатооптических мотивах. Такая широкая трактовка привела к росту популярности термина «темный туризм» в противовес «танатотуризму» [8]. «Темный туризм» стал объединяющим для любых видов туризма,

связанных со смертью, страданиями, трагедиями и т. д. В отличие от Ситона, Леннон и Фоули считают, что темный туризм – явление, получившее распространение во второй половине XX века [5, 199]. Темный туризм приобрел стремительную популярность на волне развития СМИ, мобильности и общества потребления, когда люди получили мгновенный доступ к информации о резонансных случаях смерти и возможность посетить само место происшествия. К сожалению, Леннон и Фоули мало уделили внимания вопросам мотивации, ожиданий и опыта посетителей.

Позже другие авторы при участии Леннона, Фоули и Ситона расширяют категорию «темный туризм», например его временные рамки: темный туризм связывается не только с современностью, но и с другими периодами, как и указывал Ситон. Этот шаг спровоцировал еще большие дебаты: если в первоначальной версии Ситона танатотуризм достаточно четко обозначался как стремление некоторых путешественников «созерцать смерть», то «темный туризм», казалось, способен вобрать вообще все.

Именно тут и возникают вопросы. Что считать темным туризмом и какие места могут быть обозначены как «темные»? Если «темный» туризм как-то связан с запретными, трансгрессивными и ненормальными увлечениями, что делать с такими местами, как Аушвиц или Граунд-Зиро? Если нет, тогда зачем использовать «темноту» в качестве необходимой характеристики?

На фоне указанных противоречий концепция темного туризма продолжала уточняться и переосмысливаться, в том числе эмпирическими исследованиями. Уже позже Леннон замечает, что «Память, история и ее проблематичная и контрастная репрезентация в центрах наследия и интерпретация «темных» мест является результатом сложного взаимодействия контрастных восприятий, идеологий и интересов» [7, 7]. При этом

некоторые ученые считают, что в основе темного туризма могут лежать различные мотивы, ожидания и опыт, вообще не связанные со смертью.

Сложность также в том, что «темные» места особой значимости, связанные с памятью, образованием и духовным опытом, становятся объектами массового потребления. Этот факт часто упускается из виду теми, кто скептически относится к термину темный туризм и предпочитает вести речь о более морально нагруженных категориях. Тем не менее, именно туристическая инфраструктура с сувенирами, кафе и удобными парковками делает эти места такими, какие они есть сегодня. Леннон прав: в том числе и благодаря туристам ведутся переговоры о возможных интерпретациях таких травматических событиях как Холокост.⁸ С другой стороны, коммерциализация, сопровождающая развитие туристической инфраструктуры в местах смерти и страданий людей, остается основным пунктом критики не только в академических кругах, но и среди рядовых посетителей.

Несмотря на имеющиеся трудности, теория темного туризма продолжает развиваться. Так, Стоун создал одну из наиболее известных и цитируемых типологий «поставщиков» темного туризма. Он рассуждает не о конкретных темных местах, а о «спектре темноты», связанном с различными туристическими предложениями. Эта классификация обозначается как «A Dark Tourism Spectrum», в которой присутствует 7 типов поставщиков темного туризма [12, 150–157].

Стоун полемизирует с тем, что темный туризм – это феномен исключительно потребительского спроса, не связанный с характеристиками конкретных мест. Имеет значение даже то, на каком расстоянии туристический объект находится по отношению к месту, где происходило реальное событие. Также важна временная связь между событием и его репрезентацией в настоящем. Для этого Стоун использует термин «хронологическая дистанция».⁹ Помимо хронологической дистанции существует и поведенческое измерение, позволяющее говорить о «степени темноты» – это персональный интерес и

8 К примеру, отзывы посетителей Аушвица затрагивают вопросы относительно Холокоста рома и синти, убийства в лагерях советских военнопленных, участие местного населения в Холокосте и т. д.

9 Термин предложен Ленноном и Фоули. Подробнее см. [6]

¹⁰ При том, что Стоун размещает лагерь смерти в самом темном крае «спектра», другие исследователи часто высказывают озабоченность постепенным превращением таких мест, как Аушвиц, в «парк развлечений». Примечательно, что такую же позицию занимают и некоторые туристы. По-видимому, статус даже таких мест, где концентрация тематики смерти и страдания является максимальной, начинает меняться по мере исчезновения свидетелей и перехода «живой» памяти в состояние пост-памяти, описанной Марианной Хирш.

¹¹ В одном из исследований было продемонстрировано, что мотивы туристов более разнообразны, и включают в себя популярность места, образовательный опыт, эмоциональное переживание, а также желание «оживить» и сделать для себя историю более наглядной. Примечательно, что интерес к смерти является наименее важной причиной для посещения. Подробнее см. [1]

включенность туриста в переживание и наблюдение смерти.

Темная и светлая сторона спектра выстраивается на основании ряда оппозиций: образование / развлечение, история (память) / наследие (потребление), аутентичность / неаутентичность, короткая / длинная временная дистанция, отсутствие / наличие смерти как части коммерческого предложения, слабая / развитая туристическая инфраструктура [12, 151]. В данном случае интересна не только сама типология, но и некоторые замечания Стоуна относительно нее. Во-первых, он весьма удачно использует идею Леннона и Фоули о хронологической дистанции. Стоун замечает, что по прошествии времени места, связанные с гибелью людей, коммерциализируются и передвигаются ближе к светлой стороне спектра. По мере привлечения все большего количества туристов с одной стороны и ослабления морального контроля с другой (снятие травматического эффекта) начинается развиваться туристическая инфраструктура. Во-вторых, Стоун справедливо отметил непостоянство статуса темных мест,

которые могут в зависимости от различных факторов двигаться в ту или иную сторону «спектра». Наиболее темные стороны «спектра» ассоциируются с лагерями смерти и другими местами геноцида в различных уголках земного шара.¹⁰

Несмотря на кажущуюся универсальность, типологические подходы к темному туризму критикуются по целому ряду причин: ориентация на западного туриста, отсутствие ясной методологии, упрощение или даже игнорирование реального опыта и мотивов посетителей. Действительно, многие исследователи ставят под сомнение нахождение мест насилия и геноцида в одном ряду с другими объектами темного туризма.¹¹

Туристы в нацистском
концентрационном лагере
Кадр из фильма Сергея Лозницы
«Аустерлиц» (2016)

Заключение

Среди широкого перечня объектов культурного наследия существуют места, вызывающие у человека «темные», нежелательные для повседневного мира чувства вины, сожаления, горя, отвращения и шока, но при этом все равно пользующиеся популярностью. Такие места имеют особый статус, они часто используются политиками, активистами, представителями гражданского общества и обывателями как ресурс в переговорах и конфликтах по поводу того или иного исторического события. Места насилия воплощают в себе фигуры жертв и преступников, идеи добра и зла, искупления, наказания и справедливости. Они вводят новые моральные измерения в понимании истории, такие как коллективная память, идентичность, травма и забвение. Такое «трудное» наследие не только представляет прошлое в настоящем, но и связывает настоящее с будущим. Посещение подобных объектов впечатывается в опыте через острые переживания, многократно усиливающиеся материальными свидетельствами произошедших событий (орудия преступления, останки жертв, их одежда и другие артефакты).

Попытки ученых понять, что отличает эти объекты культурного наследия от других, привели к созданию исследовательского направления, объединяемого двумя категориями: «танатотуризм» и «темный туризм». Однако использование этих категорий требует известной доли осторожности. Существует серьезный риск подмены аналитических инструментов идеологическими и другими клише, которые не проходят «проверку реальностью».

В случае родственных категорий «танатотуризм» и «танатоопсис» основные риски связаны с «европеизацией» практик «созерцания смерти», а также с предположением о важности мотива «созерцать смерть» среди туристов. Потенциал данного направления заключается в дальнейшей интеграции с *Death studies*, изучением более глубоких связей туризма и смерти в современном обществе [8].

Что касается категории «темный туризм», то несмотря на объединяющий эффект, ее использование продолжает вызывать серьезные разногласия. У данной категории все еще отсутствует прочная теоретическая основа, а дефиниции размыты. Высказываются сомнения, что темный туризм вообще существует как явление и чем-то отличается от более универсального и понятного туризма наследия.

На фоне существующих проблем имеет смысл перейти от непосредственно туризма к изучению опыта и эмоций людей, которые оказываются в местах (не обязательно туристических), связанных со смертью. Такая перспектива предлагает расширение дисциплинарных и методологических рамок и включение в повестку таких объектов, как забытые и брошенные *не-места памяти* которые, по замечанию Ромы Сендыки [10], «преследуют» посетителей даже несмотря на отсутствие какой-либо туристической инфраструктуры, мемориализации и репрезентации смерти.

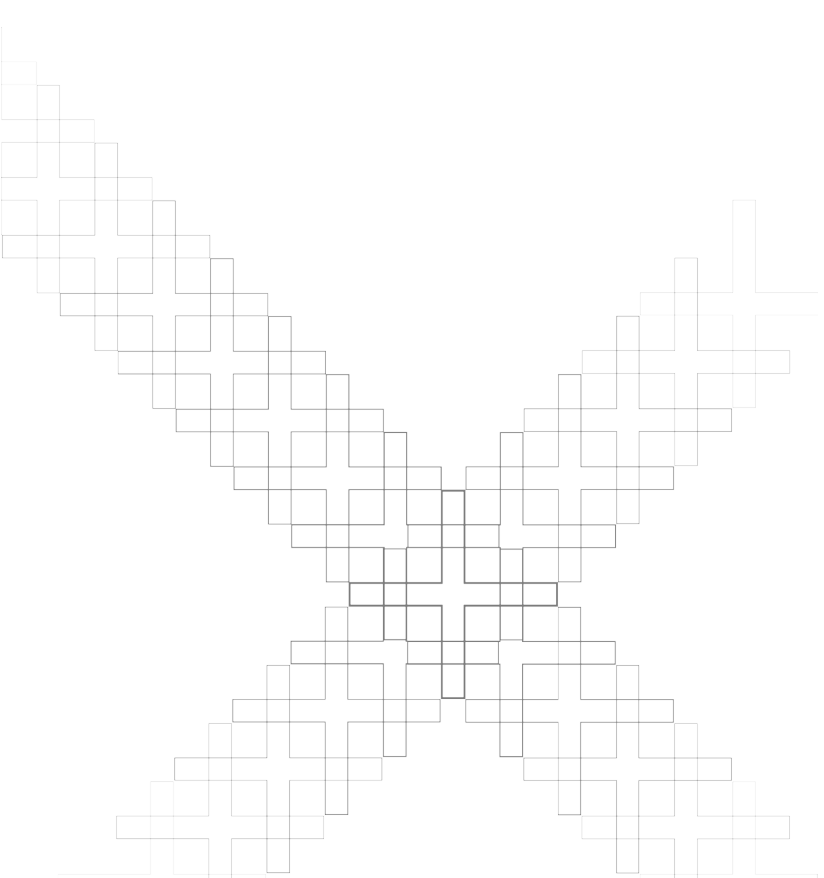

Использованная литература

- [1] Biran, A. Sought experiences at (dark) heritage sites / A. Biran, Y. Poria & G. Oren // *Annals of Tourism Research*, Vol. 38, № 3, 2011. P. 820–841.
- [2] Герц Р. Смерть и правая рука. Москва: ARS Press, 2019. 264 с.
- [3] Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. Москва: Элементарные формы, 2018. 808 с.
- [4] Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Москва: Ad Marginem, 1999. 480 с.
- [5] Foley M., Lennon, J. J. JFK and dark tourism: A fascination with assassination // *International Journal of Heritage Studies*, Vol. 2, № 4, 1996. P. 198–211
- [6] Lennon J. J., Foley M. *Dark Tourism: the Attraction of Death and Disaster*. London: Cassell, 2000
- [7] Lennon J. Dark Tourism // *Oxford Research Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice*. Oxford University Press, 2017. 26 p.
- [8] Light D. Progress in dark tourism and thanatourism research: An uneasy relationship with heritage tourism // *Tourism Management*, № 61, 2017. P. 275–301.
- [9] Seaton A. V. Guided by the dark: From thanatopsis to thanatourism // *International Journal of Heritage Studies*, Vol. 2, № 4, 1996. P. 234–244.
- [10] Sendyka R. Sites that haunt: Affects and non-sites of memory // *East. European Politics and Societies*, № 4, 2016. P. 687–702.
- [11] Stone P., Sharpley, R. Consuming dark tourism: A Thanatological Perspective // *Annals of Tourism Research*, Vol. 35, № 2, 2008. P. 574–595.
- [12] Stone P. A dark tourism spectrum: Towards a typology of death and macabre related tourist sites, attractions and exhibitions // *Tourism: An international Interdisciplinary Journal*, № 54, 2006. P. 145–160.

Европейское наследие
как ПРАКТИКА

Светлана Кондратьева

бакалавр филологии, выпускница магистерской программы ЕГУ «Развитие культурного наследия». Исследует экспериментальные подходы к изучению и развитию наследия, особенно в сфере креативных практик. Сокуратор арт-исследования «Город как высказывание. Басманный палимпсест», автор лаборатории «Наследие как перформанс».

Фото Анны Тарабуриной

От молчаливого присутствия к главным ролям Креативные практики работы с наследием как стратегия соучастия

Светлана Кондратьева

From Silent Presence to Leading Roles Creative Heritage Practices as a Strategy for Participation

The article of EHU's graduate Mgr. Svetlana Kondratyeva examines site-specific creative participatory practices of working with cultural heritage. While the given approach is highly praised by the leading heritage experts nowadays and examples of corresponding projects gives us a great portion of inspiration, the real attempts of its implementation are very difficult. However, they can be really successful if used as a research or creative tool. The article is a part of MA thesis, defended in EHU in 2021 and based on the author's own research and creative project, implemented in Moscow.

Креативные практики в последние несколько десятилетий стали востребованным инструментом развития наследия. Об этом можно судить по содержанию крупных европейских программ, поддерживающих культуру, таких как Creative Europe для стран ЕС и Culture&Creativity для стран Восточного партнерства. С 2015 года в странах Западной Европы действует проект «Dancing Museums», объединяющий европейские танцевальные организации и всемирно известные музеи. Его цель – «использовать физическое движение не как перформанс, а как инструмент интерпретации и понимания культуры особым способом, помогающим трансформировать отношения между посетителем и выставкой» [8]. В Литве существует аналогичный проект «Танец плюс город» (Šokis plius miestas), посвященный танцевальной интерпретации архитектурного наследия советского модернизма [9].

При этом внутри описываемой тенденции все чаще появляются примеры использования креативных практик в качестве инструмента участия, то есть включения отдельных пользователей или сообществ в процесс творчества. Участники таких проектов чаще всего не являются профессиональными творцами. Эти инициативы вписываются в более широкую рамку партициптивных форматов.

Исследователи видят в них альтернативу авторитарному дискурсу наследия. Лора Джейн Смит рассматривает наследие не столько как вещи или места, сколько как отношения и эмоции, возникающие вокруг них. Она считает наследие «эмоционально заряженным актом, или [...] практикой перформативного использования прошлого для создания смысла в настоящем и для настоящего» [15, 29–34]. При этом посетители мест наследия не являются пассивной аудиторией для кураторских интерпретаций. Правильнее говорить о партнерстве между посетителями и организаторами в создании новых смыслов [16, 4]. Музейный исследователь Нуала Морс видит в участии способ демократизации музея, ответ на запрос работать с сообществами и вариант социальной заботы [12, 29–65]. Даже альтернативное определение понятия «музей», предложенное Международным советом музеев в 2019, при всей его дискуссионности, также смещает акценты с музейных коллекций на взаимодействие с сообществами, инклюзию и полифонию мнений [10].

В качестве конкретных форматов креативных процессов и мероприятий, включающих посетителей, довольно часто используют так называемые перформативные жанры: спектакли, аудио-променады в наушниках, иммерсивные программы, перформанс и танец. Они оказываются удобными в силу самой своей модели взаимодействия между исполнителями и зрителями. По словам театрального исследователя Эрики Фишер-Лихте, зрители воспринимаются в перформативных жанрах

как партнеры по игре, чье физическое присутствие, реакции, восприятие формируют спектакль наравне с действиями актеров. Она также отмечает, что «творческое участие зрителя понимается не только как работа воображения [...] а скорее как процесс, в котором участвует все тело: восприятие осуществляется не только на зрительном и слуховом уровне, но и на «телесно-чувственном» [6, 63].

Процитированные строки относятся к театру и перформансу, и в данной статье в качестве примеров будут приводиться именно они. Однако стоит отметить, что подобные тенденции можно встретить и в других жанрах, связанных с культурой и творчеством.

Описываемые явления чаще всего сначала появлялись в Западной Европе, а затем перенялись в Восточной. Но все же будет неверным считать, что при заимствовании практик происходит их простое копирование. Наоборот, в силу особенностей исторического развития региона и специфики его социальной и культурной сферы местные партициптивные инициативы существенно отличаются и от Запада, и между самими странами региона [1; 2; 3]. Это является дополнительным поводом исследовать локальные примеры и описывать существующие кейсы, в том числе в рамках данной статьи.

Статья посвящена креативным партициптивным практикам, используемым как инструмент работы с наследием. Специфика этого инструмента будет рассмотрена на примерах театра, перформанса и танца, созданных в нетеатральных пространствах. В частности, будут показаны возможности работы с пространством и создания ситуаций, объединяющих исторические события и состояние «здесь и сейчас», а также располагающих зрителей к рефлексии. Работа со зрителями через творчество помогает присваивать место и находить индивидуальные смыслы, связанные с ним. В качестве примеров я буду опираться на опыт стран постсоциалистической Европы, а также на собственный опыт курирования

арт-лаборатории, посвященной историческому району Москвы, и созданию перформативной работы совместно с участниками-любителями.

Сайт-специфичные практики:
место как архив и перформативная работа с прошлым

Сайт-специфичными называют те спектакли, танцы или перформансы, которые происходят не в специальных помещениях – театрах или культурных центрах, а в местах, для них изначально не предназначенных. Это может быть улица, общественный транспорт, больница, коридор, заброшенный дом, квартира, библиотека и т. д. Во время создания таких произведений происходит глубокая и внимательная работа с конкретным местом, в которой используются его физические реалии, история, особенности повседневной жизни и другие уникальные характеристики. В идеале сайт-специфичное произведение не может существовать в другой локации без потери смысла, ведь место в нем – практически действующее лицо.

Литовская исследовательница Рута Мажейкене говорит, что художник, делающий сайт-специфичную работу о прошлом, «неизбежно должен превратиться в историка, собирающего достоверные данные, анализирующего материальное и нематериальное наследие социокультурного ландшафта». Пространство перформанса видится ей как «дискурс, содержащий множество культурных, социальных и исторических слоев и открытый для разнообразных художественных прочтений» [11].

Действительно, художник, по сути, предлагает зрителям архив знаний о месте, проявленный через перформативные практики. Примером может быть спектакль *Pro Memoria sv. Стерона*, 7, созданный в 1995 году. Его авторов заинтересовал дом в

центре Вильнюса, настолько разрушенный, что даже вызывал ассоциации со шрамом на лице города. Они решили выяснить его историю. Оказалось, что это место прошло путь от зажиточного района до еврейского гетто, было и конным двором, и жилым домом, и школой. Нынешние жители района говорили на четырех языках и хранили воспоминания о доме. Создатели спектакля собрали материал и нашли способы «оживить» их рассказы (например, показать эпизод из воспоминаний о свадьбе) либо создали метафоры, чтобы через них рассказать о прошлом (страницы школьных учебников, которые могли тут читаться, зажженные свечи и еврейская музыка). Некоторые роли в спектакле играли сами местные жители.

Другая важная особенность сайт-специфичных работ – балансирование между прошлым и моментом «здесь и сейчас». Этот прием можно рассмотреть на другой, более современной работе *Наполнитель (Glaistas)*, созданной в 2019 году в жанре спектакля-променада и также посвященной бывшему вильнюсскому гетто. Несмотря на жанр, в спектакле нет актеров. Действующими лицами считаются сами зрители, а сам формат можно считать очередным способом исследовать город через прогулку. В его основе – перемещение участников от одной точки к другой с короткими остановками. По этим характеристикам жанр близок к экскурсии, а отличает его от экскурсии отсутствие гида или другого присутствующего на маршруте человека – носителя знаний и информации. Группе может помогать ориентироваться и идти по маршруту модератор или актер, но он даже не имеет права говорить с участниками. Это помогающая, часто деперсонализированная фигура. Вся информация и инструкции участники получают с помощью наушников, через которые транслируется специально записанный трек.

В *Наполнителе* участники слышали в наушниках голоса людей, живших когда-то в

гетто (на момент создания спектакля все они находились в Израиле). Бывшие жители вели участников по улицам города, заводили во дворы, на лестничные клетки домов и рассказывали о своей жизни, городе и тяжелых событиях, связанных с Холокостом. Спектакль дал возможность зафиксировать устную речь носителей памяти и сделать ее доступной для аудитории именно в том месте, где происходили события. По сути, временно вернуть эту память в город. Но при этом авторы не стремились воссоздать псевдо-аутентичное пространство города времен гетто (что сделать невозможно!). Напротив, они честно показали, как мало осталось от большой еврейской общины, ее культуры и наследия, от тех, кто жил в городе и формировал его всего 70–80 лет назад [17].

Таким образом, люди слушали рассказы о прошлом и представляли услышанное на фоне города в состоянии «здесь и сейчас», с

машинами, прохожими, велосипедистами, музыкой из кофеен на первых этажах и т. п. Это побуждало их проводить параллели и сравнивать услышанное с современностью, задавать определенные вопросы, а не «нырять» в историю и потом выходить в современный город, разделяя прошлое и настоящее, как произошло бы в случае классического театрального представления со сценой и декорациями.

Данный эффект представляется наиболее важной чертой описываемых практик. Также довольно часто их авторы – специально или непреднамеренно – затрагивают социальную проблематику, и в этом случае улица может оказаться более полифоничным и открытым пространством, чем стены музея [18]. Именно в таком пространстве авторы работ выстраивают отношения со зрителями. Ниже будет показано, по каким сценариям может идти такая работа и какие эффекты иметь.

Звуковые впечатления GLAISTAS
 Фото Modestas Endriuška

Модели соучастия: от активного «зрительствования» до авторства

Говоря о соучастии в перформативных работах, стоит помнить об описанном в начале статьи базовом принципе восприятия зрителя как соавтора собственного опыта и впечатлений. А для более детального описания приемов и целей партиципации можно воспользоваться классификацией, предложенной Ниной Саймон, куратором и экспертом в области организации взаимодействия музеев с публикой. В книге *ПАРТИЦИПАТОРНЫЙ МУЗЕЙ* [4] она описывает три основных модели соучастия:

1) *собирательство* – посетителям предлагается привносить строго определенные объекты, действия и идеи, например, оставить отзыв или воспоминание;

2) *сотрудничество* – людям предлагается выступить в роли активных партнеров в деятельности учреждения, например, проголозовать за фотографии, которые окажутся на выставке;

3) *сотворчество* – посетители с самого начала работают совместно с представителями музея, придумывая программу, экспонат или даже определяя цели выставки.

Также Саймон упоминает четвертую, гостевую модель, в которой учреждение передает ряд своих помещений и/или ресурсов под нужды программ, разработанных и осуществляемых любительскими группами или случайными посетителями.

В соответствии с этой моделью работу со свидетелями гетто в Наполнителе можно отнести к собирательству, а приглашение местных жителей сыграть в спектакле – к сотрудничеству. К сотворчеству может быть отнесен пример из польского города Сейны, описанный исследовательницей Холокоста Дианой И. Попеску. Спектакль *Хроники Сейн* (*KRONIKI SEJNEŃSKIE*) был создан фондом «Пограничье» [*Ośrodek Pogranicze*] в 1999 году в здании бывшей синагоги, занимаемой тогда этой организацией. В нем участники-

любители не только получали роли, но и влияли на сюжет. Работа создавалась для того, чтобы, с одной стороны, актуализировать многогранное прошлое города, связанного с как минимум тремя культурами: польской, литовской и еврейской. А, с другой стороны, дать молодым людям, живущим здесь сейчас, возможность совместно создать новый нарратив, не разъединяющий, а объединяющий их и прошлое. Участников попросили поговорить со своими родителями, бабушками и дедушками и из рассказанных историй, а также фольклорных песен, танцев и сказок создали сюжет. Центральным физическим элементом спектакля была модель довоенного города, вокруг которой выступали участники, в том числе рассказывая истории собственных семей.

Попеску считает, что этот перформанс имел терапевтический эффект, так как за счет своей концепции подчеркнул совместное владение непростым прошлым и бросил вызов еврейско-польскому «столкновению мартирологических воспоминаний». Также исследовательница предполагает, что перформативная модель взаимодействия, предполагающая приглашение непрофессионалов к участию в работе с памятью, подкрепляет мотивацию сохранять память живой. Она может привносить как критическую, так и моральную повестку, например привести к более сложному пониманию истории [13, 23–24].

Арт-исследование Басманного района:
 проверка на открытость и опыт
 присвоения места через творчество

В 2020 году у меня появилась возможность не только исследовать теоретические стороны описываемого подхода, но и проверить его на практике в качестве куратора арт-исследования одного из исторических районов Москвы и автора собственной творческой

работы в рамках этого исследования. Проект **ГОРОД КАК ВЫСКАЗЫВАНИЕ. БАСМАННЫЙ ПАЛИМПСЕСТ**, посвященный созданию комплексного портрета места, проводился Музеем Басманного района, открытым в 2016 году в качестве НКО и позиционирующим себя как уникальный проект основания музея под открытым небом силами местного сообщества. Данный акцент позволил мне быть очень открытой при подборе участников исследования.

Во-первых, мы объединили художников, родившихся в Басманном, и тех, кто только знакомился с ним.

Во-вторых, следуя идее полисенсорного подхода к наследию [14], мы решили работать с территорией через разные медиумы: саунд-арт, танец и движение, фото, скетчи, инсталляции и т. д.

В-третьих, в исследовании участвовали как профессиональные художники, так и любители. Среди них были представители и со-

временного искусства, и более «классических» жанров. Такое решение вряд ли поддержали бы институции, связанные с искусством. Но так как мы делали это от лица городского музея, созданного силами сообщества, мы решили, что высказаться имеют право не только признанные профессионалы.

К сожалению, на деле эта идея принесла массу сложностей. Некоторые профессиональные художники не были рады видеть на итоговой выставке свои работы рядом с любительскими. Также оказалось крайне сложно гармонично объединить 19 итоговых проектов, выполненных в разных жанрах и на разном профессиональном уровне. Руководители партнерского музейного центра (у Музея Басманного района нет своего здания) сказали, что готовы предоставить нам место только в том случае, если мы будем называться не выставкой, а исследовательско-выставочным проектом. Возможно, это можно воспринимать как ошибку нашей команды и

Арт-исследование Басманного района «Город как высказывание. Басманный палимпсест». Проект «Страницы улиц», раскрывающий взаимоотношения людей и города через танец

результат очень скромного бюджета. А может, дело в том, что сами музеи, даже если они посвящены городу и позиционируют себя как исследовательское место (как было с нашими партнерами), все равно ждут «красивых», профессиональных и сильных работ. Да и публика привыкла видеть в музее мастеров и экспертов, а не самих себя.

Если же говорить об итоговых работах художников и методах их создания, часть из них подразумевала взаимодействие с горожанами. Саунд-артистка Елизавета Труханова попросила жителей собрать для нее звуки района, а портниха Женя Яуза сделала текстильное панно из ненужной одежды местных жителей [7].

Моя собственная работа тоже была основана на партиципации. Я пригласила людей, увлекающихся танцем и городом, создать сайт-специфичные танцевальные зарисовки о районе и разработала приемы, призванные помочь им в творческом процессе. Например, мы приходили в определенное место, и я просила участников обозначить свои «точки интересов» по каждому из органов чувств. Какие формы, звуки, цвета их привлекают, с чем хочется взаимодействовать. Затем комментировала их выбор, приближаясь к роли экскурсовода. После этого мы выполняли упражнения, позволяющие «обжиться» в локации и воспринять ее через движение. Также иногда мы обсуждали, с чем это место ассоциируется у участников. Эти наблюдения становились материалом для их танцев, а танцы – материалом для видео-ролика Страницы улиц [5].

В этом индивидуальном проекте содержался ряд сложностей. Даже при том, что я сама предложила горизонтальную модель участия, в процессе работы мне не всегда лег-

ко было воздерживаться от советов, как именно следует работать с пространством. Также я задавалась вопросом, насколько красивым и интересным получится итоговый ролик, что тоже является не совсем верным акцентом в партиципаторных проектах. Еще один тезис, реализовать который на практике оказалось сложнее, чем в теории – демократичность и полифоничность публичных пространств. Мне приходилось учитывать некоторый риск того, что танцы участников могут принять за хулиганство или провокацию, поэтому я старалась работать с ними в тихих дворах, а не на открытых площадках.

Однако положительные результаты все равно оказались вдохновляющими. Например, я заметила, что даже когда несколько участников работали на маленьком пространстве одновременно, их интерпретации и прочтения места все равно были абсолютно разными. Это наблюдение показывает, насколько по-разному люди отвечают на вопросы о ценности места и точках своего интереса. Также важно, что ответы на эти вопросы участники формулировали не через анкетирование, глубинное интервью или формализованный опрос, а через решение творческой задачи. Другое интересное наблюдение дал анализ обратной связи. Оказалось, что самым ценным и запоминающимся для участников были не места сами по себе, а процесс их освоения (по сути – присвоения!). Типичные формулировки звучали так: «объект становится более родным, вызывает эмоции», «оставляешь здесь часть себя», «было ценно прожить историю», «когда по-взаимодействуешь с пространством, когда ты проживешь, прочувствуешь, то становишься частью этого, и уже сложно остаться равнодушным».

Арт-исследование Басманного района «Город как высказывание. Басманный палимпсест»
Проект «Страницы улиц»

Выводы

Даже те немногие примеры, описанные в данной статье, демонстрируют разнообразие задач, решаемых с помощью креативных participative практик. Они хотя бы временно могут вернуть память в городскую среду, даже если сообщество ее носителей оттуда уже исчезло. Эти практики могут выступать как триггер и поднимать неудобные темы либо, наоборот, стать терапией. Могут помочь выяснить отношение к месту или теме, не задавая при этом прямых вопросов. С помощью них можно раскрывать драматургию пространства, а также искать метафоры и символы, которые впоследствии продолжают работать на образ места. Во многих из этих задач художник будет дополнять труд историка, особенно если они работают бок о бок, например, в случае сотрудничества режиссера с музеем.

Впрочем, чтобы эффективно использовать эти практики, их участникам и инициаторам может потребоваться перестроить собственную оптику. Например, начать ставить на первое место не качество получившейся работы, а качество контакта и взаимодействия с людьми, ее создающими. Ведь процессы, происходящие с наследием, такие как мемориальный бум или экономика опыта, смещают акцент с молчаливого присутствия в музее или другом месте наследия на потребность испытывать в этом месте эмоции и деятельно проживать новый опыт. Этот процесс может быть непредсказуемым и для посетителей, и для институции, но именно поэтому в нем есть большой потенциал для переосмысления, работы с кризисами и поиска новых путей развития.

Еще одна существенная особенность соучастующих творческих практик заключается в их позиционировании. Очень часто при первых опытах в них видят способ развлечь публику или заработать, а также увеличить посещаемость места. И, не достигнув этих целей, испытывают разочарование. Ведь описанные работы редко окупаются (поэтому часто создаются на гранты или в качестве символических жестов), не рассчитаны «на поток» и не всегда приносят только положительные впечатления. Безусловно, этот необычный жанр может повысить популярность места или привлечь новую аудиторию. Но все же, иницилируя создание спектакля или перформанса о наследии, гораздо эффективнее смотреть на него как на исследование и относиться соответствующим образом как к процессу, так и к результатам.

Использованная литература

- [1] Демехина Д. 5 книг о том, как развивался перформанс в Восточной Европе // Горький Медиа, <https://gorky.media/books-collection/5-knig-o-tom-kak-razvivalsya-performans-v-vostochnoj-evrope/?fbclid=IwAR2AQ6GJZb0qxM7Wb3qkoBCnCESIjhLyYbRdz9XZnGY-kueKGEhYo7WGS0> (5.08.2021).
- [2] Дискуссия «Память в городе: Культура участия» (7.06.2017) // Youtube-канал Библиотека Достоевского, <https://www.youtube.com/watch?v=9PjnxUSgs48> (5.08.2021).
- [3] Мизиано В. Чудо или недоразумение // Чудо или недоразумение: социально вовлеченное искусство в странах сети Арт Проспект. Нью-Йорк, Санкт-Петербург: CEC ArtsLink, 2019. С. 9–12.
- [4] Саймон, Нина. Партиципаторный музей. Москва: Ад Маргинем, 2017. 368 с.
- [5] Страницы улиц. Город, танец и любовь (13.02.2021) // Youtube-канал Svetlana Kondratyeva, https://www.youtube.com/watch?v=4X2LvYHR5Uw&ab_channel=SvetlanaKondratyeva (28.02.2021).
- [6] Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности. Москва: Международное театральное агентство «Play&Play», Издательство «Канон+», 2015. 376 с.
- [7] Выставка «Читая город Арт-Басмания» (2020) // <http://artbasmania.tilda.ws/> (5.08.2021).
- [8] Creative Europe: rediscovering our cultural heritage. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. 40 p.
- [9] Dance your way through Lithuania's socialist modernist buildings (19.04.2021) // The Calvert Journal, <https://www.calvertjournal.com/articles/show/12697/lithuania-socialist-modernist-architecture-dance> (2.08.2021).
- [10] ICOM announces the alternative museum definition that will be subject to a vote (25.07.2019) // International Councils of museums, <https://icom.museum/en/news/icom-announces-the-alternative-museum-definition-that-will-be-subject-to-a-vote/> (2.08.2021).
- [11] Mazeikiene R. Animating Genius Loci: Historical Memory and Site-Specific Performance // Art History and Criticism, № 6, 2010. P. 88–93.
- [12] Morse, Nuala. The Museum as a Space of Social Care. New York: Routledge, 2020. 224 p.
- [13] Popescu D. I. The aesthetics and ethics of performative Holocaust memory in Poland // Nordisk judaistik. Scandinavian Jewish Studies, № 28(1), 2017, P. 22–37.
- [14] Sather-Wagstaff J. Making polysense of the world: affect, memory, heritage // Tolia-Kelly D., Waterton E. and Watson S. (ed.), Heritage, Affect and Emotion. Politics, practices and infrastructures. London: Routledge, 2017. P. 12–30.
- [15] Smith, Laurajane. The uses of heritage. Oxford: Routledge, 2006. 368 p.

Маргарита Петерсон

около семи лет работала исследователем в области реставрации памятников истории и культуры в НИИ «Спецпроектреставрация» (Москва), организатор ряда международных культурных мероприятий, посвященных архитектуре и наследию. Сфера интересов: архитектура модернизма, актуализация наследия, перформанс, современное искусство, культурная политика. Выпускница магистерской программы ЕГУ «Развитие культурного наследия». Сейчас готовится к поступлению в докторантуру.

Феномен и актуализация наследия социалистического модернизма в Литве

Маргарита Петерсон

The Phenomenon and Actualization of the Legacy of Socialist Modernism in Lithuania

The article of EHU's graduate Mgr. Margarita Peterson is devoted to the Lithuanian Soviet architectural modernism and covers two main aspects of its phenomena: its emergence on the crossroads of ideological debates between Western, Soviet and National and the history of its actualization as a heritage with corresponding reflections in contemporary Lithuanian art and design. The author's main conclusion is that this heritage has a huge social and creative potential that is yet to be uncovered. The article is part of the MA thesis, defended in EHU in 2021.

В последние десятилетия интерес к социалистическому модернизму и одному из его течений – брутализму – растет. Весьма популярны издания проекта «Zuragrafika» MODERN EAST, BRUTAL EAST, BRUTAL LONDON, альбомы фотографий Саймона Филиппа A PHOTOGRAPHIC EXPLORATION OF POST-WAR LONDON и CONCRETE POETRY: POST-WAR MODERNIST PUBLIC ART, различные архитектурные ТОП-подборки, такие как «Лучшие бруталистские постройки Лондона» или «Модернистские храмы любви: 8 ЗАГСов постсоветского пространства».

Группа «Клуб любителей брутализма» в Facebook насчитывает более 74 тысяч подписчиков, а у страницы «Socialistmodernism» в Instagram – более 387 тысяч подписчиков.

Кампанию по спасению «бетонных гигантов» в глобальном масштабе ведет инициатива SOSBrutalism. В 2018 году ими была инициирована соответствующая выставка в Вене [1].

Вместе с тем модернистское наследие до сих пор является «спорным» и в непрофессиональных кругах зачастую не признается ценным. Дуальность восприятия этой архитектуры подчеркивалась в интервью с исследователем послевоенного модернизма Стивом Ходгсоном «Брутализм – архитектура, которую люди любят или ненавидят?» [2], состоявшимся 25 апреля 2020 года. В своей речи он заметил, что возросший интерес к бруталистской архитектуре вызван во многом тем, что многие здания этого периода снесены и продолжают сноситься по экономическим причинам. При этом на протяжении жизни зданий, по словам С. Ходгсона, отношение к ним менялось, причем история изменения мнений индивидуальна для каждого объекта, и проблемы любви и ненависти различны для разных стран.

Наиболее остро проблема восприятия модернистской архитектуры стоит на постсоветском пространстве. Изначально этот стиль отражал позитивистский взгляд на мир, веру в технический прогресс, возврат к гуманистическим ценностям 1920-х годов. Однако после распада СССР в людях осталась неприязнь к архитектуре советского модернизма. Как отмечает исследователь архитектуры Анна Броновицкая, «эта неприязнь – часть общего психологического комплекса homo soveticus. Поколения, жившие при советской власти, до сих пор не могут ей забыть (и простить) дефицит, [...] отсутствие гражданских свобод, серость бытия. Травма, конечно, сильна» [3, 7]. То есть, архитектура этого периода многими воспринимается как исключительно советская.

Становление литовского модернизма

Трактовка модернистских сооружений на постсоветском пространстве и, в частности, в Литве в отношении понятий «свое»/«чужое» (т. е. насажденное Москвой) является темой

отдельной дискуссии, дающей при этом дорогу разным способам актуализации этой архитектуры. Так, статья литовского историка Лютаураса Некрошюса, посвященная творчеству литовского архитектора Чеканаускаса, названа Литовское северное сияние... [4], то есть модернистские постройки архитектора рассматриваются как достояние именно Литвы. Аналогичную коннотацию можно проследить в названии книги историка Марии Дремайте: Балтийский модернизм. Архитектура и жилищное строительство в Советской Литве [5]. Она делает акцент на том, что это модернизм балтийский, хоть здания и были построены в советский период.

Стоит обозначить, в чем именно состоит феномен литовского социалистического модернизма. С одной стороны, архитектура Литвы после 1940 года «жила по советским законам». При Сталине естественное развитие выработанных в Литве межвоенного периода модернистских принципов в строительстве было прервано, и до 1955 года главенствующим стилем в ЛССР был сталинский неоклассицизм – чуждый и инородный для Балтийской республики.

На «столбовую дорогу» мирового зодчества советская архитектура была возвращена в ноябре 1955 года известным постановлением ЦК КПСС «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», в котором партия обязала советских архитекторов «смелее осваивать передовые достижения отечественного и зарубежного строительства» [6]. Однако в Центре процесс изменения принципов в проектировании в первые годы после смены курса происходил медленно: к середине 1950-х уже выросло поколение архитекторов, воспитанных на сталинской эстетике, которое довольно скептически относилось к наследию 1920–1930-х годов.

В Литовской ССР ситуация отличалась. Лютаурас Некрошюс характеризует XX век как один из самых значимых периодов в развитии архитектуры Литвы. Специфика на-

циональной школы была обусловлена тем, что на протяжении всего XIX века в Вильнюсском университете не было архитектурного факультета, и потому в период Российской Империи наиболее значимые общественные здания строились русским специалистами. Частные заказчики нередко прибегали к услугам немецких и скандинавских архитекторов.

В межвоенный период в Литве сформировалось новое сообщество местных архитекторов, изначально получивших образование в разных городах Европы – Риме, Праге, Санкт-Петербурге, Тулузе, Брюсселе, Гренобле [4, 81]. Свой европейский опыт архитекторы перенесли в Литву. Наиболее активно строительство велось в новой столице, которая теперь известна своим межвоенным модернизмом, получившей в 2015 году статус объекта Европейского наследия. В Вильнюсе в этот период европейскую «новую архитектуру» строили польские архитекторы.

Во время Второй мировой войны многие архитекторы погибли, другие эмигрировали, поэтому после войны на территории Литовской ССР практически не осталось местных литовских архитекторов [4, 81]. В сталинское время строительство велось по большей части ленинградскими специалистами. Но в то же время возобновила работу Вильнюсская художественная школа, где со второй половины XX века стала действовать кафедра архитектурной композиции и проектирования.

Преподавание в институте велось довольно противоречиво: некоторые из преподавателей были выпускниками Университета Витовта Великого в Каунасе и являлись последователями эстетики европейского модернизма. Другая часть – в основном выпускники Ленинградских ВУЗов – представляла собой сторонников соцреализма. Среди первых выпускников института – архитекторы Витаутас Бредикис, Юстинас Шейбокас, Альгимантас Мачюлис, Ниёле Бучюте, Альгимантас и Витаутас Насвитисы [4, 82], которые в дальнейшем сформировали облик Вильнюсского

социалистического модернизма. Восстановление обучения архитектуре как в Вильнюсе, так и в Литве способствовало формированию местной национальной школы, несмотря на советскую программу обучения.

После постановления «Об устранении излишеств...» первые выпускники вильнюсского архитектурного факультета, которые на тот момент уже начали работать в проектных институтах ЛССР, обратились к наследию межвоенного модернизма [7]. Этому способствовало не только то, что часть представителей каунасской школы преподавала теперь в Вильнюсе, но и тот факт, что развенчание устремлений конструктивизма и авангарда в Литве не носило такой радикальный характер, как в Москве.

Подготовка местных архитектурных и административных кадров способствовала постепенной литуанизации строительной отрасли. Также со второй половины 1950-х годов происходит постепенный расцвет реставрации [7]. Строгость контролирующих органов, для которых удешевление проекта ради экономии стало чуть ли не соревнованием, в советской Литве не была такой же, как в Москве. Поэтому при проектировании интерьера кафе «Неринга» братьям Насвитисам была предоставлена полная свобода творчества [8].

В 1960-е годы командировки архитекторов СССР за границу для перенимания модернистского опыта стали регулярными. Благодаря географическому расположению, литовские, латышские, эстонские и ленинградские архитекторы не раз посещали с этой целью страны Скандинавии и Финляндию. Также три раза в год организовывались архитектурные туры по городам Советского союза (Москва, Ленинград, Калининград, Киев) [8]. Архитекторов из Балтийских республик и северных стран сближали не только климатические условия, но, видимо, и бережное отношение к природе и исторически сложившемуся природному и городскому ландшафтам. Примерами успешной и творческой имплементации западного

опыта, полученного в командировках, могут служить образцовый микрорайон Лаздинай, получивший в 1974 году Ленинскую премию [9], Дворец художественных выставок, Дом союза композиторов и другие.

Очень ярко в Литве проявился регионализм. Его предвестником были интерьеры раннемодернистских советских ресторанов и кафе. К концу 1970-х он нашел выражение и в формообразовании, и в декоре зданий. Примером национально-ориентированного подхода стала кофейня «Вайдилюте» в Паланге. При этом имели место и продуманные реминисцентные интерпретации, не очевидные сразу, но передающие «дух места».

Если московская архитектура больше ориентировалась на американскую архитектурную школу, в регионах поиск национальных особенностей привел Литву не только к романтизированному неофункционализму, но и к явлению, близкому, по сути, неорусскому стилю. Автор данной работы делает предположение, что такое развитие регионализма связано с тем, что Литва пропустила XIX век как самостоятельная нация, поэтому архитектурный национальный романтизм, характерный для европейских стран на рубеже XIX–XX веков нашел свое отражение в Литве 1980-х.

Удаленность от центра даже в условиях тоталитарного режима давала большую свободу литовским архитекторам, о чем также свидетельствует внушительное количество зданий, построенных по индивидуальным проектам, учитывающим особенность исторической застройки и природного ландшафта.¹

В 1970–80-х годах в архитектуре Литвы появилось несколько уникальных объектов: детский сад в районе Каролинишкес в Вильнюсе, санаторий в Друскининкае – экспрессионистские и абстрактные по своей пластике, они напоминают футуристические проекты городов будущего.

Таким образом, развитие архитектуры социалистического модернизма в Литовской ССР шло по тому же пути, что и в целом в Советском Союзе, но имело ряд местных особенностей, также как в некоторых других республиках.

В то время как литовские архитекторы в 1960-х повернулись к переосмыслению своего межвоенного наследия, русские архитекторы с подачи западных коллег стали переоткрывать авангард и конструктивизм. Архитектурная школа Литвы, вновь сформировавшаяся после Второй мировой войны, считалась в СССР одной из передовых. Здесь раньше, чем в других республиках, начался переход к постмодернизму.

Ценность и интерпретация наследия модернизма сегодня

Архитектура социалистического модернизма Литвы может рассматриваться как уникальная пограничная архитектурная среда, которая является одновременно и советской, и западноевропейской, и национальной, и даже локальной, и благодаря этому очень разнообразной. Такая интерпретация наследия может быть видом включающей стратегии мультикультурного подхода.

Одним из критериев идентификации объекта как наследия является его социальная значимость. В Австралийской Хартии Бурра социальная ценность рассматривается как часть культурной ценности: «Культурная значимость означает эстетическую, историческую, научную, социальную или духовную ценность для прошлых, настоящих или будущих поколений. Культурная значимость воплощается в самом месте, его ткани, обстановке, использовании, ассоциациях» [10, 2]. Ассоциации в свою очередь трактуются как связи, существующие между людьми и местом, и могут включать социальные и духовные ценности, а также культурную ответственность за место [10, 3].

В чем же состоит значимость литовской архитектуры рассматриваемого периода для современного общества, и какие ее ценности артикулируются и популяризируются сегодня?

Несмотря на то, что «красота» социалистического модернизма и брутализма продолжает оставаться предметом спора, для части

¹ Даже типовым спальным районам в Литве старались придать индивидуальный характер.

современного поколения эстетика этой архитектуры является привлекательной. Архитектор и фотограф Норберт Тукай в интервью журналу *Современная архитектура* делится своим восприятием здания НИИ сельскохозяйственной экономики: «Здание чутко повторяет горный рельеф и завораживает тем, как оно выглядит летним вечером» [11].

Архитектура позднего модернизма сегодня становится фоном для фотосессий. Так, литовский бренд одежды *atsikeli ir varai* представил в 2017 году новую коллекцию одежды, срифмовав ее с Дворцом спорта и концертов, зданием Литовского кооперативного союза, Дворцом бракосочетаний и Дворцом выставок достижений народного хозяйства (Литэкспо) [12]. В коллекции осень–зима 2017–2018 можно было также увидеть стилизованное изображение телебашни.

Известный литовский дизайнер одежды Александрас Погребнюос выпустил в 2015 году коллекцию одежды с принтами изображений фресок легендарного детского кафе *Нукштукас*. Кафе было открыто в 1965 году, авторы фресок – известные литовские художники Бируте Жилите и Альгирдас Степанавичюс. Дворец спорта стал натурой для живописи художницы Эгле Карпавичуте. А brutальные формы бывшего музея революции – эффектным фоном для свадебных фотографий [13].

Литовский дизайнер и создатель бренда украшений *CELSIUS 273* Герда Людвинавичюте черпает вдохновение для своих работ в модернистской архитектуре. Она создала коллекции, переосмысляющие не только эстетику блочных панельных домов Восточной Европы, японского метаболизма и бруталист-

ской архитектуры, но и отчасти ревитализирующие философию и настроения того периода, связанные с космосом. О названии своего бренда она пишет: «Температура -237°C [...] Бесплодное состояние, не ограниченное временем или концепциями, но хранящее тайны Вселенной и вдохновляющее на создание городских утопий» [14]. Вторя архитекторам XX века, она экспериментирует с бетоном и его нетривиальным сочетанием с другими материалами. Не лишено ее творчество и ностальгии. Детский мир художницы «был наполнен бруталистскими горизонтами и серым небом» [15]. Кусочки этого города детства она теперь предлагает разглядеть другим.

Для французского фотографа и автора альбома СССР. COSMIC COMMUNIST CONSTRUCTIONS PHOTOGRAFIE объекты позднего социалистического модернизма носят исключительный характер. Для него не так важно, красивы

ли они. Диковинный и ни на что не похожий модернизм второй половины 1980-х годов на территории бывших советских республик привлекает Фредерика Шобена не только формой, но и тем, что отражает конец той эпохи, которая большинству жителей Западной Европы была знакома лишь из газет [16].

В 2006 году в Центре современного искусства в Вильнюсе состоялась очень многослойная и неординарная выставка британского художника Дэвида Мабба Искусство в повседневную жизнь [17]. На протяжении нескольких месяцев он изучал декоративно-прикладное искусство Литвы периода «хрущевской оттепели» и позднесоветскую архитектуру. Результатом исследования стали пять картин, на которых художник совместил изображения модернистских зданий Вильнюса с мотивами рисунков Уильяма Морриса, одного из основателей «Общества защиты

Выставка David Mabb. Menas
kasdienybei. ŠMC
Фото Paulius Mazūras

старинной архитектуры», и три ковра с изображением Дворца спорта и кинотеатрами Вильнюс и Лиетува. Дэвид Мобб объединил две, казалось бы, несовместимые вещи: декоративизм работ британского художника XIX века и лаконичность строений «без архитектурных излишеств».

Таким образом, ассоциации в отношении объектов меняются, их социальная значимость обнаруживается порой неожиданно, а современные художники создают свои произведения в связи с ними. Возникнут еще новые ассоциации и значения, от которых будет зависеть актуальность и судьба и этих зданий.

Использованная литература

- [1] SOS Brutalismus. Rettet die Betonmonster! // Architekturzentrum Wien, <https://www.azw.at/de/termin/sos-brutalismus/> (10.11.2020).
- [2] Hodgson, Steve. Brutalism – The Architecture people love or hate? // MAMMA, <https://mammagroup.org/mamma-week-talk-002?fbclid=IwAR1lnhplC61PC6K2bQzt9AB-lVhTKy8pdUgufIFesAHcDcj-NsdLQvzLu> (22.10.2020).
- [3] Броницкая А., Малинин Н., Пальмин Ю. Москва: архитектура советского модернизма 1955–1991. Справочник-путеводитель. Москва: Garage, 2019. 352 с.
- [4] Некрошюс Л. Литовское северное сияние: Витаутас Эдмундас Чеканаускас // Проект Балтия, № 3, 2015. С. 81–95.
- [5] Drėmaitė M. Baltic Modernism Architecture and Housing in Soviet Lithuania. Vilnius: DOM Publishers, 2017. 250 p.
- [6] Об устранении излишеств в проектировании и строительстве. Постановление Центрального Комитета КПСС Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 г. № 1871 // Викитека, https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_Центрального_Комитета_КПСС_и_Совета_Министров_СССР_от_4_ноября_1955_года_№_1871 (15.11.2020).
- [7] Drėmaitė, M. Vaduojantis iš stalinizmo. Pereinamasis etapas (1955-1958) // MO muziejus, <http://www.mmcentras.lt/kulturos-istorija/kulturos-istorija/architektura/19551959-modernizmo-startas/vaduojantis-is-stalinizmo-pereinamasis-etapas-19551958/78188> (05.11.2020).
- [8] Drėmaitė, M. 1959-ieji – Modernizmo startas // MO muziejus, <http://www.mmcentras.lt/kulturos-istorija/kulturos-istorija/architektura/19551959-modernizmo-startas/1959-ieji-modernizmo-startas/78192> (05.11.2020).
- [9] Лаздинай. Урбанистический прорыв 70-х // <https://master-pikmedia.rcoast.ru/magazine/architecture/lazdinaj/> (16.02.2021).
- [10] The Burra Charter. The Australia ICOMOS Charter for Places of Cultural Significance (2013).
- [11] Pastatų istorijos: buvo-yra-(ne)bus // Statyba ir architektūra, <https://sa.lt/pastatu-istorijos-buvo-yra-nebus/> (25.12.2020).
- [12] Atsikeli ir varia // Instagram, https://www.instagram.com/atsikeli_ir_varai/?hl=ru (17.01.2020).
- [13] Grafiologika.wed // Instagram, https://www.instagram.com/p/B9WoTN4gT56/?utm_source=ig_web_copy_link (17.01.2020).
- [14] Liudvinaviciute G. Name Meaning // <https://celsius273.com/pages/about> (20.01.2021).
- [15] Liudvinaviciute G. Celsius 273 – Artist Dedicated Creativity To Brutal World // <https://celsius273.com> (20.01.2021).
- [16] Vaiseta T. French photographer marvels at Hollywood-like ambition of Soviet architecture // 15min.lt, <https://www.15min.lt/en/article/society/french-photographer-marvels-at-hollywood-like-soviet-architecture-528-201349> (27.12.2020).
- [17] David Mabb: art into everyday life // Contemporary Art Center, <http://www.cac.lt/en/exhibitions/past/06/1299> (20.03.2020).

Юлия Карпенкова

выпускница исторического факультета БГУ с 15-летним опытом в сфере культурного туризма, прошедшая профессиональный путь от гида до руководителя организации. Специалист в сфере бизнес-анализа и цифровой трансформации. Со-автор программ подготовки гидов и руководителей туристических групп. Студентка магистерской программы ЕГУ «Развитие культурного наследия».

Новая концептуализация цифровой интерпретации наследия

От расширения возможностей классических техник
до нового уровня коммуникации

Юлия Карпенкова

The New Conceptualization of Digital Heritage Interpretation

From Extension of Classical Approaches
towards the New Communication Levels

The article of the student of the EHU's MA program «Cultural Heritage Development» Julia Karpenkova aims at examination of the current trends in heritage interpretation and overview of the new opportunities that digital technologies provide to both heritage professionals, heritage lovers and communities. The main idea is that interpretation theory must react and act in accordance with new technologies which have a potential to fundamentally change the very nature of heritage understanding and use. The text is a part of a research project, conducted by Julia at EHU.

Мы живем в эпоху, когда технологии принимаются как должное практически в каждом аспекте жизни. Цифровые технологии повлияли на то, как мы используем память и ищем информацию, на пути коммуникации и взаимодействия между людьми, на то, как мы потребляем и покупаем вещи и услуги, какие развлечения выбираем. Культурный сектор не является исключением, ведь цифровая эпоха значительно изменила и его.

Внедрение информационных технологий в музеях и на объектах культурного наследия требует мультидисциплинарного подхода, при котором эксперты из разных областей взаимодействуют и работают вместе для достижения эффективного и значимого результата. На сегодняшний день применение цифровых технологий в сфере культурного наследия вышло далеко за рамки знаний специфического оборудования, как это было на заре его развития. Содержание и структура, а также то, какие инструменты использовать в репрезентации и интерпретации, зависит от глубокого понимания потребностей

аудитории и ее ожиданий. С учетом того, что стремительно меняются технологии, нужно делать акцент не на изучении и описании используемых технологий, а на понимании мотивов, лежащих в основе их использования. В этом случае исследование останется актуальным, даже когда технологии шагнут вперед.

Растущее использование цифровых технологий требует переоценки профессиональных норм в сфере культурного наследия. Практическое применение продвинутых цифровых устройств, систем и методов предлагает соблазнительные возможности для увеличения доступности, максимизации публичного авторитета, уменьшения расходов, сохранения, репрезентации и интерпретации наследия в новой, более доступной во всех смыслах форме. Цифровые технологии, тем не менее, представляют собой рискованный этический вызов, ставящий под вопрос существующие понятия, определения и профессиональные ценности и способствующий дальнейшему уходу понятия интерпретации наследия от его классического понимания.

Интерпретация наследия по-новому

Для начала предлагаю рассмотреть, что же подразумевает это классическое понимание и как оно трансформировалось во времени. Классический дискурс наследия и его интерпретации – это монолог профессионала, обращенный к слушателю, целью которого является эмоционально донести факты (авторитетное мнение эксперта), создать связь (либо иллюзию связи) слушателя с наследием и заставить его осознать ценность и необходимость сохранения наследия. В существующем понятии интерпретации важную роль стала играть развлекательная составляющая, способная генерировать прибыль. Внешняя информация и внутренняя интерпретация создают убедительную картину определенных аспектов исторической реальности. На

первый взгляд приведенное выше определение выглядит логичным и правильным, но если вдуматься, становится понятно, что оно изрядно «устало» и требует переосмысления. В поиске новых смыслов исследователи изучают различные аспекты интерпретации наследия в современных реалиях.

Самым цитируемым автором в области интерпретации наследия был и является Фримен Тилден, еще в 1977 году сформулировавший 6 основных принципов интерпретации (они прекрасно применяются и сейчас) и описавший их в своей работе ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НАШЕГО НАСЛЕДИЯ [1]. Тилден, как представитель своего времени, отделяет интерпретацию наследия от любой другой интерпретации, обозначая ее как «образовательную активность для посетителей». Принципы интерпретации Тилдена звучат актуально и сейчас, особенно если рассматривать их с точки зрения пассивности и невежества посетителя / туриста против экспертности интерпретатора.

Интерпретация по Тилдену – это такая презентация объекта, которая привлекает внимание и создает связь между наследием и опытом посетителя, она должна быть приятной, интересной и содержательной, хорошо организованной, побуждать совершить некое открытие на основании имеющейся информации, а также должна подходить для различных аудиторий и четко раскрывать тему.

Очень хорошо данное понимание интерпретации вписывается в концепцию властного дискурса наследия, описанного Лораджейн Смит в книге ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАСЛЕДИЯ [2]. Объекты наследия управляются и интерпретируются профессионалами со специальным образованием, а массы туристов проходят мимо стандартизированной истории и культуры, имеющей мало общего с реальностью. В рамках массового потребления наследия редко речь идет о том, что у посетителя помимо красивых фотографий останется еще и обогащенное сознание, подкрепленное желанием делать выводы.

Британский социолог Дэвид Аззелл дает измененный взгляд на интерпретацию наследия в своей статье *Интерпретация наследия в Британии спустя четыре десятилетия после Тилдена* [3]. Обозначенный им новый реконструктивный подход имеет интеллектуальную направленность, представляет различные перспективы и интерпретации прошлого и связывает их с настоящим. В рамках данного подхода информация об объекте наследия должна стимулировать различные мнения и активное соучастие. Невозможно просто навязать одно единственное объяснение объекта или аспекта наследия и ожидать неизменной реакции зрителя, так как у каждого посетителя будет свое собственное восприятие, основанное на предыдущем опыте и знаниях. Однако, как замечает Аззелл, данный метод не пользуется популярностью, так как его сложно применять в неформальной обстановке, где посетитель хочет получить скорее развлечения, чем пищу для размышлений.

Размышления на эту тему можно увидеть и в работе Дэвида Лоуэнталя *Прошлое – чужая страна* [4], написанной десятью годами ранее. Автор рассуждает о том, можем ли мы претендовать на опыт прошлого без критического осмысления, ведь на наше восприятие и мировоззрение влияют сформированные ранее предубеждения. Такой подход он противопоставляет широко распространённому и применяемому подходу поверхностного вовлечения.

Австралийский автор Рассел Стайфф в своей книге *Переосмысляя интерпретацию наследия* [5] открыто критикует подход Тилдена и рассматривает классическую профессиональную интерпретацию как один из вариантов репрезентации. Главная его идея состоит в том, что если раньше роль критика и толкователя брал на себя профессиональный интерпретатор, то сейчас, в эпоху изобилия информации и ее доступности, человек осмысляет профессиональную ин-

терпретацию наряду с другими доступными источниками и своим собственным опытом. Также Стайфф затрагивает тему влияния современных технологий на изменение самого понятия интерпретации.

Следует отметить, что вопросы использования технологий в сфере интерпретации культурного наследия входят в сферу интересов цифровых гуманитарных наук. Например, австралийский исследователь Пол Артур рассуждает об использовании цифровых методов в различных гуманитарных сферах, в частности в музейной практике, включая цифровую репрезентацию и коммуникацию, виртуальные выставки и другие онлайн-расширения физического опыта пользователя. Цифровое соучастие, по его мнению, может быть реализовано через интерактивные нарративные форматы, социальные медиа, коллективное авторство и Web 2.0.

Следуя за мыслью исследователей, мы делаем вывод: наследие должно быть вынесено из погрязших в бюрократии кабинетов в публичную сферу. Интерпретация наследия – это чрезвычайно важная общественная деятельность, где под общественным понимается не условно общественное обсуждение выбираемыми представителями власти, а открытая дискуссия всех заинтересованных членов общества [6]. С XIX века сфера наследия плавно перетекла в исключительно профессиональное русло и не обсуждалась повсеместно в отличие от, например, политики в отношении мигрантов и экологии, а ведь это не менее важно, так как на наследии основано прошлое, настоящее и будущее. Чем активнее публичная коммуникативная активность, тем больше возможностей для нахождения консенсусов, тем большей легитимностью обладает коллективная воля. Это крайне важно сейчас, в период конфликтов ценностей, которые все еще передаются при помощи односторонней коммуникации и становятся более значимыми из-за бездумного пассивного потребления.

Актуальные международные документы (например Хартия Бурра (2013), Рамочная конвенция Фаро (2005) и пр.) породили новый подход к интерпретации, увеличив количество заинтересованных участников и их роль в создании и потреблении продукта наследия. Так, Хартия интерпретации и презентации мест культурного наследия ИКОМОС (2008) – это попытка построить взаимодействие между сообществами, заинтересованными индивидами и профессионалами с использованием новых технологий и широким вовлечением всех акторов. Во многом благодаря этим документам появились новые голоса и новые темы в дискурсе интерпретации, в котором профессионалы рассматриваются как ретрансляторы эмпирической информации, а локальные сообщества будут передавать свою идентичность, «место как сознание». Сообщество наследия воспринимается в документе как «носители ценностей», при том, что эти ценности иногда сталкиваются, смешиваются, эволюционируют и заново создаются.

В новых проектах ИКОМОС, подразумевающих работу с сообществами, интерпретация видится как основа гражданского вовлечения, а не туристического развития. В рамках данного подхода интерпретация – это не попытки консервации сверху вниз, а групповая деятельность и выражение развивающейся групповой идентичности, осуществляемая наравне профессионалами и непрофессионалами. Интерпретация из дидактической превращается в перформативную. Чувство идентичности и общности не может быть навязано извне, так же, как и интерпретация, сплетенная из голых цифр и текста, не сможет вдохновить посетителя для того, чтобы увидеть культурный ландшафт как совокупность ценностей.

В рамках «экономики опыта» или «экономики развлечений», породившей классический подход Тилдена и его последователей, потребитель наследия не вносит вклад в формулирование национальной памяти или

определения социальной значимости, пассивно выбирая места для потребления и генерируя прибыль. Что же изменилось сейчас, и как на это повлияли развитие цифровых технологий и доступность информации?

Цифровые технологии, меняющие игру

С момента их зарождения технологии играли не прямую, но значимую роль в сфере культурного наследия. Можно провести параллель между трансформацией теоретических представлений об интерпретации наследия и практическим применением технологий. Если на начальном этапе развития речь шла исключительно об использовании инноваций непосредственно на объекте, то позже – и о виртуальных реконструкциях.

На протяжении последних десятилетий исследователи уделяют много внимания способам репрезентации и интерпретации наследия (совместное творчество, электронные образовательные проекты, цифровые архивы, производство нарративов, игры с использованием объектов наследия) с помощью цифровых технологий (VR/AR, 3D-моделирование, GIS, Bluetooth, QR и пр.), которые наравне с социальными медиа усилили вовлеченность пользователей в конструирование смыслов. Цифровые интерактивные приложения уже давно привлекаются для интерпретации наследия, и если прежде они использовались в основном для расширения возможностей репрезентации либо как платформа для размещения дополнительной информации, подготовленной профессионалами, то сейчас наблюдается смещение в сторону вовлечения сообщества и создания равенства среди множества голосов.

На начальном этапе применения цифровых технологий для интерпретации наследия преобладал классический подход, в котором за посетителем сохраняется роль пассивного потребителя информации. Доступ к ней мож-

Мобильное приложение Brest Stories Guide, посвященное событиям Холокоста в Бресте
Фото с презентации приложения

1 Краудсорсинг – привлечение к решению тех или иных проблем инновационной производственной деятельности широкого круга лиц для использования их творческих способностей, знаний и опыта по типу субподрядной работы на добровольных началах с применением информационных технологий.

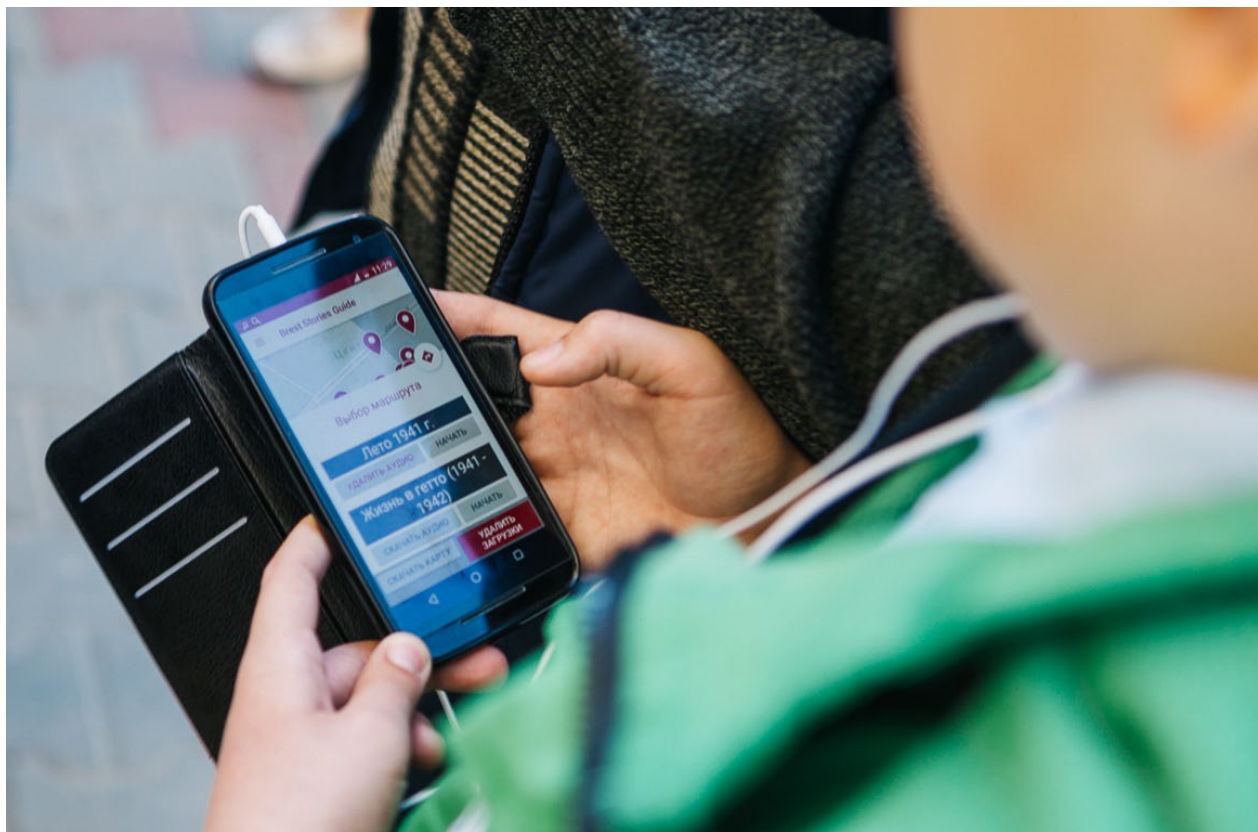
2 Иммерсивные технологии подразумевают трансформацию роли педагога, делая акцент на проектировании многомодальной виртуальной среды, создания сценариев погружения. За последние несколько лет «иммерсивность» в сфере образования была признана мощным и эффективным инструментом поддержки обучения.

но было получить при помощи сканирования QR-кодов, либо поднеся мобильное устройство к специальным устройствам, активирующим нужный пакет информации благодаря Bluetooth. На данном этапе речь идет скорее лишь о некоей интерактивности, развлекательной составляющей.

Следуя за технологическим прогрессом, интеграция цифровой репрезентации и краудсорсинга¹ для коммуникации и взаимодействия в сфере наследия превратилось в заметный тренд. Популярность совместного созидания как способа взаимодействия растет не только в интерпретации, но и в создании музейного продукта, управления наследием и пр. Открытые музейные коллекции могут быть использованы как в традиционном, так и в неформальном образовательном контексте для обмена мнениями между различными заинтересованными акторами. Более того, люди, объединенные в виртуальные сообщества, наделены возможностью создавать свой собственный цифровой культурный ландшафт, просто делясь фотографиями, аудио- и видеозаписями и нарративами. Виртуальные

игры, созданные на основе реальных ландшафтов, иногда с использованием дополненной реальности, используются для мотивации молодых пользователей к исследованию собственного наследия. Они побуждают их конструировать свое мнение, основанное на изучении предмета.

Дополненная реальность используется в качестве иммерсивной технологии², на основе которой приложения могут продвигать, например, ценность индустриального наследия и музеев в системе образования и других сферах. Благодаря этой технологии создается наложение реальностей, что способствует конструированию новых смыслов на стыке данных. Дополненная реальность может использоваться в качестве медиатора между целевой аудиторией и специалистами. 3D-моделирование и печать используются для дополнения существующих образов и переноса их в цифровую среду. Однако это сложно назвать инновацией с точки зрения интерпретации, так как происходит лишь упрощение и удешевление классического моделирования.

Интересен аспект использования комбинации технологий 3D-моделирования и виртуальной реальности для сохранения, репрезентации и интерпретации нематериального наследия. На сегодняшний день такие средства коммуникации как 3D-моделирование и анимация скорее делают возможной демонстрацию, нежели привносят что-то новое в интерпретацию.

В рамках некоторых проектов, связанных с наследием, широко используется концепция краудсорсинга в комбинации в GIS-технологией³. Например, вносимые пользователями данные собираются, обрабатываются и визуализируются.⁴ Добавив к такому сервису функцию обмена информацией, можно было бы создать настоящую социальную сеть для объектов наследия, в которой от их имени говорило бы сообщество.

Виртуальная среда активно используется для интерпретации культурного наследия и его устойчивого развития. Социальные медиа вносят значительный вклад в коллективную память сообщества через создание narra-

тивов и культурного выражения в фото- и видеоматериалах. Следует отметить, что под социальными медиа тут понимается любой цифровой инструмент, который позволяет быстро создавать контент и делиться им с другими пользователями: Facebook, Twitter, Instagram, YouTube и другие приложения, созданные для социального взаимодействия. Социальные медиа подчеркивают равноправие дискурсов, будучи доступными всем пользователям интернета для того, чтобы публиковать, обсуждать, читать и транслировать информацию бесплатно. Пользователи могут публиковать информацию и получать реакции мгновенно. Социальные сети позволяют усилить вовлеченность людей в тематику наследия, сделать их соучастниками интерпретации, предоставив им равные права с профессионалами отрасли.

Апробируя теоретические исследования в области партисипативной интерпретации, сотрудники музеев и объектов наследия активно используют социальные сети в своей деятельности, побуждая сообщество при-

³ Географические информационные системы, создающие привязки объекта к местности (карты).

⁴ Например, на базе платформы SOCH проекта Share Our Cultural Heritage (<https://soch.ncl.ac.uk/>)

Мобильное приложение Brest Stories Guide,
посвященное событиям Холокоста в Бресте
Фото с презентации приложения

нимать участие в конструировании смыслов вокруг наследия. Упомянутые ранее QR-коды могут быть использованы для перенаправления пользователя не только на страницу с профессиональной информацией, но и на публикации в социальных медиа, содержащие обсуждение объекта, что способствует соучастию и обогащает интерпретацию. Еще один подход — это создание историй с помощью сбора и анализа нарративов, публикуемых пользователями, например, постов и комментариев в Facebook. Это позволяет проникнуть в сознание сообщества и понять его мысли и ожидания.

Классическая интерпретация застряла в трясине, где «как» стало более важным, чем «почему» и «зачем». Ответ на вопрос «зачем» лежит как раз в широкой социальной функции интерпретации наследия как глубокой рефлексии над правами и ролью неэкспертной публики в формировании и развитии взглядов на прошлое. Концепция коммуникативного действия обладает большим потенциалом в переосмыслении теории интерпретации наследия, а цифровые технологии делают это возможным благодаря созданию удобных платформ для публичных дискуссий.

Современные цифровые технологии могут не только успешно дублировать аналоговые источники, но и являться действенным инструментом соучастия в интерпретации наследия. Они создают новые формы взаимодействия и партисипации, наделяют наследие уникальными смыслами и способствуют более глубокому его пониманию [6]. Профессионалы наследия должны критически оценить достоинства и недостатки цифровых технологий, чтобы этически адаптировать их к текущим определениям, ценностям и нормам и при этом полностью реализовать потенциал инноваций.

Использованная литература

- [1] Tilden, Freeman. *Interpreting our Heritage*. University of North Carolina Press, 1977. 224 p.
- [2] Smith, Laurajane. *The Uses of Heritage*. Routledge, 2006. 368 p.
- [3] Uzzell, D. *Heritage Interpretation in Britain Four Decades after Tilden* // *Manual of Heritage Management* (Ed. Rodney Harrison). Oxford: Butterworth-Heinemann, 1994. P. 293–302.
- [4] Lowenthal, David. *The past is a foreign country*. Revised. Cambridge: University Press, 2015. 680 p.
- [5] Staiff, Russell. *Re-imagining heritage interpretation: enchanting the past-future*. Routledge, 2014. 208 p.
- [6] Silberman, N. A., *Heritage Interpretation as Public Discourse: Towards New Paradigm* // *Understanding Heritage* (Ed. Albert M., Bernecker, R., Rudolff, B.). De Gruyter, 2013. P. 21–34.

Дарья Бикмансурова

арт-менеджер, продюсер культурных проектов, студентка магистерской программы ЕГУ «Развитие культурного наследия». С 2008 по 2011 годы участник «Пермской культурной революции». За последние 10 лет сделала более 200 выставок современного искусства. В 2020 году переехала из Москвы в Вильнюс, где увлеклась Европейским наследием.

Фото Алексея Гуцина

(раз)архивировать
Художественные практики обращения
к архивам
Введение к исследованию

Дарья Бикмансурова

(De)archive
Artistic Practices of Accessing Archives
Introduction to Research

Darya Bikmansurova's article is written in a form of introduction to her research project, devoted to archival art practices. Being a curator herself, she is enormously interested in the way the artist acts in an archive, how he uses archival methods and creates his own collections. Artists' attention to archives is a growing phenomenon which may illustrate also the changing nature of heritage and history and our attempts to deal with it as well as our attitudes towards the past and our own identity. Darya Bikmansurova is a student of European Humanities University's MA program Cultural Heritage Development.

Как сказал исследователь памяти Пьер Нора, мы живем в эпоху архивов. Количество архивов, стремящееся к бесконечности, и отсутствие уверенного ответа на вопрос «Что нам со всем этим делать?» вызывает во мне исследовательский задор. Поскольку сферой моей профессиональной деятельности являются музеи и художники, я хотела бы посмотреть на проблемы архивов через призму искусства. В этой статье я расскажу о том, как собираюсь исследовать художественные практики и чему при работе с архивами нас могут научить художники.

Саша Галицкий и его архив стариков

Много лет назад я участвовала в организации выставки израильского художника Саши Галицкого в музее современного искусства ПЕРММ. Саша Галицкий много лет работает с израильскими домами престарелых, ведет там занятия по арт-терапии с 90-летними

стариками. Мы показывали его проект ДРЕВЕНЕЮЩИЕ, включающий в себя фотопортреты этих стариков, поверх которых Саша рисовал свои рисунки. Когда мы познакомились, я узнала, что во время занятий Саша слушает, а потом записывает истории стариков, которые в силу возраста являются свидетелями Второй мировой войны, Холокоста, создания государства Израиль.

Сашин архив историй состоит из воспоминаний, мемуаров, а также произведений, которые старики создают на занятиях по арт-терапии. Из данного архива вырос Музей искусства пожилых людей, ставящий целью сохранение памяти их поколения ради поколений будущих. Музей существует в виде сайта в Интернете, где публикуются истории и фотографии из Шашиного архива.

Почти все эти истории хранятся и в международном институте исследований Холокоста Яд-ва-Шем, собирающего фотографии, документы и личные артефакты о шести миллионах евреев, уничтоженных во время Холокоста, а также о многочисленных еврейских общинах, разрушенных в этот период. Казалось бы, главный государственный архив еврейской памяти уже собирает эти истории, зачем же собирать их заново художнику Саше Галицкому?..

Архивы подобны пещерам, в которых под светом фонаря исследователя проявляются контуры прошлого. Мы не можем разглядеть истории отдельных людей, когда они находятся среди тысяч подобных историй, мы можем уловить только общий нарратив, но мне кажется, что наступила эпоха «маленьких историй». Когда Саша Галицкий в своих произведениях рассказывает историю конкретного человека, эта история перестает быть одной из многих. Эмоциональное и эмпатичное ее восприятие открывает новый уровень прочтения архивной памяти.

Этот вопрос лег в основу моего исследования: могут ли художественные практики обращения к архивам привнести новые смыс-

лы в осознание роли архивов и в работу с наследием? Исходя из того, что мы бесконечно производим контент, являющийся фиксацией наших воспоминаний, и чужие воспоминания находятся теперь в нескольких кликах от нас, можно ли говорить о том, что все мы производим архивы памяти прямо сейчас? И что мы должны делать с этим огромным массивом данных, чтобы извлечь из него какую-то ценность?

Художникам присуще умение решать проблему, не имея всех необходимых данных (которые в этом случае домысливаются). Любое художественное произведение устремлено в будущее. Возможно поэтому исследование художественных практик при работе с архивами даст нам какие-то новые инструменты в работе с ними.

Например, выставочный проект Засушенному – верить использует коллекции гербариев Государственного биологического музея им. К. А. Тимирязева и его партнеров в конструировании памяти о прошлом. Растения становятся главным свидетелем и рассказчиком трагичной истории, архивным документом. На основе растительного материала в экспозиции языком геоботаники представлены свидетельства перемещений людей и растений во времена ГУЛАГа. «Эта выставка о памяти, хрупкости и неявных следах, – говорится в описании выставки. – Возле разрушенных лагерных бараков найдены травы, проросшие за несколько тысяч километров от родных мест. Трав больше нет, как и подневольных людей, оставшихся лежать в лесу без могил и имен. Но есть листы гербария, они – документ, подтверждающий, что переселенцы – люди и травы – были. Дополняя естественнонаучными свидетельствами архивные документы и фотографии, мы можем уверенно сказать, что истлевающие в лесу бараки построены заключенными» [1]. На примере этой выставки мы видим, что при обращении к архиву гербариев Государственного биологического музея им. К. А. Тимирязева кура-

тору выставки Надежде Пантюлиной удалось не только рассказать историю перемещения заключенных Соловецкого лагеря на лесозаготовки, но и доказать, например, существования лагерных бараков там, где официально их не признавали.

Хочется верить, что в обозримом будущем мы настолько продвинемся в обучении искусственного интеллекта, что сможем применить его и в практиках работы с архивами, но пока этого не произошло, давайте попробуем найти новые доступные способы работы.

Пьер Нора и бум архивов

Прежде чем обратиться к самим художественным практикам, необходимо пояснить, почему мы говорим о том, что архивы очень важны для нашего времени.

Французский историк и исследователь памяти Пьер Нора называет современную эпоху мемориальной. После всех потрясений XX века у человечества появилась потребность осмыслить и отрефлексировать эти события. Пьер Нора называет две основные причины потребности помнить.

Во-первых, демократизация памяти. Историки и ученые теряют монополию на написание истории. Происходит бум архивов и архивирования. Каждый может стать исследователем как минимум истории своей семьи. Каждый может получить доступ к архиву или создать свой собственный.

Во-вторых, «ускорение истории». Историческое время перестает быть линией от прошлого к будущему. Теперь основным измерением исторического времени становятся изменения, которые все сильнее разрывают связь с прошлым. Если раньше, по мнению Нора, настоящее было лишь связующим звеном между прошлым и будущим, призванным сохранить для будущего поколения опыт предыдущего, то теперь будущее становится неопределенным. Мы обладаем огромными

ресурсами для того, чтобы архивировать и хранить воспоминания, но «мы не знаем, что нужно будет знать о нас нашим потомкам, чтобы разобраться в самих себе» [2].

Бум архивов и архивирования ставит перед академическим сообществом новые вопросы об определении понятия «архив». В свою очередь, «архивный поворот» в работе с исторической памятью в музеях повлиял на художественные и кураторские практики – многие современные художники и кураторы также стали использовать архив как центральный объект своего творчества.

Термин «архивное искусство» употреблялся американским критиком Холлом Фостером еще в середине 1990-х [3]. Диапазон архивных выставок разнообразен – от поиска информации в архивах до создания и показа собственных архивов, от вопросов, как и почему создаются архивы, что в них пропущено, исключено, до их реинтерпретации. Сюжеты этого искусства связаны с темами памяти и забвения, письмами и следами истории, альтернативами по отношению к доминирующим дискурсам. Как следствие этой тенденции, ставшей популярной десятилетие назад, появилась фигура «художник как архивист».

Художественные практики работы с личной памятью интересуют многих исследователей, однако зачастую это происходит в контексте творческого метода художника. Например, Джоан Гиббонс каталогизировала методы художников в книге Современное искусство и память: образы припоминания и памяти [4]. Куратор Окуи Энвезор на выставке Архивная лихорадка: использование документа в современном искусстве [5] одним из первых поставил вопрос о способах репрезентации памяти в современном искусстве, обратив внимание на архив как один из способов организации выставки. Тем не менее, Энвезора интересует документ как инструмент художника и архив как оптика взгляда на память, а не подвижный процесс, включающий не только художника, но и историка с архивистом.

Несмотря на то, что исследователи активно обращаются к вопросам репрезентации памяти в современном искусстве, их работы носят отрывочный характер и не касаются вопросов связи художественного и социального. Другими словами, как способы работы с памятью, выбираемые художниками, связаны с историей, которую они рассказывают, с ее носителем? Когда мы говорим об искусстве, находящемся в поисках способов репрезентации памяти, носители этой памяти зачастую оказываются невидимыми.

Важность документации в новых художественных и музейных практиках, слияние архивной и музейной деятельности, «взаимопроникновение» архива и современного искусства последние 25 лет активно обсуждаются исследователями. Среди них Жак Деррида, Хэл Фостер, Клэр Бишоп. Тем не менее, анализ российских примеров, а также исследования

на русском языке по этой теме представлены не в полной мере.

Архивы присутствуют в нашей жизни повсюду, как в академическом дискурсе, так и в популярной культуре. Даже в социальной сети Instagram существует вкладка «архив», предлагающая совершить путешествие во времени и посмотреть на наши старые фотографии. С другой стороны, изменение названия Общественного архива Великобритании на Национальный архив предполагает, что архивы являются не столько государственным инструментом, сколько коллективным «банком памяти».

Однако наши чувства к архивам неоднозначны. В инсталляции Ильи Кабакова Человек, который никогда ничего не выбрасывал у главного героя есть комната, заполненная мусором всей его жизни, свидетельствующая об итоге бессмысленных уси-

лий по классификации и записи всех связей между предметами. «Простое чувство говорит о ценности, важности всего... это память, связанная со всеми событиями, связанными с каждой из этих бумаг. Лишить себя этих бумажных символов и свидетельств значит лишиться некоторой степени своей памяти. В нашей памяти все становится не менее ценным и значимым. Все пункты наших воспоминаний привязаны друг к другу. Они формируют цепи и связи в нашей памяти, в конечном итоге составляющие историю жизни» [6, 33].

По словам Пьера Нора, все наше общество живет ради архивного производства. В то время, когда мы все чувствуем себя перегруженными информацией, архивирование может показаться нам более авторитетным способом хранения информации, имеющим ценность и смысл.

В статье *Архивоведение и постмодернизм: новые формулировки старых концепций* [7] Терри Кук рассматривает, как постмодернизм повлиял на архивоведение, и описывает изменение термина «архивная наука». Оно связано с заметным изменением в самой причине существования архивных учреждений или, по крайней мере, государственных и финансируемых государством архивов. За последнее столетие произошел коллективный сдвиг от юридически-административного обеспечения архивов, основанного на концепциях государства, к социально-культурному, основанному на широкой государственной политике и общественном использовании. Этот широкий сдвиг частично отражает доминирование историков как движущей силы в подготовке архивистов в течение столетий, а также отчасти меняющиеся ожидания граждан о том,

Фрагмент инсталляции «Объекты его жизни» Ильи и Эмили Кабаковых (2005) в экспозиции «В будущее возьмут не всех»
Фото Arterritory.com

какими должны быть архивы и как прошлое должно быть задумано, защищено и доступно. Архивы традиционно были основаны государством для служения государству как часть его иерархической структуры и организационной культуры. Таким образом, закреплённая концепция с тех пор была принята практически всеми архивными учреждениями мира, включая даже частные архивы. В новом же столетии задача архивной науки заключается в открытии архивов народу и поощрении их использования. Архивы больше не являются закрытой территорией, где профессионалы могут удовлетворить свой интерес к истории или личному взаимодействию с историками и другими учеными. Архивы теперь являются общественным достоянием, служат обществу, а не государству.

Другие фундаментальные принципы, лежащие в основе теории и практики архива, – аутентичность и контекст записи – также в высшей степени подвергаются постмодернистской критике, требующей не принимать документ за чистую монету, а скорее смотреть на процесс его создания.

Кэролин Смит [8, 93] в статье об «архивной лихорадке» описывает, как исследователи, ищущие определенную информацию, не могут смириться с ее отсутствием. Есть ожидание полноты. В реальности же архив можно охарактеризовать и через пробелы. Именно это влечет туда художников: слои смысла, выходящие за рамки непосредственного информационного содержания.

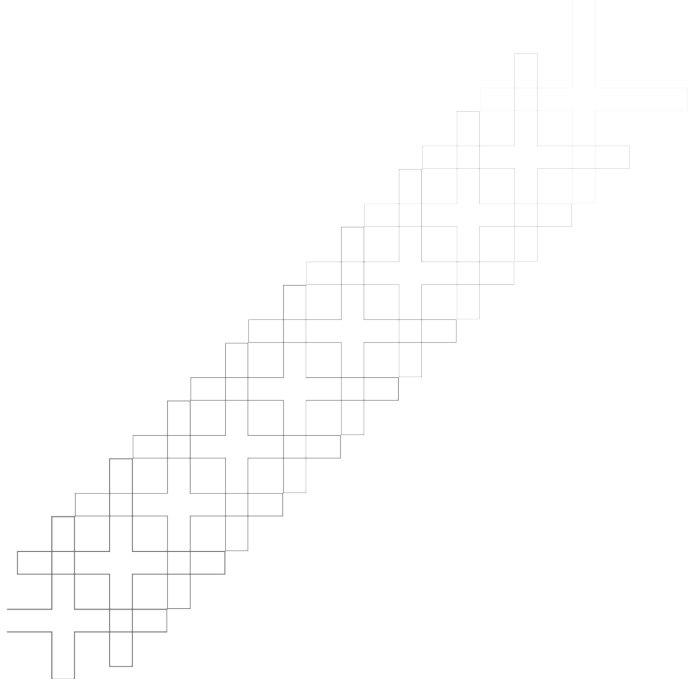
Заключение

В новых условиях создания, курирования и потребления архивов я хотела бы увидеть новые отношения между архивариусом, художником и исследователем. Там, где границы понятия «наследие» менее определены, необходимо обмениваться информацией и практикой на стыке разных дисциплин. Не только архивисты и приходящие к ним ис-

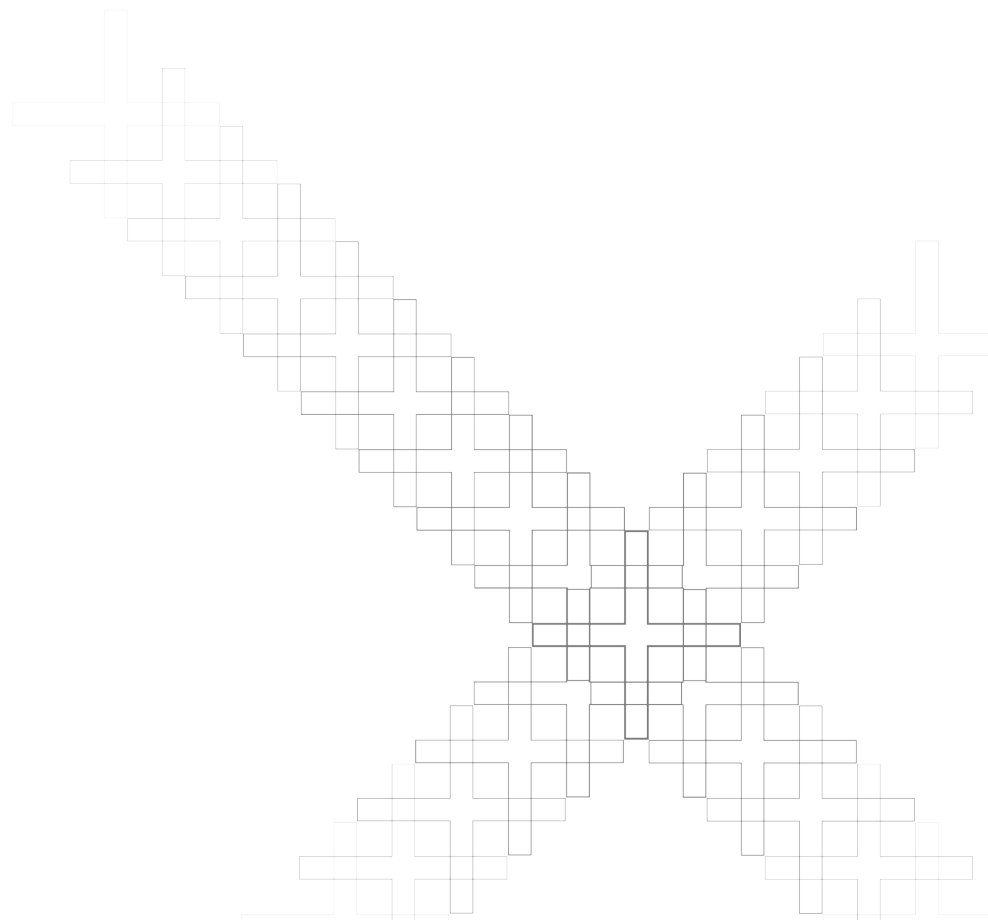
следователи, но также и художники должны включаться в работу с наследием. В своем исследовании я выделяю лучшие художественные практики визуального искусства (живопись, графику, фотографию и инсталляции) в работе с архивами и смотрю, как их можно классифицировать. При этом я намеренно сужаю поле исследования, исключая из него театр, музыку и кино. В рамках интервью с кураторами и художниками важно выделить те механизмы, которые они используют при обращении к архивам. Итогом исследования станет попытка создать собственный кураторский проект на основе архива, собранного художником Сашей Галицким. Ведь любое использование архива – это уникальное и неповторимое путешествие.

Использованная литература

- [1] Проект «Засушенному – верить» // <http://zasushennye.ru> (18.10.2021).
- [2] Нора, Пьер. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас, № 2, 2005, <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (18.10.2021).
- [3] Фостер, Хэл. Архивный импульс // Художественный Журнал, № 95, 2015, <http://moscowartmagazine.com/issue/10/article/133> (18.10.2021).
- [4] Gibbons J. Contemporary Art and Memory: Images of Recollection and Remembrance. London: I. B. Tauris, 2007. 240 p.
- [5] Fowkes M., Fowkes R. Unframed Landscapes: nature in contemporary art // NEME, <http://www.neme.org/texts/unframed-landscapes> (18.10.2021).
- [6] Kabakov, Ilya. The Man Who Never Threw Anything Away // The Archive (ed. Charles Merewether). Massachusetts: MIT Press, 2006. 208 p.
- [7] Cook, Terry. Archival Science and Postmodernism: New Formulations for Old Concepts // Archival Science, № 1, 2001. P. 3–24.
- [8] McShine, Kynaston (ed.). The Museum as Muse: Artists Reflect. New-York: The Museum of Modern Art, 1999. 296 p.

Европейское наследие
как **ЭКСПЕРИМЕНТ**

Майя Качнельсон

основатель и куратор Центра белорусско-еврейского культурного наследия. Куратор проектов в сфере культуры и наследия с 10-летним стажем, главный куратор коллекции классической советской фотографии Borodulin Collection.

Григорий Хейфец

куратор проекта Belarus Shtetl, еврейский эдукатор (Jewish educator), специалист по маркетингу цифровых продуктов.

Фото Александра Васюковича

Виртуальная реконструкция Слонимской синагоги

Как мы это сделали?

Григорий Хейфец, Майя Кацнельсон

Virtual Reconstruction of the Slonim Synagogue

How Did We Do It?

The article describes the work on creating a VR reconstruction of the Slonim synagogue – a unique site of Jewish heritage in Belarus, that currently is in need for urgent conservation. A team of heritage experts, conservators and IT-professionals was developing not only a VR model of the synagogue, but also a tour along the virtual site, allowing “visitors” to learn about the history and culture of the Jewish community. The model, both its interior and exterior were based on unique archival materials. The project was implemented in 2020–2021 by the Belarusian-Jewish Cultural Heritage Center.

В апреле 2021 года в Минске состоялась презентация пилотного объекта мультимедиа-проекта Belarus Shtetl: VR-тур и реконструкция Большой хоральной синагоги в Слониме. Амбициозный проект объединил усилия исследователей, историков, реставраторов, художников, 3D-дизайнеров и IT-инженеров. Он совместил информацию из архивов с высокотехнологичным моделированием – все для того, чтобы воссоздать и сохранить один из наиболее значимых объектов еврейского архитектурного наследия в Европе.

Большая хоральная синагога в Слониме была возведена в 1642 году еврейской общиной и является памятником архитектуры в стиле барокко. В XVIII веке синагога была несколько перестроена, хотя часть первоначальной лепнины и росписей сохранилась. Здание было сильно повреждено пожаром в 1881 году. Сразу после него община возобновила там свою деятельность, однако сделала

это без разрешения властей, вследствие чего синагога была опечатана полицейским надзирателем. Большая синагога пережила Холокост, после войны использовалась в качестве склада, затем – как торговое помещение. Последнее, что находилось в уникальном памятнике истории – склад мебельного магазина. Благодаря такому использованию большинство ее первоначальных черт, в том числе фрески в верхнем регистре стен, сохранились. После распада Советского Союза в 1991 году здание было возвращено белорусской еврейской общине и с тех пор стоит заброшенным, постепенно приходя в упадок.

В 1990–2000 годах был произведен частичный снос боковых приставок, составлявших оригинальную и неотъемлемую часть синагоги. Главный молельный зал все еще стоит, но фрески быстро тускнеют. В 2018 году согласно выводам исследования Института еврейского искусства Еврейского университета в Иерусалиме Слонимская синагога попала в число четырех наиболее важных синагог Европы, нуждающихся в восстановлении. В Беларуси она входит в Государственный список историко-культурных ценностей.

В 2020 синагога была приобретена на государственном аукционе. Покупательницей стала писательница из Минска Иоанна Ривз. Однако реальная реставрация все еще остается далекой перспективой.

Организатором проекта выступил Центр белорусско-еврейского культурного наследия в партнерстве с Гёте-Институтом в Беларуси, куратором – Григорий Хейфец. Проект был реализован в рамках программы Восточного партнерства при поддержке МИД Германии.

Центр белорусско-еврейского культурного наследия – некоммерческое учреждение, созданное в 2019 году для сохранения, развития и популяризации белорусско-еврейского наследия, исследования особенностей истории евреев в Беларуси и взаимосвязи этих культур.

Еврейский народ всегда был неотъемлемой частью белорусской истории. В начале XX века

Оригинальные детали и росписи в
Слонимской синагоге
Фото Григория Хейфеца

более 60 % всего городского населения на белорусских землях составляли евреи. Вторая мировая война, Холокост, массовая эмиграция и советская идеология оказали разрушительное воздействие на культуру белорусских евреев: еврейское наследие и его роль в истории Беларуси и Европы до сих пор остаются не известными современным жителям.

Миссия Центра – утверждение темы еврейского наследия Беларуси как национального достояния и внутри страны, и в глобальном масштабе, а также содействие более полной и объективной его репрезентации. Одна из главных задач Центра – создание до сих пор несуществующего у нас Еврейского музея как полноценной и современной платформы, включающей культурный, исследовательский и образовательный компоненты.

VR-реконструкция (VR – это виртуальная реальность) Слонимской синагоги стала пилотным объектом более масштабного проекта – мультимедиа-экспозиции Belarus Shtetl. Этот проект направлен на актуализацию еврейского культурного наследия Беларуси и переосмысление истории белорусских евреев с помощью новых технологий и современных средств коммуникации. Частично идея родилась из одноименного проекта Григория Хейфеца, рассказывающего о бывших еврейских местечках Беларуси через изображения текущего состояния синагог, улиц, кладбищ, иешив и обычных жилых домов в виде принтов на футболках, блокнотах, шопперах и другом мерче.

Штетл означает «местечко». Так назывались небольшие города с преобладающим еврейским населением, существовавшие в Восточной Европе до Холокоста. Это слово на идише, бывшем когда-то одним из четырех государственных языков в Беларуси. Штетл – важная часть еврейской истории и настоящий культурный феномен. В планах нашего большого проекта – работа над VR-реконструкциями еще нескольких объектов, каждый из которых олицетворяет разные пе-

риоды, территории и архитектурные стили, а также разработка мультимедиа решений для воссоздания среды штетла.

Думая о решениях для будущей экспозиции Еврейского музея в Беларуси, которые смогли бы найти свое место независимо от того, где и когда он возникнет, физически или виртуально, мы пришли к идее создания цифрового проекта. Поскольку большинство материальных объектов еврейского наследия уничтожено, а то, что сохранилось, разбросано по всей стране и находится не в самом презентабельном виде, цифровые решения и VR-реконструкция – это возможность рассказать цельную историю еврейского местечка, а также относительно экономичный и быстрый вариант «сохранения», в отличие от физической реконструкции и консервации. При этом проведенная работа, безусловно, внесет вклад и в реальную реконструкцию, если она случится.

Идея VR-тура и реставрации уникальна, она родилась из анализа ситуации, характерной именно для Беларуси. В процессе подготовки и создания проекта мы ориентировались на опыт коллег из лучших современных музеев мира, использующих современные инструменты работы с наследием, однако аналога именно такой детальной виртуальной реконструкции синагоги с иммерсивной экскурсией в виртуальном пространстве мы не нашли, что стало дополнительным вызовом – создать качественный продукт, не опираясь на референсы. Наконец, когда мы задумывали проект Belarus Shtetl, о пандемии COVID-19 еще никто не знал, однако нам удалось предвосхитить востребованность цифровых проектов и адаптировать свою деятельность к меняющимся внешним условиям.

Результатом почти годовой работы команды стало создание 15-минутной виртуальной экскурсии по Слонимской синагоге времен ее расцвета (XVII–XIX веков).

Команда и описание проделанной работы

Для виртуальной реставрации синагоги команда проекта несколько месяцев работала над сбором материалов: документов, чертежей, фотографий и воспоминаний. Мы не случайно выбрали для пилотного проекта именно Слонимскую синагогу. Она – одна из наиболее изученных в Беларуси. Также мы воспользовались открытой базой Иерусалимского института еврейского искусства, где нашли большое количество старых фотографий, а также ценнейшие тексты с описанием архитектурных деталей. Неизвестные ранее фотодокументы 1930-х годов позволили реконструировать утраченные фрагменты росписей и мебельного декора интерьера синагоги. Дополнили картину найденные в архиве Яд Вашем фотографии интерьера синагоги 1939 года – последний момент, когда синагога еще не была разрушена и действовала. Также был произведен анализ дошедших до нас синагогальных росписей Восточной Европы.

Несмотря на то, что множество фото- и иных документов находились в открытом доступе, основной базой виртуальной реконструкции Слонимской синагоги стали обмерные чертежи, выполненные творческой реставрационной мастерской «Басталия» в 1991–1993 годах. Они могут быть применены и для полномасштабной физической реставрации Слонимской синагоги. Мы очень рады, что проделанная мастерской работа наконец-то смогла найти достойное применение.

В ходе нашей работы художник-реставратор Игорь Кныш выдвинул гипотезу, что все стены синагоги были расписаны, но мы не до конца знаем содержание росписей. Для этого нужно осуществлять зондажи и слой за слоем исследовать стены и их покрытия. К сожалению, полноценное исследование текущего состояния синагоги не проводилось, но, несмотря на аварийное состояние здания, мы все еще можем наблюдать множество оригинальных деталей и росписей.

Реставрационная мастерская «Басталия» стала полноценным участником проекта и проделала колоссальную работу по реконструкции и отрисовке интерьера. Их художники не просто ювелирно реставрировали каждую деталь, но и стали настоящими вдохновителями, каждый раз погружая нас в контекст синагогальной архитектуры, фольклора и языка идиш, сопровождавшего весь рабочий процесс.

Эту атмосферу разделила и техническая команда из компании «Экспозит». Специалисты по технической реализации проекта мы выбирали среди ведущих белорусских IT-компаний, специализирующихся на виртуальной реальности. Для нас было принципиально важно, чтобы это была именно белорусская компания, искренне заинтересованная в проекте. В итоге в команде оказались очень неравнодушные и талантливые люди, сделавшие совместную работу по-настоящему теплой и вдохновляющей.

Реконструкция Слонимской синагоги в виртуальной среде – это уникальный опыт погружения в культурный контекст, в котором историческое наследие и новые технологии соединяются в единое решение. Технология

VR дает возможность в прямом смысле прикоснуться к истории. Это настоящий иммерсивный опыт полного погружения в прошлое и ощущения себя его участником. Сочетание исторической архивной информации и высоких технологий помогло создать интерактивное решение визуализации.

Разработку проекта мы начали с посещения исторического здания в Слониме, чтобы лучше понять архитектуру здания и создать реалистичную 3D-модель синагоги. Для этого разработчики выбрали технологию Unity, чтобы при необходимости иметь возможность быстро адаптировать решение для других устройств (например, для смартфона). Воссоздание объекта в виртуальной среде включало следующие элементы детализации:

- геометрия, текстуры для интерьера и экстерьера основного здания;
- окружение (улицы, дома, деревья, трава и прочее);
- экстерьер без дополнительных пристроек;
- воссоздание интерьера на основании цифровых материалов;
- воссоздание сложных барельефов (герб, колонны).

Как это выглядит?

В основу виртуального тура легла тщательно разработанная реалистичная 3D-модель синагоги с детализацией экстерьера и интерьера. Используя VR-шлем, пользователь может выбрать свободное перемещение либо экскурсию. Тур реализован по специальному сценарию, а для создания атмосферы использован специально разработанный звуковой фон (его громкость меняется в зависимости от перемещений пользователя).

Во время экскурсии пользователь знакомится с еврейской историей и культурой, с историей синагоги, «посещает» здание в его оригинальном виде с восстановленной архитектурой, росписью стен, фресками, взаимодействует с элементами, рассматривая их с помощью «увеличительного стекла». Звуковое сопровождение включает в себя архивные аудиозаписи, вероятно звучавшие в этой самой синагоге более 100 лет назад. В конце сеанса добавлена возможность переключиться на сегодняшнее время, в реальный слой, и сравнить синагогу после виртуальной

реставрации с ее нынешним, запущенным, состоянием. Экскурсия записана на русском и английском языках.

Ключевой реализованный функционал:

- создание 3D-модели синагоги в первоначальном виде и 360-view актуального состояния синагоги;
- поддержка VR-шлема без джойстиков с возможностью взаимодействия с элементами удержания взгляда (перемещение в определенную позицию, просмотр информации);
- реализация определенного сценария экскурсии по синагоге в виртуальной среде (передвижение через точки, музыкальное сопровождение).

Маршрут и текст экскурсии составлял куратор проекта Григорий Хейфец. В виртуальном туре пользователь с самого начала оказывается в ночном Слониме прошлого. Мы нарочно не привязывались к конкретной дате или даже веку, т. к. за годы существования здание сильно видоизменялось и, к сожалению,

VR-реконструкция
интерьера синагоги
Проект Belarus Shtetl

нию, не все переходы его состояний зафиксированы в привязке к конкретным датам. Поэтому мы выбрали следующее решение: мы хотим показать синагогу в лучшем виде за всю ее историю.

Мы довольно долго «играли» со светом и искали оптимальное решение. Остановились именно на сумерках, т. к. в таком свете синагога выглядит монументально и немного мистически, как некий призрак Слонима. Нам было важно начать экскурсию именно снаружи, чтобы показать со всех сторон экстерьер здания – сочетание барочной легкости и оборонительной массивности. Мы восстановили окружение синагоги, используя архивные фотографии: несколько домов мы реконструировали, а неподалёку расположили еврейское кладбище, и, конечно, постарались добавить элементы рыночной площади, в центре которой находилась синагога.

Во время тура посетители обходят синагогу и заходят внутрь, где их встречают звуки синагогальной службы. В архивах мы нашли записи служб Слонимской общины. Мы точно не можем сказать, проходила ли служба в стенах конкретно этой синагоги согласно этой записи, но это вполне вероятно.

Далее посетители погружаются в детали интерьера, слушая объяснения значений всех росписей. Во время экскурсии они проходят основные «точки интереса» – арон а-кодеш, бима и женская галерея. Есть блок, где посетители стоят в центре бимы и слушают фрагменты аудиозаписей. Каждая из них – момент в службе, посвященный совершенно разным событиям – брит мила, бар мицва, хупа, кадиш, Йом Кипур, Девятое ава.

С помощью экскурсии мы передаем понимание богатой культурной и духовной жизни общины, погружаем в историю Слонима и местечка в целом, показываем, что с синагогой была связана целая жизнь, все важные вехи в жизни человека, что это не только дом для молитвы.

В наших проектах нам важно добиться глубины восприятия – мы показываем не только величественность здания и его богатую историю, но и то, в каком состоянии оно находится сейчас, и почему так случилось. Через сильное эмоциональное воздействие мы обращаем внимание на проблему этого наследия.

Презентация проекта

Для презентации проекта мы выбрали площадку культурного центра «Корпус» ввиду ее доступности, популярности среди молодежи и современной концепции лофт, в которую идеально вписалась наша инсталляция.

Исходя из возможностей – у нас был только один VR-шлем – вместе с командой «Корпуса» мы разработали решение, в котором пользователь, проходящий виртуальную экскурсию, является частью экспозиции, и все, что он видит, транслируется на проекторе за ним. Также для атмосферы фоном звучит специально разработанный звуковой ряд из белорусско-еврейских мелодий, которые мы использовали в одноименном музыкальном подкасте, и звуков из самой экскурсии. Больше никаких декораций – полный контраст между современным интерьером и той реальностью, в которую погружается человек в VR. Таким образом, посетители получают разный опыт и ощущения – как во время ожидания, так и во время VR-погружения.

Среди посетителей было много молодежи и, несмотря на сложную новостную повестку, проект вызвал широкий резонанс, о нем узнало огромное количество людей. В качестве гостей экспозицию посетили послы Великобритании, Франции, Германии, Австрии и Израиля.

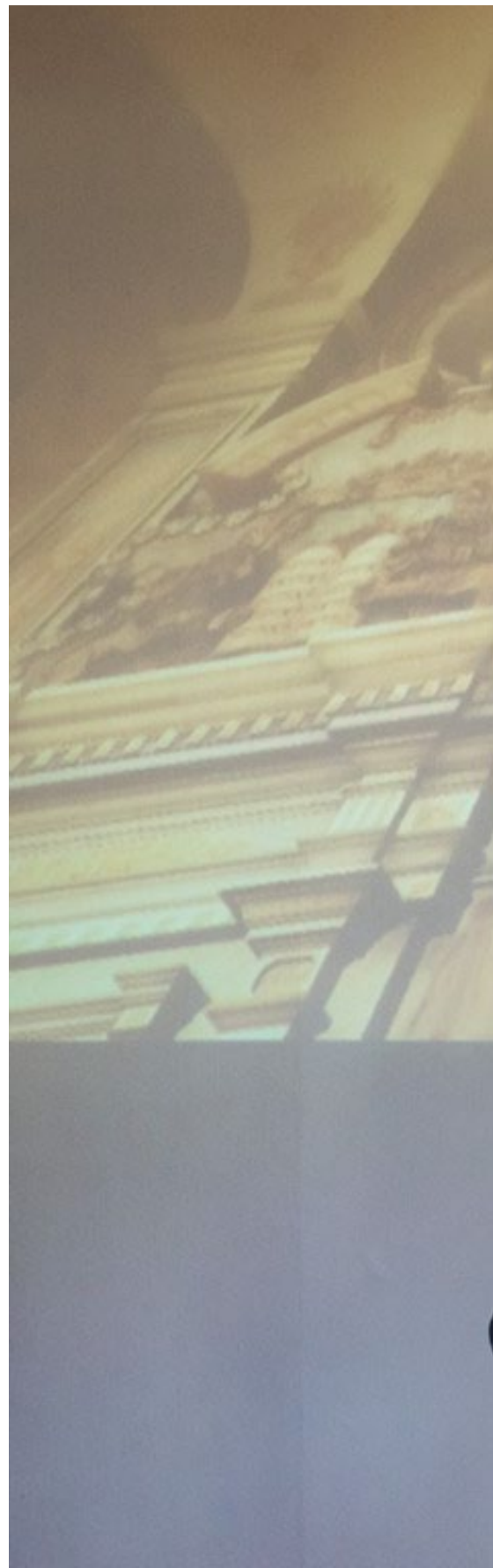
VR-погружение дает очень сильное эмоциональное впечатление, не сравнимое с просмотром ролика на экране. После посещения выставки многие наши гости поехали в Слоним посмотреть на синагогу вживую.

Презентация VR-реконструкции
Слонимской синагоги
Фото Александра Васюковича

Проект был высоко оценен и в профессиональной среде: мы получили приглашения представить его на международных конференциях и в различных музеях мира.

Проект Belarus Shtetl задуман как масштабная мультимедиа-экспозиция, исследовательская работа, представленная в виде компиляции интересных и свежих технических решений с дополненной и виртуальной реальностью, адаптированных под любой смартфон. Экспозиция сможет стать не только основой и прототипом будущего реального музея, но и продолжит существовать в гибридном формате, доступном каждому из любой точки мира. Подчеркивая особенность белорусско-еврейской истории, виртуальное решение дает возможность наследникам и выходцам из Беларуси «посещать» этот музей.

Приступая к работе над Belarus Shtetl, мы начали с VR-реконструкций как оптимального решения для архитектурных памятников и планируем сосредоточиться на пяти основных синагогах, отображающих всю палитру архитектурного еврейского наследия Беларуси: они принадлежат к разным географическим локациям, эпохам и стилям. Мы видим этот проект как живой организм, открытый для новых идей, сотрудничества и партнерства.

Олег Виниченко

историк, магистр ЕГУ, сотрудник Академического департамента гуманитарных наук и искусств. Круг интересов: теория и практика охраны и интерпретации материального культурного наследия; современные информационные технологии как способ сохранения и интерпретации культурного наследия; культурное наследие Первой мировой войны.

Фото Mindaugas Mikulėnas

Наследие и конфликт

Европейские идеи и инструменты работы с культурными ценностями

Летняя школа

Олег Виниченко

Heritage and Conflict

European Ideas and Tools for Working with Cultural Values

Summer school

The article of EHU graduate and faculty Aleh Vinichenka summarizes the outcomes of the international summer school, conducted in online format on 16–19.08.2021. The event gathered several international heritage experts and more than 70 students, most of whom were Belarusians living in about 10 countries of the world (heritage activists, conservators, museum workers and undergraduates). Expert lectures were accompanied with individual work, group discussions and joint reflexive sessions. Participants were discussing cases of heritage and memory conflicts in Belarus and the EU, using different theoretical and methodological perspectives, and also examining and comparing conflict cases from their practice.

16 –19 августа 2021 года в дистанционном формате состоялась международная летняя школа **НАСЛЕДИЕ И КОНФЛИКТ: ЕВРОПЕЙСКИЕ ИДЕИ И ИНСТРУМЕНТЫ РАБОТЫ С КУЛЬТУРНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ**.¹ Организаторами мероприятия выступили Европейский Гуманитарный Университет (Вильнюс, Литва), Белорусский комитет ИКОМОС (Минск, Беларусь), Летучий Университет (Минск, Беларусь), Natverkstan Kultur (Швеция).

В связи с политическими, эпидемиологическими и транспортными обстоятельствами проведение летней школы на территории Литвы в очном формате, как это изначально планировалось, стало невозможным. Более того, 4 августа 2021 года в Минске были задержаны лекторы и соорганизаторы школы, представители Летучего университета философ Владимир Мацкевич и социолог Татьяна Водолажская. В качестве солидарности с ними в заключение школы был проведен круглый стол «Какова роль критической философии в Беларуси?» Несмотря на эти трудности и изменение формата, организаторы попытались сохранить насыщенный и максимально интерактивный ритм работы.

¹ Проект поддержан Министерством иностранных дел Литвы (грант № P2021-VB-BA-02).

Гданьск, современные административные здания, стилизованные под исторические зерновые склады в южной части Амбарного острова
 Фото Ludwig Schneider

Надо отметить, что интерес к участию в школе был довольно большим.

77 зарегистрировавшихся участников представляли студентов ЕГУ и других университетов, преподавателей, экскурсоводов, музейных сотрудников, историков, архитекторов, активистов неправительственных организаций, менеджеров культурных проектов и даже школьников. Не менее интересна география участников – это в основном белорусы, живущие как на родине, так и в Литве,

Украине, Польше, России, Казахстане и даже Бразилии.

В программе школы были предусмотрены два больших тематических блока: «Конфликты наследия» и «Ценности». Все это было рассмотрено сквозь призму современных европейских подходов и инструментов управления культурным наследием. Также участникам было предложено подумать о пост-конфликтном будущем сферы культурного наследия в Беларуси.

День 1

От постановки проблемы возникновения конфликтов в сфере культурного наследия к рассмотрению реальных кейсов

Открыл школу, а также определил ее теоретические рамки и контекст доцент ЕГУ, председатель правления Белорусского комитета ИКОМОС Степан Стурейко. Он же прочитал и первую лекцию **Европейское наследие / наследие в Европе: актуальные темы для размышлений**, посвященную рассмотрению культурного наследия через призму дискурсивного конфликта.

На примерах послевоенного восстановления исторических центров Варшавы и Гданьска, Вроцлава и квартала Дранси под Парижем было показано, как появлялись и развивались дискурсивные конфликты, в основе которых лежит борьба за помещение объекта культурного наследия в тот или иной смысловой контекст. Проблема состоит еще и в том, что каждый объект наследия является определенным парадоксом, в котором всегда заложены конфликтные ситуации, однако, не обладая определенной теоретической оптикой, это тяжело определить.

Таким образом, наследие – это не артефакты, а разворачивающиеся вокруг них динамические процессы, требующие новой критической оптики не только для лучшего описания, но и для преодоления конфликтов.

Вторую лекцию **РАБОТА С КОНФЛИКТНЫМ ПРОШЛЫМ В ЛИТВЕ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ** прочитала профессор ЕГУ Раса Чепайтене. Выступление было посвящено конфликтам вокруг мемориализации прошлого в Литве и тенденциям исторической политики в ЕС. С одной стороны, профессор показала, как формировался космополитический и универсальный характер европейской политики памяти на основе интерпретации событий и последствий Второй мировой войны (признание ответственности за Холокост). С другой стороны, рассказала про генезис российской политики памяти, где акценты сделаны не на жертвах Холокоста, а на «Великой Победе» Советского Союза, прошедшей эволюцию от мемориализации до крайней мифологизации в настоящее время.

В процессе европейской интеграции в странах Восточной и Центральной Европы (Чехия, Эстония, Венгрия, Литва, Латвия, Польша, Словакия и Словения) была предпринята попытка принятия европейской модели политики памяти, что зачастую приводило к «конфликтам памяти». Профессор Чепайтене на конкретных кейсах показала, что и в литовском обществе возникают конфликтные ситуации между нар-

ративами «борьбы и жертвы» и «литовским участием» в Холокосте. В конце выступления было отмечено, что сегодня в литовском обществе образовался раскол на «сообщества памяти», для которых характерно отсутствие диалога и эмпатии, сокрытие настоящих интересов, а также недостаток ответственности со стороны политиков и экспертов.

Во второй половине дня каждому студенту школы было предложено рассмотреть реальный кейс конфликта вокруг объекта культурного наследия и подготовить схему, описывающую его причины, с обозначением участников, их позиций и способов взаимодействия. Модераторы разделили студентов на три группы, где каждый должен был представить схему своего конфликта и таким образом попытаться выработать общую схему «типового» конфликта вокруг наследия в Беларуси.

Итогом стала презентация групповых работ. Надо отметить, участники школы

увлеклись обсуждением кейсов, поэтому далеко не все конфликты удалось обсудить в полной мере. Только одна группа приблизилась к решению поставленной задачи.

Вторая группа сконцентрировалась на типологизации конфликтов и выделила следующие их виды:

- 1) конфликты в рамках экспертного сообщества за приоритет в принятии решений по управлению объектами наследия;
- 2) конфликты между группами акторов, выступающих свое жизненное пространство вокруг объектов;
- 3) конфликты как контрдействие групп, лишенных права на собственную интерпретацию, которые с помощью наследия отстаивают свое право на существование.

Третья группа сосредоточилась на сравнительном анализе конфликтов в российском и белорусском контекстах, что было обусловлено доминированием в ней участников из России.

День 2

От констатации наличия конфликтов в сфере культурного наследия к способам их разрешения

Если в первый день школы лекции носили скорее теоретический характер, то во второй они были посвящены конфликтам непосредственно в области управления наследием.

Первым выступил директор Агентства по обновлению старого города Вильнюса Гедиминас Руткаускас с темой **АРХИТЕКТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ВИЛЬНЮСА И СОВРЕМЕННАЯ РАБОТА С НИМ: КОНФЛИКТЫ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ**.

Создание самого Агентства было попыткой выхода из конфликтной ситуации, вызванной переходом от советского планового управления городом к новой системе управления, основанной на капиталистических отношениях. На примере двух кейсов (здание, в котором сейчас находится «Пассаж сенаторов» (Senatorių Pasažas), и бывшая индустриальная территория межвоенного и советского времени, на месте которого возник новый квартал Раурус) эксперт показал, как происходит коммуникация между собственниками, национальными органами охраны, экспертным сообществом (историками, архитекторами, искусствоведами и т. д.), муниципальными властями и местными жителями; как достигаются компромиссы и принимаются решения, устраивающие все заинтересованные стороны.

Также он рассказал об основных направлениях деятельности Агентства: популяризация городского наследия среди молодежи через проведение занятий, экскурсий, выставок и дискуссий; информирование, консультирование и финансовая поддержка местного сообщества; осуществление мониторинга недвижимых объектов и т. д. Например, Агентство добилось того, что с 2018 года все проекты, реализуемые в старом городе, проходят публичное обсуждение на базе этой организации.

Лекция Игоря Раханского, руководителя проектного бюро Белорусского ИКОМОСа **РЕСТАВРАЦИЯ КАК КВИНТЭССЕНЦИЯ КОНФЛИКТА И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ** была посвящена конфликтам и столкновениям вокруг реставрации архитектурных памятников в Беларуси. Конфликты возникают тогда, когда каждая категория экспертного сообщества (музейные сотрудники, архитекторы, реставраторы, строители, историки и т. д.) решает свою узкопрофильную задачу, не погружаясь в задачи и проблемы коллег по проекту. Каждый из участников реставрации воспринимает свою узкопрофильную область как наиболее важную и отстаивает ее принципы, а значит, не может прийти к консенсусу с другими специалистами. По мнению автора, разрешить конфликт возможно путем четкого понимания общей цели комплексного проекта реставрации всеми участниками процесса в заданных правовых рамках.

Задание второго дня предлагало участникам школы взглянуть на конфликты уже со стороны выявления путей выхода из них и определения того, что именно для этого нужно: действия, знания, инструменты и ресурсы. Спустя три часа самостоятельной работы участники продолжили обсуждение в рабочих группах. Погружаясь в собственные кейсы и предложенную методологию, участники попробовали найти рациональные точки выхода из конфликтов. В результате удалось доработать схемы кейсов. Также участники школы согласились с тем, что, поскольку конфликтные ситуации изначально заложены в позиции и преследуемые цели акторов, в разрешении конфликтов очень важна роль коммуникации и деиерархизация сторон.

День 3

От поиска способов разрешения конфликтов к идентификации ценностей и смыслов культурного наследия

В рамках третьего дня школы студентам было предложено прослушать две лекции, посвященные европейским подходам и инструментам работы с культурными ценностями.

Первая лекция **ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСТОРИИ: ПРИМЕРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ** была прочитана Микаэлем Лёфгреном, представителем шведской организации «Натверкстан» (Nätverkstan). В первой части выступления он рассказал о международных дискуссиях вокруг наследия. Вторая часть была посвящена артикуляции современных подходов к наследию (концепция Йордана и Андерсона об уровнях анализа объектов культурного наследия, концепция Дэвида Сноудена о ситуациях, возникающих вокруг объектов культурного наследия) и определению причин конфликтов и путей выхода из них.

Вторую лекцию **МОДЕРНИСТСКИЙ КАУНАС: ОПЫТ АРТИКУЛЯЦИИ И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАУНАСА** прочитала Сагита Бугениене – архитектор, автор номинационного досье архитектуры Каунасского модернизма (1919–1940) для включения в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. На примере каунасской архитектуры она рассказала о взаимодействии нескольких уровней ценности – национальном, европейском и всемирном.

В первую очередь, на национальном уровне произошло осознание, что сложные политические условия Литвы 1920-х годов потребовали творческого прорыва, породившего модернистский пейзаж города.

Посредством участия в проектах European Heritage Label (с 2015 года) и European Capital of Culture 2022, а также организации международной конференции Модернизм для будущего (2018), посвященной феномену европейского модернизма 1920–1930-х годов,

в обществе сформировалась идея, что модернистский Каунас отражает межвоенную архитектуру всей Европы, тем самым представляя общеевропейский нарратив, обладающий символической ценностью для европейской интеграции.

В 2018 году была организована выставка **АРХИТЕКТУРА ОПТИМИЗМА: КАУНАССКИЙ ФЕНОМЕН 1918–1940 ГОДОВ**, объехавшая Литву и другие страны. Выставка сопровождалась лекциями, дискуссиями и творческими мастерскими. Проведение ежегодных международных летних школ исследователей модернизма и присоединение Каунаса к международной инициативе Modern Cities Forum (2019) способствовало формированию отношения к модернизму как объекту международной важности. Результатом многолетней работы стала подготовка номинационного досье для включения архитектуры модернизма в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

В третий день студенты размышляли над тем, как возникают и разрешаются ценностные конфликты вокруг наследия и как нам, опираясь на ценности, преодолевать эти конфликты. Участники примеряли на свои кейсы методологическую схему трансляции и реализации культуры, позволяющую понять, как работать с наследием в мире идеального и мире реального (на уровне идеи и на уровне реализации).

Поскольку решение ценностных конфликтов не лежит на поверхности, только два кейса, обсужденные первой группой, смогли приблизиться к такому двухуровневому разрешению конфликта. Вторая группа также продемонстрировала положительную динамику рассмотрения проблемы ценностных конфликтов в своих кейсах.

Третья группа представила результаты обсуждений на примере кейса военного музея «Битва за Днепр» в Лоеве. Был показан ценностный конфликт трех акторов: музейное экспертное сообщество (историки, краеведы, активисты), местное население и местная власть. В то время как первые выступают за актуализацию еврейского наследия и мемориализацию Холокоста, население Лоева не хочет осознавать еврейское наследие. В свою очередь, райисполком использует его для решения идеологических задач.

В целом, с каждым днем летней школы глубина проработки каждого конфликтного кейса увеличивалась, при этом ключевую роль играло совместное обсуждение.

Модернистский Каунас
Здание центральной почты,
построено в 1930–32 годах
Фото Norbert Tukaj

День 4

От поисков точек входа в европейское пространство культурного наследия к рефлексии результатов летней школы

В последний день школы студентам было предложено задуматься о международном измерении объектов наследия, ставших предметом обсуждения во время работы в группах. Как нам стать частью европейского культурного пространства, не будучи признанной частью Европы в политическом плане? Какое культурное наследие Беларуси мы можем предложить для актуализации европейской идеи сегодня и какое белорусское наследие уже является частью европейского? Можем ли мы войти в европейское культурное пространство в качестве его полноправных участников?

Каждый из студентов попытался ответить на вопрос о возможности включения объектов наследия из собственных кейсов в перечень «Знак европейского наследия» (European Heritage Label). Далеко не всем удалось сформулировать качества объектов, которые бы транслировали наш вклад в европейскую культуру. И все же, на взгляд участников, необходимым условием вхождения в европейское пространство должно быть принятие европейских ценностей (активное гражданское участие, диалог и плюрализм мнений, принятие разнообразия как ценности). Исходя из этого, мы должны предложить европейскому сообществу наследие, подчеркивающее общность истории народов Европы, а также проявляющее экологический потенциал культуры.

Также участники пришли к заключению, что европейское наследие – это определенный дискурс, способ работы, способ отнесения и пространство возможностей. Если следовать такому определению, мы могли бы предложить европейскому сообществу практики переосмысления культурного кода, наблюдаемые в Беларуси. Для этого необходимо участвовать в европейских конкурсах, конференциях и международных проектах не столько на государственном уровне, сколько на уровне гражданских инициатив.

Летняя школа завершилась общей рефлексией. Студенты отметили важность онлайн-формата, так как многие не смогли бы приехать в Вильнюс. Благодаря летней школе многие участники смогли систематизировать свои теоретические знания. Дискусии в рабочих группах способствовали проблематизации и углублению понимания кейсов. Участники научились ставить новые вопросы о наследии и через это переходить к производству новых смыслов и идей, которые, вполне возможно, обретут воплощение в новой, постконфликтной Беларуси. Наконец, было отмечено, что подобные мероприятия способствуют формированию профессионального сообщества, готового обсуждать и решать проблемы нашего культурного наследия.

Георгий Баранец

профессор Европейского Гуманитарного Университета, кандидат архитектуры. Профессиональные и научные интересы охватывают вопросы регионального, ландшафтного и градостроительного планирования, охраны и устойчивого использования культурного и природного наследия, а также проектный менеджмент.

Перспективы сохранения архитектурно-градостроительного комплекса проспекта Независимости в Минске

Георгий Баранец

Perspectives of Preservation of the Architectural and Urbanistic Complex of Nezalezhnasci Avenue in Minsk

The article of EHU's Professor Georgui Baranets is devoted to understanding of the Nezalezhnasci Avenue in Minsk as an object of cultural heritage. On the one hand, there is a pronounced interest of the professional community in preserving the architectural complex of the avenue. On the other hand, there is no clear idea of what exactly needs to be preserved and by what means. The legal framework for the protection of architectural heritage in Belarus inadequately reflects the essence of this heritage site and cannot serve as a basis for ensuring its protection and development. This is the main factor holding back the nomination of Independence Avenue for inclusion in the UNESCO World Heritage List.

Вопрос о номинации застройки проспекта Независимости в Минске на статус Всемирного культурного наследия ставится с определенной регулярностью в различных средствах массовой информации Беларуси. Это одна из традиционных тем, широко обсуждаемых в профессиональных кругах и вызывающих общественный резонанс [1]. Действительно, архитектура, представленная вдоль главной магистрали столицы в сочетании с открытыми пространствами, озеленением, водными поверхностями, эффективным использованием рельефа, инженерными сооружениями и элементами архитектурного и ландшафтного благоустройства впечатляет как профессионалов, так и заинтересованную общественность в Беларуси и за рубежом. По оценкам экспертов комплекс проспекта Независимости в центральной части Минска представляет ценность как уникальный объект архитектурного и градостроительного наследия и заслуживает признания на международном уровне.

Минск, проспект Независимости
Фото Каси Сыромолот

Но почему такое признание до сих пор не получено? Почему на протяжении нескольких десятков лет вопрос о включении застройки проспекта в список объектов Всемирного культурного наследия остается открытым? Какие факторы в данном конкретном случае являются сдерживающими?

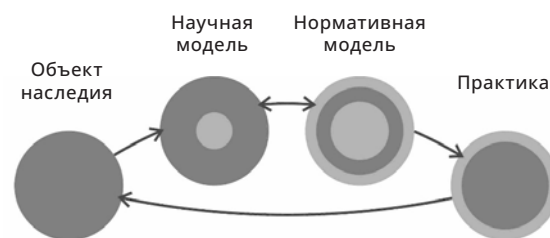
Возьму на себя смелость утверждать, что здесь работают не столько технические факторы, связанные с подготовкой номинационного досье и представлением его международной профессиональной общественности, сколько внутренние. К таким внутренним факторам, в первую очередь, следует отнести наше собственное понимание данного объекта наследия, а также подходов к его сохранению. Ведь признание на всемирном уровне предполагает ответственность, а также конкретные обязательства, связанные с сохранением и использованием объекта в соответствии с Конвенцией о всемирном наследии [2] и комплексом сопутствующих документов.

Существует значительный объем статей, в основном публицистического характера, направленных на привлечение внимания общественности к архитектурно-градостроительному комплексу проспекта Независимости. Констатация его ценности в них является, скорее, выражением мнения, но не основывается на глубоком профессиональном анализе. Научная аналитика для данного объекта, особенно по прикладным аспектам его охраны и использования, как и для многих других комплексных объектов в Беларуси, на данный момент практически отсутствует. Каждый всплеск публикаций, поднимающих проблемы сохранения ценных архитектурно-градостроительных качеств проспекта, был связан прежде всего с внедрением новых объектов строительства. При этом критика и волна возмущения со стороны общественности не сопровождалась «холодной» профессиональной и научной аналитикой, и в каждом таком случае соответствующие уроки не были извлечены.

Тем не менее, формализованное представление о проспекте Независимости как объекте культурного наследия, существует. Его можно выявить, изучая соответствующую нормативно-правовую документацию, что обычно достаточно тягостно для историков, искусствоведов и социологов, работающих в сфере наследия. Вопрос установления охранного статуса для проспекта решался уже во время развития национальной системы нормативного правового регулирования через установление временных ограничений признания объектов архитектуры и градостроительства историко-культурным наследием,¹ поскольку наиболее ценные составляющие проспекта Независимости были созданы в течение первого десятилетия после окончания Второй мировой войны.

Так что же собой представляет проспект Независимости в Минске как объект культурного наследия, исходя из положений соответствующих документов нормативно-правового регулирования? Какова его нормативная модель?²

Роль научной и нормативной моделей объекта наследия в регулировании практики охраны

¹ В настоящее время этот срок ограничен 40 годами [3, ст. 92, п. 2].

² Понятие «нормативная модель» вводится для обозначения совокупности положений нормативно-правовых документов, отражающих сущность объекта культурного наследия и требования к его охране.

Основными документами, использованными для выявления нормативной модели проспекта Независимости, стали Кодекс о культуре, Государственный список историко-культурных ценностей и утвержденные проекты охранных зон, которые относятся к рассматриваемой территории [3–5]. Информация, содержащаяся в паспортах [3, ст. 100] и Банке сведений об историко-культурном наследии [3, ст. 101] не использовалась, поскольку свободный доступ к ней ограничен.³ Однако это существенно не влияет на результаты, поскольку данные паспортов и Банка сведений отражают, скорее, некоторые аспекты научных представлений об объекте, но не оказывают непосредственного влияния на практику принятия решений. Тем не менее важно отметить, что научная модель объекта наследия⁴ в случае конструктивного взаимодействия науки и практики должна оказывать определяющее влияние на развитие нормативно-правовой базы. Ведь хорошая теория должна служить основой хорошей практики.

Попробуем посмотреть на проспект Независимости через положения Кодекса о культуре. В соответствии с ним все объекты культурного наследия с установленным охранным статусом обозначаются понятием «историко-культурная ценность» (ИКЦ), в отличие от прочих объектов – «культурных ценностей» (КЦ) [3, ст. 1, пп. 1.3 и 1.8].

В Кодексе в составе «материальных недвижимых КЦ» выделены три формы организации: одиночный объект, ансамбль и комплекс. Ансамбль определен как «композиционно объединенные недвижимые материальные культурные ценности вместе с окружающей средой, находящиеся на исторически сформированной территории, а также связанные с ними произведения изобразительного, декоративно-прикладного, садово-паркового искусства; произведения изобразительного искусства, декоративно-прикладного искусства, садово-паркового искусства и некрополи вместе с окружающей средой, которые создаются одновременно или в течение определенного хронологического периода и объединены

³ Возможность доступа к паспортам действующим законодательством не предусмотрена. Возможность свободного доступа к информации Банка сведений рассматривается в неопределенной временной перспективе [6].

⁴ Понятие «научная модель» вводится автором для обозначения совокупности научных представлений об объекте наследия.

Скульптурная композиция «Деметра с детьми» на бывшем доме Минского товарищества взаимного сельскохозяйственного страхования, восстановлена в 2004 году.
Фото Wikimedia Commons

стилистическими особенностями и (или) функциональным назначением». А комплекс – это «изолированные или взаимосвязанные недвижимые материальные культурные ценности, которые расположены поблизости или в разных местах, но объединены общими чертами (окружающая среда может быть включена как отдельный компонент в комплекс культурных ценностей)» [3, ст. 68].

Приведенные определения вызывают множество вопросов. Прежде всего, какова концепция «окружающей среды», что она собой представляет по отношению к объекту охраны и его составляющим в случае ансамблей и комплексов? По каким критериям можно отнести участок к «исторически сформировавшейся территории»? Является ли обязательным признаком ансамбля наличие у составляющих «общих стилистических и функциональных особенностей»? Каково максимальное расстояние между объектами для комплекса? Важно понимать, что ансамбль в архитектуре и градостроительстве – это прежде всего пространственная и эстетическая категория. Иными словами, на первое место ставится эстетически организованное пространство, а его компоненты, как искусственные, так и природные, рассматриваются как средство его организации. Если строго в соответствии с «буквой закона» рассматривать определения Кодекса, то как в первом, так и во втором случае архитектурно-градостроительные ансамбли и комплексы трактуются как совокупность отдельных КЦ, обладающих собственными качествами. В случае ансамбля такая совокупность может дополняться «связанными с ними произведениями» и «некрополями», не отнесенными к КЦ.

В отличие от КЦ, в Кодексе определены следующие виды материальных недвижимых ИКЦ: заповедная местность, памятник археологии, памятник архитектуры, памятник истории, памятник градостроительства и памятник (монументального) искусства

[3, ст. 83]. Сразу бросается в глаза несоответствие типологических подходов к определению видов КЦ и ИКЦ. Определения видов ИКЦ являются скорее заимствованием из законодательства времен Советского Союза, в котором через категорию вида определялись принятые в то время формы охраны объектов наследия. В отличие от концепций, используемых Кодексом, законодательство СССР и БССР действительно трактовало понятия «памятник архитектуры» и «памятник градостроительства» как формы охраны целостных объектов, которые могли быть представлены как отдельными зданиями, так и целостными ансамблями и комплексами вместе с территорией, компонентами ландшафта и особо организованным пространством [7, ст. 5]. Получается, что Кодекс не дает ответа на вопрос, к какому конкретно виду ИКЦ относится проспект Независимости: это памятник архитектуры, истории или градостроительства?

Несоответствие типологических подходов к определению видов КЦ и ИКЦ в Кодексе порождает принципиальные нарушения в практике учета ИКЦ. Так, в соответствии с п. 4 ст. 97 Кодекса, информация о ИКЦ в Государственном списке должна размещаться по видам ИКЦ (т. е. для недвижимых ИКЦ должны быть отдельно отражены заповедные местности, памятники археологии, памятники архитектуры и т. п. [3, ст. 83 и 97; 4]. Однако список представляет собой сложный для практического использования документ, в котором недвижимые ИКЦ представлены в одном разделе общим перечнем по областям республики без какого-либо отнесения каждой позиции к виду ИКЦ.

«Ансамбль проспекта Независимости в составе зданий и сооружений, планировочной структуры, ландшафта и целостных архитектурных комплексов» представлен в Государственном списке под номером 711Г000149. При этом пространственные параметры «ансамбля»⁵ определены следующим образом:

⁵ Здесь и далее автор использует кавычки, поскольку не считает обоснованным отнесение архитектурно-градостроительного комплекса проспекта Независимости в Минске к единому ансамблю.

«от площади Независимости до проспекта Машерова». Здания, расположенные по проспекту на этом участке, отдельные сооружения (в частности мост через Свислочь), объекты архитектурного благоустройства (такие как вход в парк им. Горького, трибуны с балюстрадой в Центральном сквере и др.), парковые объекты, объекты монументального искусства, расположенные в отмеченной зоне, внесены в список как самостоятельные ИКЦ под отдельными номерами, и их отношение к «ансамблю» никак не определено.

Но каковы фактические границы «ансамбля»? Логично предположить, что в его состав входят все ИКЦ, расположенные на указанном отрезке проспекта. Однако, здесь возникает множество вопросов. Прежде всего, относится ли формула «от площади Независимости до проспекта Машерова» ИКЦ, расположенные на площади Независимости, и здания, формирующие застройку перекрестка проспектов Машерова и Независимости со всех сторон? А как насчет парков и бульваров, пересекающих проспект или непосредственно примыкающих к нему, которые также внесены в Госу-

дарственный список отдельными позициями? В списке не содержится пояснений о принадлежности как отдельных ИКЦ к «ансамблю», так и сформированных ими пространств. «Ансамбль» проспекта Независимости в целом отнесен к 1-й категории значимости (ИКЦ международного значения). Но значит ли это, что в качестве составляющих «ансамбля» выступают исключительно ИКЦ 1-й категории, расположенные на рассматриваемом отрезке?

Такие вопросы можно продолжать. Но, возможно, ответы на них существуют в других документах, в частности, в проектах охранных зон? Ведь охранные зонирование предполагает установление границ территории ИКЦ, а также одной или нескольких зон охраны: охранный зоны, зоны регулирования застройки, зоны охраны ландшафта и зоны охраны культурного слоя [3, ст. 105, п. 1]. Поскольку требование установления территории ИКЦ распространяется на все недвижимые материальные объекты, представляется логичным, что границы «ансамбля» и его охранный зоны должны быть представлены как в специальном для «ансамбля» проекте, так и в

проектах для отдельных ИКЦ и их групп, входящих в его состав.

Однако, общий проект для всего «ансамбля» не обнаружен. Анализ доступных материалов показал, что ни в одном из рассмотренных проектов не определена граница «ансамбля» проспекта Независимости и границы его охранных зон. Исключение составляет проект для Дома-музея I съезда РСДРП [5.4]. Это единственный из рассмотренных документов, где на схеме зон охраны обозначен прилегающий фрагмент территории «ансамбля». Согласно экспликации и условным обозначениям схемы, здесь к «ансамблю» отнесены комплекс зданий вдоль проспекта, скверы⁶, парадный вход в парк, балюстрада, ограда моста и мост через реку Свислочь и, что самое важное, все открытое пространство площади Победы и проспекта Независимости (во всяком случае, той части, которая включена в чертеж). Остальные проекты не дают возможности определить, какие конкретно объекты входят в состав «ансамбля» и где границы его территории. Какие-либо упоминания о том, что ИКЦ и группы ИКЦ, рассматриваемые в проектах, входят в состав «ансамбля», также отсутствуют.

Судя по установленным границам охранных зон и предлагаемым охранным регламентам, роль ИКЦ как компонентов единого «ансамбля» при определении границ и режимов охранных зон отдельных ИКЦ и комплексов ИКЦ не учитывалась. При определении границ охранных зон для аналогичных объектов использованы разные подходы. Так, композиционно связанная застройка по обе стороны проспекта на отрезке от площади Победы до проспекта Машерова в разных проектах рассматривается независимо. В одном проекте граница охранный зоны группы зданий с одной стороны проспекта проходит по красной линии фасадов [5.6], в другом, с другой стороны проспекта – по границе проезжей части [5.7]. Пространство проезжей части в этих проектах не рассматривается как неотъ-

емлемая составляющая композиционно-целостного участка проспекта.

Так что же на самом деле представляет собой проспект Независимости как объект культурного наследия, что важно понимать в процессе формирования его научной и нормативной моделей?

Во-первых, мы имеем дело с динамическим объектом. Это означает, что он претерпевал определенные изменения до настоящего времени и будет меняться в будущем. Активная фаза формирования проспекта приходится на первое десятилетие после Второй мировой войны. Тем не менее, в ткани послевоенной застройки сохранены более ранние объекты. Вплоть до наших дней зона проспекта Независимости остается ареной для активных трансформаций. Наиболее существенными стали строительство открытым способом линии метрополитена и соответствующей инженерной инфраструктуры, внедрение в ткань города таких мега-объектов как торговый центр «Столица», Дворец Республики с административными зданиями на Октябрьской площади и комплекс застройки вдоль реки Свислочь в зоне парка им. Горького. Динамика данного объекта будет оставаться достаточно интенсивной и в перспективе, поскольку он расположен в самой функционально насыщенной и востребованной зоне города. Тем не менее, в той части проспекта, которая представляет ценность как объект архитектурно-градостроительного наследия, любые трансформации должны обеспечивать не просто сохранение его ценных качеств и свойств, но их развитие и ревалоризацию⁷.

Во-вторых, следует понимать, что объект имеет сложную организацию. Прежде всего, он представлен различными составляющими, среди которых не только здания, фрагменты застройки, планировочные элементы, архитектурные комплексы и т. п., но и объекты архитектурного и инженерного благоустройства, дизайна, монументального искусства, формы озеленения, рельефа и водные по-

6 Имеются в виду переросшие партеры на площади Победы

7 В статье понятие «ревалоризация» используется для обозначения любых практических действий, включая консервацию, реставрацию, реконструкцию, приспособление, использование средств благоустройства, дизайна и иные практические действия, обеспечивающие устойчивость и развитие ценных качеств объекта архитектурно-градостроительного наследия.

верхности. Что особенно важно, это совокупность особым образом организованных пространств. Это не просто комплекс или ансамбль, включающий определенное число составляющих, это прежде всего системный объект. Последнее означает, что его ценные качества не сводятся к сумме качеств составляющих.

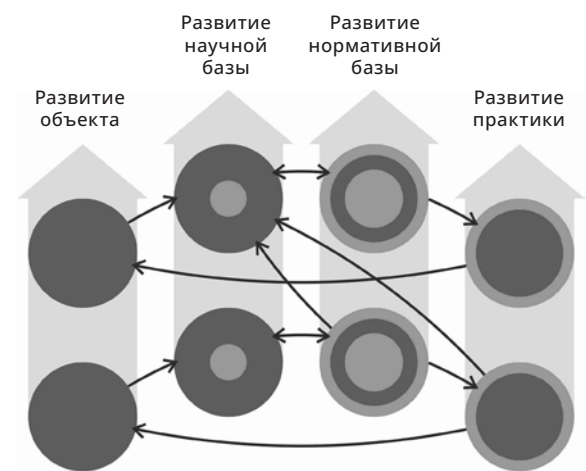
На уровне гипотезы можно предположить, что объект имеет многоуровневую системную организацию. Здесь можно говорить о системе, которая в качестве подсистем включает серию зон культурного ландшафта, архитектурно-градостроительных ансамблей и комплексов. Кроме того, как любой градостроительный объект, проспект Независимости имеет полиструктурную организацию. Это означает, что решение любых задач, связанных с его развитием, требует взаимосвязанного рассмотрения вопросов функциональной, визуально-пространственной и композиционно-эстетической организации. Еще одной особенностью проспекта является полисистемность отдельных его составляющих, которые одновременно входят в состав других ансамблей или градостроительных комплексов. Например, здание № 17 по проспекту Независимости⁸ участвует в формировании архитектурного ансамбля на соответствующем участке проспекта и является доминантой в ансамбле бульвара вдоль ул. Комсомольская. Только полная и глубокая аналитика, охватывающая все категории составляющих и учитывающая все особенности структуры и динамики позволит сформировать адекватное представление о ценных историко-культурных качествах, подлежащих сохранению и ревалоризации в процессе целенаправленного управления охраной и развитием такого сложного объекта.

Наконец, в-третьих, учитывая динамику и сложность объекта, успешная практика сохранения и ревалоризации его ценных качеств возможна только в случае постоянного согласованного развития научных представ-

лений как о нем самом, так и о методологических подходах к его сохранению и развитию. Такое согласованное развитие предполагает наличие как прямых, так и обратных связей между научно-исследовательской деятельностью, развитием нормативно-правовой базы и практикой принятия и реализации управленческих решений.

Принятие решения об установлении охранного статуса невозможно без наличия научных знаний об объекте наследия и его ценных качествах. Более того, определение действенных мер, необходимых для сохранения и ревалоризации объекта наследия должно основываться также на переосмыслении соответствующего опыта. Знания об объекте должны быть в максимальной степени объективными, а полученные на основе субъективных (экспертных) методологий – признаны академическим и профессиональным сообществом (см. рисунок ниже).

Динамика развития практики охраны и ревалоризации объекта наследия

⁸ Здание Комитета государственной безопасности, представленное в Государственном списке историко-культурных ценностей Республики Беларусь под № 712Г000165.

Выполненный анализ показал, что нормативная модель «ансамбля» проспекта Независимости не раскрывает его особенностей как уникального объекта наследия и не может обеспечить его охрану и ревалоризацию. Прежде всего, она не позволяет однозначно определить его границы, структуру и ценные качества, выделяющие его среди других типологически подобных объектов. Следует признать, что на сегодняшний день отсутствует консолидированное научно-обоснованное и объективное понимание того, что собой представляет проспект Независимости в Минске как объект наследия. Нарушение связей между научно-исследовательской деятельностью и развитием нормативно-правовой базы регулирования практики охраны наследия, изоляция практики нормотворчества исключительно в рамках административных процедур государственных институтов привели к негативным последствиям. Решение проблемы видится в консолидации усилий всех субъектов, осуществляющих научно-исследовательскую деятельность по направлениям, связанным с охраной и ревалоризацией материального недвижимого наследия, и обеспечении реальной открытости процедур формирования, применения и развития нормативно-правовой базы.

Использованная литература

- [1] Minsk's Nezavisimosti Avenue up for joint nomination to UNESCO World Heritage List. Press release. Minsk, 4 April 2018 (BelTA) // Official website of the Republic of Belarus, https://www.belarus.by/en/press-center/press-release/minsk-nezavisimosti-avenue-up-for-joint-nomination-to-unesco-world-heritage-list_i_0000077274.html (15.08.2021).
- [2] Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. Париж, 1972.
- [3] Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры, № 413-З, Прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрвеня 2016 г. // Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь, http://etalonline.by/document/?regnum=Hk1600413#load_text_none_1 (15.08.2021).
- [4] Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь // Міністэрства культуры РБ, <http://kultura.gov.by/uploads/files/Gosspisok-sajt-07.12.2018-1.doc> (15.08.2021).
- [5] Постановления Министерства культуры РБ об утверждении проектов зон охраны недвижимых материальных историко-культурных ценностей // Национальный правовой интернет-портал РБ, https://pravo.by/upload/docs/op/W21731901p_1492203600.pdf (15.08.2021).

- [5.2] https://pravo.by/upload/docs/op/W21326954p_1363381200.pdf (15.08.2021).
- [5.3] https://pravo.by/upload/docs/op/W21326869p_1361826000.pdf (15.08.2021).
- [5.4] <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W21934860p&p1=1&p5=0> (15.08.2021).
- [5.5] https://pravo.by/pdf/2012-72/2012_72_8_26041.pdf (15.08.2021).
- [5.6] <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W21934445p&p1=1&p5=0> (15.08.2021).
- [5.7] https://pravo.by/upload/docs/op/W21732411p_1506459600.pdf (15.08.2021).
- [5.8] <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W21833685p&p1=1&p5=0> (15.08.2021).
- [5.9] Национальный фонд технических нормативных правовых актов, <https://tnpa.by/#!/FileText/392901/295068> (15.08.2021).
- [5.10] <https://tnpa.by/#!/FileText/341130/243506> (15.08.2021).
- [6] Навіны Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі (9.03.2021) // Нацыянальная бібліятэка РБ, <https://www.nlb.by/by/news/nacyjanalnaja-biblijatjeka/infarmatsyyny-resurs-bank-zvestak-ab-gistoryka-kulturnay-spadchyne-respubliki-belarus-u-natsyuanalna/> (15.08.2021).
- [7] Закон СССР Об охране и использовании памятников истории и культуры (29.10.1976) // [Zakonbase.ru](https://zakonbase.ru), <https://zakonbase.ru/content/base/26778> (15.08.2021).

Аляксандр Калбаска

прафесар Еўрапейскага Гуманітарнага Ўніверсітэта. 12 гадоў навучаўся; 12 гадоў працаваў над стварэннем гісторыка-культурнага запаведніка ЗАСЛАЎЕ (Беларусь); 12 гадоў завіхаўся над рэанімацыяй універсітэта ў выгнанні (Літва). Заснавальнік і першы кіраўнік Беларускага камітэта ІКОМ. Аўтар шэрагу навуковых публікацый. Сфера цікаўнасці: новая музейялогія і віртуальныя музеі.

Пра (лічбавую) перспектыву для беларускіх музеяў

Аляксандр Калбаска

On a (Digital) Perspective for Belarusian Museums

The article, written by EHU Prof. Dr. Aliaksandr Kalbaska, aims to determine the situation when European and Belarusian museums faced two challenges of our time: the total expansion of the digital world and the consequences of the COVID-19 pandemic. The author describes digitalization of two museums in Switzerland and Belarus and outlines the perspective museum trends. Proposals are being made of possible ways to develop museums in the short and medium-term perspectives, taking into account the existing risks and uncertainty in Belarus.

У жніўні 2021 года Марк Цукерберг падзяліўся намерам цягам пяці гадоў накіраваць высілкі на стварэнне віртуальнага мета-сусвету [1]. Над пераходам да сітуацыі, пры якой віртуальная рэальнасць становіцца адным з элементаў асяроддзя будучага чалавецтва, працуюць даследчыкі і практыкі з кампаніі Майкрасофт [2]. Наколькі гатовыя Беларускія музеі стаць часткаю гэтага мета-сусвету? Ці хопіць чалавечага жыцця, каб заяўленая перспектыва стала рэальнаю для Беларусі?

Амаль немагчыма гаварыць адказна пра акрэсленыя перспектывы, нешта прагназаваць у сёняшняй Беларусі, у час, калі дафармаванне беларускай нацыі адбываецца не самым арганічным брутальным чынам. Пад нагамі дрыгва. За плячыма нядаўна прамінулая, а наперадзе чарговая непазбежная стагнацыя. Менавіта ў такую пастку трапляе спроба разважаць пра перспектывы ў любой галіне, што цепліцца ў краіне з назвай Беларусь. З аднаго боку, мы і ёсць Еўропа. Хай Усходняя, але ж Еўропа. Таму нашы (лічбавыя) рэаліі будуць часткаю Еўрапейскай перспектывы. З другога – ёсць досвед Старога Свету. І не толькі на захад ад Беларусі, але і далёка на ўсход.

Антыкавідная маска пад акулера VR, якую выдаюць у Музеі выкапняў Монтэ-Сан-Джорджыю Фота аўтара

Верагодна мае сэнс прыглядзецца да пэўных зрухаў, якія перажываюць грамадствы паабапал Беларусі ў дачыненні да музеяў. Намацаць, так бы мовіць, накірункі развіцця, адначасова ўсведамляючы, што Беларусь на гэтым шляху, па сумнай завяздзёнцы, можа прыпазныцца на адно ці некалькі чалавечых жыццяў.

Агульным месцам, па меншай меры для 60% насельнікаў зямлі, якія сябруюць з інтэрнетам, становіцца лічбавізацыя ўсяго. Чалавек, супольна з іншымі і аднаасобна, становіцца лічбава- і электрычна-залежным. Такая залежнасць дапамагае вырашаць асабістыя праблемы. Адкрываюцца бязмежныя ва ўсіх сэнсах магчымасці хуткай камунікацыі: магчымасці падзяціцца думкамі з адна- ці супрацьлегла-думцамі, шукаць адказы на любыя пытанні і атрымліваць новыя веды, фіксаваць прыемныя і/ці сумныя моманты жыцця, арыентавацца ў прасторы (выбраць шлях, знайсці бліжэйшую краму, сябра/сяброўку), нарэшце сабраць у персанальным дэвайсе такія непахісныя яшчэ ў канцы XX стагоддзя аўтарытэты як газеты, радыё, тэлевізію, публічную трыбуну. Самых розных людзей лічбавы асяродак віртуальна аб'ядноўвае, адначасова яшчэ больш іх раз'ядноўваючы ў рэальнасці. Грамадства атамізіруецца. Знікае ці значна трансфармуецца звыклае адчуванне пляча. Лічбавая экспансія пагрозліва змяншае і без таго абмежаваныя кантакты людзей з навакольным асяроддзем, «з'ядае» наш вольны час. Адчуванне лёгкасці замены асабістай камунікацыі на віртуальную нясе інтравертам заспакаенне, экстравертам – трывогу. Да таго ж хуткая лічбавізацыя цягне за сабой абрэзкавасць хуткіх ведаў, адсутнасць сувязаў паміж бітамі інфармацыі, ужыванне і памнажэнне неправеранай, а часцяком ілжывай інфармацыі. Урэшце, немагчымасць нідзе схваціць ад лічбавага пераследу ды застацца хоць на некалькі хвілін сам насам. Віруе страх быць адсочаным, улічаным, зафіксаваным, знятым,

захаваным, знойдзеным без тваёй волі і жадання.

А што музеі? Музеі ёсць звыклым адбіткам грамадства з усімі яго дасягненнямі ды хібама.

Лічбавая абазнанасць нямінуха дыктуе музейныя змены. Станоўчыя і адмоўныя, чаканыя і не вельмі. Лічбавая рэальнасць падступаецца да музеяў з розных бакоў. Калі на пачатку свайго існавання музей дазваляў сабе абмежавана дапускаць да сябе людзей, то потым стаў заклікаць і завабліваць да баўлення вольнага часу як унутры музейных сценаў, так і па-за іх межамі, але пад уласна музейным кантролем. Зараз лічбавая камунікацыя спрыяе больш глыбокаму і эмацыянальна насычанаму знаёмству са зместам экспазіцый. Яна ж адначасова прапануе наведвальніку пераносіць змест музея дахаты: на сцяну хатняга кінатэатра, на экран кампутара, ва ўласныя акулера і гадзіннікі. Чалавек неўзабаве сам будзе выбіраць не толькі, калі і куды, але і якую частку якога музея і ў якой колькасці дапускаць да (у) сябе. Музею ж вырашаць, як гэтую пагрозу ператварыць у дадатковую магчымасць.

Навошта музею быць патрэбным чалавеку ў лічбавай форме? Па сваёй прыродзе людзі маюць жаданне цепліцы у душы станоўчыя эмоцыі. Многім з іх і надалей будуць даспадобы міфалагічныя цікавосткі з мінулага, у тым ліку уласнага. Нідзе не падзенецца патрэба ведаць пра станаўленне пэўнай тэрыторыі, суполкі людзей альбо паходжанне ідэй. Музеі пра гэта апавядаюць, падмацоўваючы створаныя міфы дэманстрацыяй рэальных ці віртуальных музейных прадметаў. Музейныя гісторыі будуць і далей дапамагаць бавіць вольны час, кампенсуючы ўяўленне пра рэальнасць віртуальнымі сродкамі. Відавочна змяншаюцца абмежаванні для наведвання музеяў па часе і месцы. Гіне адчуванне межмузейных межаў, музейнай прыналежнасці, музейнай маёмасці/уласнасці. Кожны зацікаўлены наведвальнік/карыстальнік музея зможа ствараць уласныя

калекцыі са збораў любых прадметаў любых музеяў.

Варта пры гэтым мець на ўвазе абмежаванні, якія пандемія COVID-19 наклала на ўзаемадзеянне музеяў з аўдыторыяй: ад праблемы памяншэння колькасці фізічных наведвальнікаў аж да іх страты і закрыцця саміх музеяў. Пра гэта сведчаць статыстычныя дадзеныя, атрыманыя ў выніку апошніх даследаванняў Сеткай еўрапейскіх музейных арганізацый NEMO (Network of European Museum Organisations) [3]. У той самы час відавочна адкрыццё новых магчымасцяў, што выявілася ў актывізацыі фармату ўзаемадзеяння музеяў з наведвальнікамі праз сацыяльныя сеткі. Лягчэй знаходзіліся спробы заставацца бачнымі, захоўваць індывідуальнасць, кантактаваць з аўдыторыяй, прасоўваць уласны прадукт. Больш складаным было зрабіць прадукт лічбавым: ад ужывання лічбавых знаходак у дзейсных экспазіцыях да анлайн-экспедыцыяў.

У першай палове 2021 года, бяручы да ўліку ўсе неабходныя каранавірусныя абмежаванні, мне з невялікім перарывам давялося наведаць тузін музеяў у Заходняй Еўропе і Беларусі. Возьмем для параўнання два з іх. Музей выкапняў Монтэ-Сан-Джорджыо [4] і Нацыянальны музей гісторыі і культуры Беларусі [5].

Музей выкапняў Монтэ-Сан-Джорджыо, якія занесены ў спіс ЮНЕСКА, знаходзіцца ў маленечкай вёсцы Мерыдэ (335 насельнікаў) кантона Тычына, заціснутай у гарах на поўдні Швейцарыі. Не зважаючы на кавідныя абмежаванні і няпростую дасягальнасць, музей у будні дзень быў напоўнены наведвальнікамі. Школьная група, бацькі з дзецьмі, пенсіянеры парамі. Чарга на касе. Карткі ІКОМа не выклікаюць падазронай цікаўнасці, спрацоўваюць. На трох паверхах музейнай прасторы, аб'яднанай адкрытымі ўсярэдзіну будынка галерэямі і выходамі з кожнага паверха на тэрасы, месцаца артэфакты, якім налічваецца больш за 240 мільёнаў гадоў. Рэальныя выкапні былі

раскапаны, навукова апісаны і даследаваны швейцарскімі і італьянскімі экспертамі яшчэ ў 1850 годзе. Экспануюцца адбіткі марскіх водарасцяў, мідый, аманітаў, рыбаў ды рэптылій, а таксама асобныя прыклады касцякоў наземных дыназаўраў, насякомых і раслін, вымытых у мора з астравоў ці мацерыка. Ілюстрацыі і мадэлі тлумачаць наведвальнікам даўно вымерлы свет.

У большасці залаў вольна ўладкаваныя пара-тройка планшэтаў, якія дазваляюць ажыўляць трохмерную прастору вітрын.

Інтэрактыўныя экраны на маршруце прапануюць магчымасць убачыць, як саступала мора, пакідаючы на гарах наносы. Можна, прысеўшы ў экспазіцыйнай зале, пазнаёміцца з гісторыяй адкрыцця і вывучэння выкапняў у сярэдзіне XIX стагоддзя у фармаце мультыка, зразумелага самым маленькім наведвальнікам. На любой з 4-х моваў. Самы захапляльны момант падчас знаходжання ў музеі: наведвальнікі з унутранага дварыку па адным могуць патрапіць у маленькую залу.

Там, сядзачы ва ўтульным крэсле пасярэдзіне залы, надзеўшы віртуальныя акуляры па-над індывідуальнай антыкавіднай маскай, адразу трапляеш у тоўшчу вады. Паабапал, пад табою і над галавою – толькі паспявай ухіляцца – сноўдаюць па адной і зграйкамі марскія істоты. Акурат як тыя, чые парэшткі выстаўлены ў экспазіцыі.

Нацыянальны музей гісторыі і культуры рэспублікі Беларусь, краіны-заснавальніцы ААН, камфортна месціцца ў Мінску (колькасць насельнікаў блізу 2-х мільёнаў), у цэнтры сталіцы за ганкам з пушкаю.

Музей сустрэў першага і адзінага наведвальніка далікатнай цікаўнасцю касірка датычна персанальнай карты ІКОМа. Давялося патлумачыць, што гэта за дзіўная картка, якая арганізацыя і чаму дае права ўласніку наведваць іх музей бясплатна.

Варта адразу адзначыць дзве прынцыповыя акалічнасці. Па кепскай традыцыі, якая ў Еўропе выклікала крытыку яшчэ ў XIX стагоддзі, у Беларусі дагэтуль музейнае прадстаўленне гісторыі і культуры ніяк не перакрыжуецца з гісторыяй прыроднага асяроддзя і жывёльнага свету. Яны разглядаюцца і экспануюцца ў розных залах і нават будынках, рознымі музейнымі ўстановамі.

Праз некалькі апошніх дзесяцігоддзяў становіцца традыцыяй іншая спецыфіка Нацыянальнага музея: дагэтуль беларускае грамадства не мае аргументаванага і кансалідаванага разумення ўласнай гісторыі, асабліва XX і першай чвэрці XXI стагоддзяў. Гэта не дае магчымасці адлюставаць у стацыянарнай экспазіцыі гісторыю краіны, стварыць экспазіцыю, якая б прэзентавала наведвальнікам усю паўнату захапляльнай і пакутлівай гісторыі і культуры Беларусі з усімі яе выклікамі і праблемамі. Сёння стала экспазіцыя Нацыянальнага музея носіць назву «Старажытная Беларусь», займае адну залу, прадстаўляючы перыяд ад неаліта да канца XIX стагоддзя. Адсутнасць цэльнага погляду на нацыянальную гісторыю і куль-

туру не здольныя кампенсаваць ні выстава магнацкіх партрэтаў эпохі Вялікага Княства Літоўскага, ні сціплы музейны эксперымент пад назваю «Археалогія смерці», ні рэкламная выстава «Беларусь і беларусы. Гід па гісторыі і культуры», ні інтэрактыўныя праграмы з магчымасцю выкарыстаць «варштат Скарыны» ці прапанова дзецям пагуляць на пляцы-імітацыі Палескага падвор'я. Ні паасобку, ні ўсе разам.

Можна, праўда, па дарозе ў гардэроб ці прыбіральню ў сутарэннях таго ж будынка на ўласную рызыку зазірнуць у экспазіцыю Рэспубліканскага музея прыроды і экалогіі, каб ізноў апынуцца першым і адзіным наведвальнікам, расказаць пра цудадзейную картку ІКОМа, убачыць традыцыйныя для канца XIX стагоддзя дыярамы, якія расказваюць пра колішняе жыццё птушак, звяроў, балотаў і падводнага свету.

А з лічбавымі тэхналогіямі ў экспазіцыях што? У абодвух музеях атрымалася налічыць тры маніторы. Адзін стацыянарны ў музеі прыроды і экалогіі і аж два (стацыянарны і перасоўны) у Нацыянальным музеі. Гаварка супрацоўніца, кіраваўшая працаю па перасоўванню другога манітора паміж заламі музея, з ахвотай адгукнулася на пытанне пра лічбавыя сродкі камунікацыі ў экспазіцыі Нацыянальнага музея. Запэўніла, паказаўшы на сіратлівы стэнд-афішу на ўваходнай сцяне адной з залаў, што віртуальныя акуляры ў музеі маюцца, але яны прыбраныя з-за пандэміі. Пра спецыяльныя індывідуальныя антыкавідныя маскі, якія зараз ужываюцца ў іншых музеях, каб засцерагчы твар карыстальніка ад наўпроставанага кантакту з акулярамі яна нічога не чула. Але з абурэннем адзначыла, што гэта будзе толькі спрыяць пашырэнню пандэміі. З гонарам дадала, што Нацыянальны музей зараз рыхтуецца ўжыць у экспазіцыі планшэты. На пытанне, чаму толькі зараз, быў дадзены вычарпальны адказ: «Москва не сразу строилась». Ну і што тут дадаць...

На жнівеньскім гібрыдным міжнародным сімпозіуме ICOM 2021 года кіраўніца офіса Цэнтра глабальнай адукацыі кампаніі Майкрасофт Кацярына Дэвін спынілася на пяці тэхналагічных магчымасцях, якія зараз лічбавы свет прапануе музейам [6]. Зацікаўленым музейным спецыялістам, працягваючы неўміручую думку Дэйла Карнегі пра лімон і ліманад, былі акрэслены прываблівыя контуры магчымай будучай глабальнай стратэгіі выкарыстання ўзніклых абмежаванняў дзеля непазбежных пераменаў. Маючы досвед папярэдняй працы з лічбавымі тэхналогіямі ў Прыродазнаўчым музеі Нью-Йорка, калега раіць найперш рухацца ў бок выкарыстання штучнага інтэлекту і яго складнікаў. Каб палегчыць працу супрацоўнікаў тых аддзелаў фондаў, якія дзесяцігоддзямі, калі не стагоддзямі, шчыруюць над апісаннем музейных калекцый: ад карпатлівага распазнавання рукапісных тэкстаў да апісання фота і мастацкіх выяваў.

Не менш важнымі накірункамі магчымага развіцця музеяў, па думцы прадстаўніцы кампаніі Майкрасофт, мусіць стаць выкарыстанне змяшанай рэальнасці для захапляльнага (іммерсіўнага) віртуальнага навучання і гібрыднае (змяшанае) працоўнае ўзаемадзеянне. У дачыненні да музеяў гэта можа быць віртуальная экскурсія ці змяшаная камунікацыя па-за наведваннем экспазіцыі са спецыялістам у дадзенай галіне. Спецыяліст прысутнічае ў віртуальнай прасторы вашых акулераў у выглядзе двайніка-аватара і бярэ актыўны ўдзел у экскурсіі, лекцыі або даследванні. Ці проста дапаўняе візуальны шэраг неабходнай эмацыйна-афарбаванай інфармацыяй. Тое, што мае неўзабаве паступова ператварацца ў мета-сусвет.

Відавочна, музейам варта выкарыстаць неверагодную колькасць дадзеных, якія, дзякуючы лічбавым тэхналогіям, могуць збірацца вакол кожнага руху любога наведвальніка. Абапіраючыся на атрыманыя дадзеныя, вывесці на новы ўзровень веды пра тое, як

працуюць ці не працуюць розныя музейныя праграмы, экспазіцыі, як выкарыстоўваюцца музейныя плошчы.

І нарэшце, лічбавыя тэхналогіі змогуць паменшыць галаўны боль захавальнікаў і адміністратараў музеяў, забяспечыўшы кантроль і падтрыманне аптымальных для захаванасці музейных прадметаў тэмпературы, вільгаці ды асвятлення.

Калі мая краіна Беларусь стане нарэшце адначасова незалежнай, нейтральнай і багатай, тады (лічбавая) будучыня экспазіцыяй Нацыянальнага музея і іншых музеяў наблізіцца да сёняшняга стану вясковага Швейцарскага музея выкапняў. Вось толькі калі? І ці будзе той чакаць нас скамянелым у сваім сёняшнім?

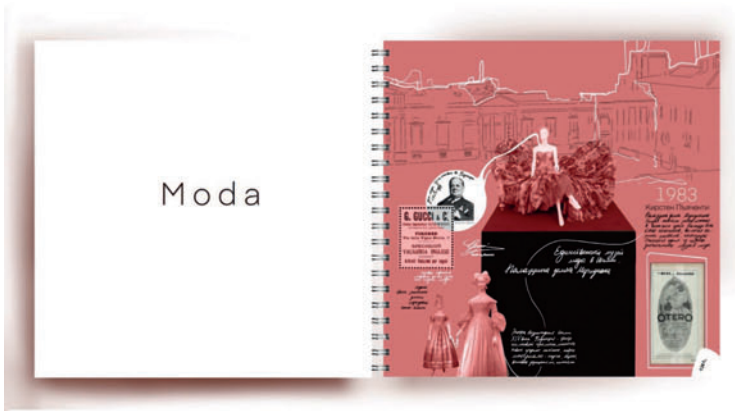
Выкарыстаная літаратура

- [1] Facebook launches "Horizon Workrooms." Here's how it works // <https://www.youtube.com/watch?v=frZQrEBVkkk> (30.08.2021).
- [2] Building Digital Twins, Mixed Reality and Metaverse Apps // <https://www.youtube.com/watch?v=GAkB98ewcjl> (25.07.2021).
- [3] NEMO Final Report on the impact of the COVID-19 pandemic on museums in Europe // <https://culture360.asef.org/resources/nemo-final-report-impact-covid-19-pandemic-museums-europe/> (25.07.2021).
- [4] Museo dei fossili del Monte San Giorgio // <https://www.myswitzerland.com/en/experiences/fossil-museum-monte-san-giorgio/> (21.04.2021).
- [5] Нацыянальны музей гісторыі і культуры рэспублікі Беларусь // <http://histmuseum.by> (10.08.2021).
- [6] The ICOM Prague International Symposium 2021 // <https://icomprague2021.gcon.me/page/home> (26.08.2021).

Европейское наследие в работах студентов программы ЕГУ «Визуальный дизайн»

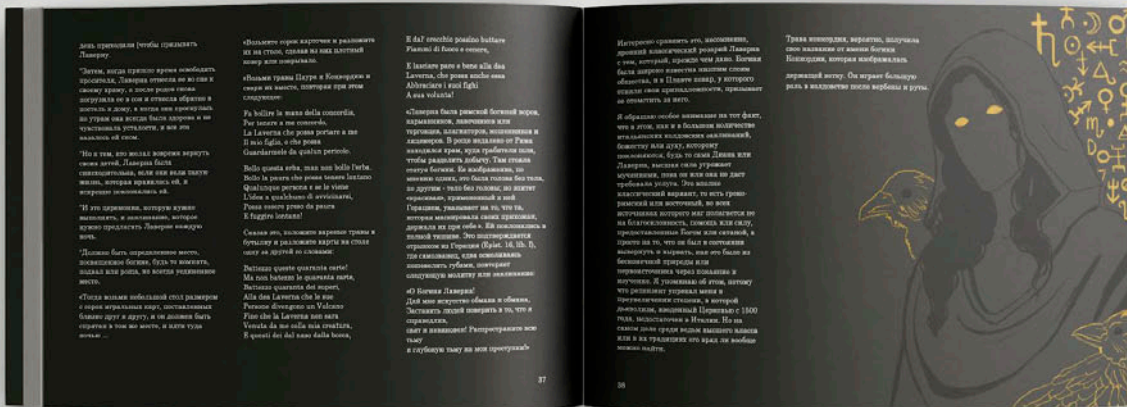
Все бакалаврские программы Департамента гуманитарных наук и искусств ЕГУ разворачиваются в исследовании топосов – городов, ставших ключевыми для становления европейской традиции. Студенты, изучающие наследие, дизайн или актерское мастерство, строят свои годовые проекты в соотнесении к Вильнюсу, Флоренции, Санкт-Петербургу и Афинам. Дело не в замечательных памятниках архитектуры. Дело – в духе места, притягивающем таланты и задающем свою креативную энергетику. Вильнюс – это город современности и барокко, Флоренция – город ренессанса, Санкт-Петербург – город классицизма и романтизма, Афины – город античности... Все они вдохновляют и дают пищу для размышления о том, каким должны быть наши отношения с прошлым и настоящим. В этом заключительном разделе мы представляем графические работы студентов программы «Визуальный дизайн», посвященные городским артефактам Флоренции, Санкт-Петербурга и Афин.

Алексей Каржанович
Проект, созданный
в рамках курса «Артефакты
визуального дизайна: Флоренция»
бакалаврской программы ЕГУ
«Визуальный дизайн»

Валерия Занемонская
 Проект «Арадия или Евангелие от ведьм», созданный в рамках курса «Артефакты визуального дизайна»: Флоренция» бакалаврской программы ЕГУ «Визуальный дизайн»

Ольга Михолап
 Проект «Дни Гекаты», созданный
 в рамках курса «Артефакты визуального
 дизайна: Афины»
 бакалаврской программы ЕГУ
 «Визуальный дизайн»

Полина Вареводская, Анна Журович
Проект «Коллекционные карточки ΘΕΟΙ»,
созданный в рамках курса «Артефакты
визуального дизайна: Афины»
бакалаврской программы ЕГУ «Визуальный
дизайн»

Мария Пигулевская
Проект «Мифы и поры года», созданный
в рамках курса «Артефакты визуального
дизайна: Афины»
бакалаврской программы ЕГУ
«Визуальный дизайн»

Роман Ганкович, Антонина Камельчик
Проект книги, созданный
в рамках курса «Артефакты визуального
дизайна: Санкт-Петербург»
бакалаврской программы ЕГУ
«Визуальный дизайн»

CTRL+S. Европейское наследие. –
Вильнюс: Ciklonas, 2022. – 166 с.

Научное издание

Научный редактор: С. Стурейко
Редактура и верстка: Е. Аверкина
Дизайн обложки: Р. Ганкович, В. Довгяло

Подписано в печать: 11.01.2022
Тираж: 230 экз.

Напечатано:
UAB «Ciklonas»
Žirmūnų g. 68,
LT-09124 Vilnius
Tel.: 231 6684, 276 0118
Faks. +370 5 276 0117
El. paštas info@ciklonas.lt

